

ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ТОМСКИЙ ОБЛАСТНОЙ РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИЙ ДОМ»
ГОУ ВПО «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ
КАФЕДРА МУЗЕОЛОГИИ, КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ
В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПАЛИТРЕ
ТОМСКОГО СЕВЕРА:
КОЛПАШЕВСКИЙ РАЙОН

Издательство Томского университета
2016

УДК 908:39(571.16)(082)

ББК 26.891:63.5я43

Р 764

Редактор – д-р ист. наук *О.М. Рындина*

Рецензент – д-р ист. наук *Т.Б. Смирнова*

Р 764 **Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера:** Колпашевский район: Сборник статей. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. –164 с.

ISBN 978-5-7511-2441-1

Сборник содержит статьи участников совместной этнографической экспедиции Томского государственного университета и Российско-немецкого дома в Колпашевский район с целью изучения этнической истории и культуры российских немцев. Публикация основана на полевых материалах, которые раскрывают процесс депортации и выживания в суровых условиях Нарымского края, а также культурные традиции в жилище, пище, в празднично-обрядовой сфере, показывают динамику религиозной и языковой ситуаций, изменения в семейно-брачных отношениях и идентичности. В обобщающих статьях выявляются тенденции, характеризующие процесс формирования, развития и современного состояния российских немцев Колпашевского района.

Для краеведов, этнологов, историков, музеологов и всех интересующихся историей Томского края.

УДК 908:39(571.16)(082)

ББК 26.891:63.5я43

*Материалы для сборника собраны и опубликованы при финансовой поддержке
АОО «Международный союз немецкой культуры»*

ISBN 978-5-7511- 2441-1

© Авторы, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленный вниманию читателей сборник продолжает серию книг, в которых публикуются материалы этнографических экспедиций по изучению российских немцев, проживающих на севере Томской области – в Нарымском крае. Экспедиции проводились в рамках совместных проектов Национального исследовательского Томского государственного университета и Российско-Немецкого дома, поддержанных «Международным союзом немецкой культуры». Первая экспедиция состоялась в 2013 г. в Александровский район (сборник «Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Александровский район»), вторая – в 2014 г. – в Парабельский район (сборник «Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Парабельский район»), третья – в 2015 г. в Колпашевский район. Материалы, собранные в Колпашевском районе, систематизированы и публикуются в данном сборнике.

В Колпашевском районе исследования охватили город Колпашево, включая район Матяengi и Научную государственную селекционную станцию (НГСС), и населённые пункты Тогур, Саровку, Белояровку и Новосёлово. Экспедиция продолжалась с 1 по 10 июля, в ней участвовали студенты первого курса кафедры музеологии, культурного и природного наследия института искусств и культуры ТГУ Александра Дементьева, Елизавета Галактионова, Мария Сысоева, Всеволод Ситников, а также активисты Российско-Немецкого дома Виталий Шмидт и присоединившаяся позднее Юлия Фаллер. Впервые в состав экспедиционного отряда вошёл пастор Евангелическо-лютеранской общины г. Томска Виталий Мор. Руководитель экспедиции – доктор исторических наук О.М. Рындина.

В задачи экспедиции входило выявление и фиксация семейных хроник российских немцев, насильственно переселённых в Колпашевский район. Информация собиралась методом углублённого очного интервьюирования и фиксации в виде рукописей и аудиозаписей. Последующие этапы работы с материалом предполагали его расшифровку, сведение воедино обоих видов источников и система-

тизацию в виде авторского варианта статьи об истории конкретной семьи. Особенностью колпашевской экспедиции стало активное подключение к написанию статей местных краеведов – Татьяны Евгеньевны Вахрушевой и Галины Романовны Малаховой. В их статьях обобщён материал многолетних изысканий по истории края и проживающих в нём немецких семей, включая и собственную. Фотофиксации подлежали факты современной жизни и персоналии российских немцев: наши собеседники, их жилище и надворные постройки, предметы быта, мемориальные вещи – документы, фотографии, награды, семейные реликвии. Авторы снимков, включённых в сборник, Виталий Мор и Юлия Фаллер.

Собранный материал позволяет не только воссоздать историю депортации и выживания российских немцев в суровых условиях Нарымского края на протяжении трёх поколений, но и сохранить эмоциональный фон описываемых событий. Увиденное и услышанное помогает определить степень сохранности этнической культуры, выявив и зафиксировав бытовавшие и бытующие традиции российских немцев. Выявленная информация важна и в плане возможных перспектив музеефикации немецкой культуры. Исходя из специфики состава экспедиции, особое внимание было обращено на современную конфессиональную ситуацию у российских немцев: преемственность в семейных религиозных традициях, религиозные предпочтения и их мотивацию.

Организатором этнографической экспедиции традиционно выступил Российско-Немецкий дом в лице заместителя директора – Ларисы Алексеевны Глинкиной. Организаторы и участники экспедиции благодарят, прежде всего, всех информаторов, которые оставили свои домашние дела, хлопоты, заботы и согласились побеседовать с нами, потревожив уголки своей памяти, часто так тщательно скрываемые, поделиться своим мнением о происходящем. Выражаем особую благодарность Татьяне Евгеньевне Вахрушевой, которая стала куратором экспедиции, организуя маршруты наших передвижений и адресные точки полевых сборов, а также знакомство с такой привлекательной колпашевской землёй. Экспедиция не могла бы стать успешной без помощи многих официальных лиц, представляющих районную и поселковую администрации. Это в первую очередь глава района Андрей Федорович Медных и начальник управления по культуре, спорту и молодежной политике Татьяна Борисовна Бардакова. Отдельная благодарность руководству Колпашевского

кадетского корпуса, в частности Жанне Васильевне Рыжковой, которая создала прекрасные условия для проживания, Звягиной Валентине Викторовне – за организацию питания в кафе «Автотранспортник» и Ларисе Анатольевне Колотовкиной, директору колпашевской школы № 2, – за предоставленный транспорт. Тёплые слова благодарности и искреннюю симпатию адресуем водителю Владимиру Николаевичу Волкову, благодаря которому экспедиция оказалась такой мобильной и оперативной и ёмкие лаконичные изречения которого тотчас же становились для нас афоризмами и «фразами дня».

Т. Е. Вахрушева

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ НА КОЛПАШЕВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Колпашевский район как административная единица образован постановлением ВЦИК в 1925 г. в составе Томского округа Сибирского края. Ранее, согласно постановлению Сибревкома от 4 мая 1924 г., его территория входила в укрупнённую волость в состав Нарымского уезда Томской губернии с центром в с. Колпашевское. До 1944 г. район входил в состав Нарымского округа (бывшего Нарымского края) последовательно Сибирского (1926–1930), Западно-Сибирского (1930–1937) краёв, Новосибирской области (1937–1944). В 1944 г. Нарымский округ и его районы были отнесены к воссозданной (после 1762 г.) Томской области. Площадь района – 17,1 тыс. км².

В 1928–1934 гг., в период раскулачивания сибирского и алтайского крестьянства, в Колпашевский район на спецпоселение были высланы тысячи крестьянских семей. В 1934–1953 гг. здесь располагались многочисленные лагеря системы ГУЛАГ и спецкомендатуры Сибирского управления лагерей ОГПУ/НКВД СССР (Сиблаг). Во многом благодаря высокообразованным политическим ссыльным и спецпереселенцам, средний образовательный уровень населения в районе в 1928–1953 гг. был выше, чем в среднем по стране. В предвоенные годы, в том числе благодаря ГУЛАГу, район получил мощное развитие: оживились речные и иные виды перевозок, появилось авиасообщение с Томском и Новосибирском, увеличилось производство продукции, прежде всего лесной и рыбной отраслей, осуществляемое силами репрессированных.

Когда началась Великая Отечественная война, в Сибирь были эвакуированы многие предприятия и учреждения из западных районов СССР, направлялись огромные людские потоки. Это коснулось и Колпашевского района. Сюда в 1941–1942 гг., после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г., было депор-

тировано около 420 семей российских немцев, в основном женщин и детей. Практически все мужчины были мобилизованы в трудовую армию. Судьба этого народа в годы Великой Отечественной войны трагична и не оставляет равнодушным. Депортация коснулась всех немецких семей, а АССР немцев Поволжья к маю 1942 г. была ликвидирована. География мест выселения немецких семей в Колпашевский район обширна: Средняя Волга, Запорожье, Крым, Башкирия и т. д.

В военные и первые послевоенные годы тяжело пришлось всей стране, всем проживавшим в ней народам: голод, холод, непосильный труд, а ещё – страх за себя и своих близких. В Сибири неотложной задачей стало быстрое размещение эвакуированных предприятий и ввод их в действие. Были такие предприятия и в Колпашевском районе (Керченский рыбоконсервный завод, «Металлист»). Для их запуска и производства на них продукции требовались дополнительные рабочие руки. Материалом для строительства цехов на новом месте и для производства тары (ящиков) было дерево. На заготовку древесины и были определены почти все немецкие переселенцы. Первые немецкие семьи появились у нас осенью 1941 г. Местное население встретило их по-разному: кто-то жалел женщин и детей, а кто-то откровенно ненавидел. Немаловажную роль в непростых отношениях с местным населением сыграл языковой барьер: прибывшие на поселение немцы не знали русского языка. Вторая волна переселения в Колпашевский район коснулась российских немцев, которых в ходе депортации сначала оставили в Новосибирской и Кемеровской областях. Эти семьи в 1942 г. были направлены на север исключительно для работы на лесозаготовках, лесозаводах и в рыбодобыче. Основную часть переселенцев по прибытии их в Колпашевский район направили на лесозаготовки, меньшую – на рыбозавод в Матьянге, где их расселили по квартирам.

Немецкие семьи определили на лесозаготовки уже существовавших леспромхозов. Большинство участков для заготовки леса располагалось по реке Кеть: Елтырево, Корга, Ангальджа, Белояровский (Нижняя Белояровка), Чалковский, Саровский леспромхозы имели по несколько лесозаготовительных участков. Белая речка, 32-й квартал, Заломное, Глухариное, Белый Яр, Ангальджа, Бугор – это были лесозаготовительные участки, которые входили в Чалковский леспромхоз и где в основном работали немцы. В Чалково ежедневно собирались сведения о выполнении плана на лесозаготовках. Связи

между участками не было, и поэтому данные из участков доставлялись нарочным. Прибывшие в 1942 г. семьи российских немцев определили на жительство в 5 км от деревни Саровка, в тайге на пустом месте. Новый посёлок лесозаготовителей получил название Плотбище. Работали жители Плотбища на лесоучастках Алёшкин остров и Цыганок. Впоследствии, после снятия с учёта спецкомендатуры, жители с этих участков переехали в Саровку и Колпашево.

Несколько десятков немецких семей было определено на жительство в село Тогур, где всех поставили на учёт в спецкомендатуре, запретили без разрешения посещать соседние деревни, выезжать в города. Со старых фотографий смотрят на нас люди, которые в условиях унижения человеческого достоинства сохранили веру в лучшее, надежду и жизнелюбие. Они добросовестно трудились, а в свободное время собирались вместе, гуляли по улицам Тогура, шутили, вспоминали прошлое, пели родные немецкие песни. Готовили немецкие блюда: «ривелькухе», «нудельзупп», «краutzупп», «пфанкухе», «швайnbrатен мит краут», «обстзупп», «бонезупп». Сохранить родной язык было непросто: в русскоязычной среде пользование родным языком было крайне ограниченным. Российские немцы, проживавшие в Тогуре, говорили на разных диалектах немецкого языка, так как одни были депортированы из Поволжья, а другие – из Запорожья. Различия между диалектами настолько велики, что их носители не всегда понимали друг друга. Работали немцы в Тогуре на Кетском лесозаводе. Среди работающих немцев были и дети. Многие семьи немцев проживали в домах барачного типа. Один из барачков, находившийся в центре посёлка, местные жители прозвали «Берлин». Это было популярное место в Тогуре. В выходные дни молодёжь села, посмотрев фильм в клубе, отправлялась в «Берлин». Перед барачком располагалась импровизированная танцплощадка. Молодые люди, русские и немцы, вместе веселились и танцевали.

Много немцев поселилось в Тогуре, на ул. Шпальной. Этот район понравился трудолюбивым немецким семьям: река, луга, плодородная земля были хорошим подспорьем для выживания. Уже через несколько лету жителей ул. Шпальной появились породистые коровы и свиньи. Недалеко от дома была и работа. Поднимешься в горку, и вот он – шпалозавод, где все и работа-

ли. Здесь была даже начальная школа. В Тогуре и сейчас живут представители семей российских немцев. Если перелистать списки учеников Тогурской средней школы, можно встретить множество немецких фамилий: Антон Миллер, Мария Бац, Анастасия и Елена Дынер, Юлия Кейних, Дарина Кельм, Владимир Книттель, Андрей Лефлер, Иван Кауфман и др. Немецкие фамилии носят 4 % учеников школы, но представителей российских немцев в ней гораздо больше. Многие учащиеся носят русские фамилии, так как родились в смешанных браках, но являются потомками депортированных в годы Великой Отечественной войны российских немцев. К российским немцам принадлежат и некоторые учителя Тогурской школы. Это Эрика Давыдовна Андрианова (Горн), Фрида Христиановна Чичигина (Кильман), Ольга Владимировна Ситникова (Рау).

Некоторые немецкие семьи переехали в Колпашевский район в 1970–1980-е годы, поближе к обосновавшимся здесь ранее родственникам: Гельмут и Юнг – в посёлке Озерное, Рах и Браун – в деревне Маракса. Маракса-2, расположенная в 1,5 км от основной деревни, в 1940–1950-е годы являлась еще одним местом компактного проживания немецких семей. Они долгие годы работали на небольшом плодоовощном комбинате, продукция которого в военные годы отправлялась на фронт и в госпитали, а в послевоенные годы – в более северные районы Томской области.

После 1956 года, сразу после снятия с учёта в спецкомендатурах, многие семьи российских немцев уехали с мест поселения, особенно молодежь. Перебрались в населенные пункты со школой и больницей: нужно было учить и лечить детей. Так в Саровке появилась новая улица, получившая название Немецкой (сейчас – Рабочая). В поселке до сих пор проживают братья Макштадт, семьи Горн, Бауэр, Фрибус, Зауэр и др. Баптистская община микрорайона Научная государственная селекционная станция (НГСС) почти полностью состоит из немцев: Фабер, Готман, Вайнгер. В деревнях Могильный Мыс, Новогорное, Чажемто живут потомки российских немцев, депортированных сюда в годы Великой Отечественной войны – Дамм, Зауэр.

Российские немцы, как и другие народы, с честью и достоинством перенесли все тяготы, выпавшие на их долю в годы войны. Обосновавшись после депортации на новом месте жительства и

прожив здесь многие годы, они полюбили наш край, свою новую родину. Так и живут в Колпашевском районе десятки немецких семей. Да и куда ехать? Язык и традиции практически утрачены. Могилы предков здесь. Здесь же живут друзья и одноклассники.

Литература

1. *Население* и населенные пункты Томской области // Томская область. – М.: Белый город, 1999.
2. *География* Томской области. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998.
3. *Земля колпашевская*. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996.
4. *Организация* научно-исследовательской работы. – М.: ЭКСМО, 1992.

О.М. Рындина

ЖИЛИ, ТРУДИЛИСЬ, ЛЮБИЛИ: О РОССИЙСКИХ НЕМЦАХ КОЛПАШЕВСКОГО РАЙОНА*

В формировании немецкой диаспоры в Колпашевском районе можно выделить несколько разновременных и различных по интенсивности волн переселения, вызванных социально-политическим процессами, протекавшими в стране.

На 1930-е годы приходится переселение немцев, обусловленное кампаниями по раскулачиванию и борьбе с «врагами народа». Сведения о семьях, оказавшихся здесь по указанным причинам, представлены отрывочно в совокупности собранных данных. Так, из Запорожья раскулаченных Безе привезли в Томск. *«В городе в это время свирепствовали корь и дифтерия. Трое дочерей: 4-летняя Анна, полуторагодовалая Мария и шестимесячная Агнесса умерли в течение недели. Родственникам не разрешили их похоронить, завернули в покрывало и увезли на телеге. Где они похоронены – не известно. В больницу положили трёх других дочерей: Елену, которой шёл 17-й год, 14-летнюю Агату и 12-летнюю Маргариту. Они выздоровели. Из Томска Ивана Давыдовича, Елену Ивановну и трёх дочерей, Елену, Агату и Маргариту, на барже отправили до Колпашева. Привезли поздней осенью и высадили на берег. Река уже начала покрываться льдом. Весной 1934 года отправили в Верхнекетский район, где определили на раскорчёвку леса».* Очевидно, что Вальдеры оказались на Колпашевской земле как жена и сын «врага народа»: отец был военным, его арестовали в 1937 году, а членов семьи выслали в Сибирь. После смерти матери сына Александра определили в детский дом. Спецпереселенцев постоянно перемещали с места на место. В 1941 году, с началом Великой Отечественной войны, на территорию Колпашевского района отправили часть немцев

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

из более южных территорий. Так здесь оказались семьи Ганикель и Готманов, выселенные из Прокопьевска и Анжеро-Судженска.

Определяющую роль в формировании немецкого населения на территории района сыграла вторичная депортация осенью 1942 г., когда из Новосибирской области спецпереселенцев отправили в Нарымский округ с целью обеспечения рабочими руками лесной и рыбной отраслей народного хозяйства. Среди переселенцев хорошо различаются два потока – из Республики немцев Поволжья (Саратовская область) и из Украины. Среди мест исхода в первом потоке преобладают центральный, Зельманский, и северо-восточные, Мариентальский и особенно Маркштадтский (сёла Беккердорф, Кано, Ремлер) кантоны, во втором – Запорожская область (Гольденберг, Новоалександровка, Лацкое). Переселение в обоих случаях было сопряжено с покинутыми домами, брошенным хозяйством и тяжёлой дорогой: антисанитарные условия в «телячьих» вагонах, отсутствие медицинской помощи, скудное питание, особенно после того, как закончились взятые в дорогу продукты.

Переселение из Запорожья значительно осложнилось прифронтовым положением территории. *«В 18 км от деревни (Давыдово (Ново)-Орловка. – О.Р.) располагался завод, который постоянно бомбили. Над деревней тоже летали немецкие самолёты. Взрослые учили детей различать гул своих и чужих самолётов, прятаться в кустах и кукурузе во время бомбёжек. Погибало много людей. Далеко видно было, как горела на речке нефть. Уже бомбили г. Орджоникидзе (в 1937–1943 гг. город Енакиево Донецкой области назывался г. Орджоникидзе. – О.Р.), слышны были взрывы, видны пожары. Деревня стояла тёмная, с заклеенными крест-накрест окнами. 29 (30) сентября 1941 года учитель объявил в школе об отмене занятий и отправил всех готовиться к срочной эвакуации. Приехавшие военные объявили о том, что всех проживающих в деревне немцев выселяют за Урал, на сборы дали одни сутки. С собой разрешалось взять всего 20 кг вещей на одного человека (по другим данным – 200 кг на семью). Взрослые ципали и варили куриц в дорогу. Остальных животных дети выгнали в кукурузу. Повсюду стоял плач людей, рёв животных, вой собак, чувствующих, что их оставляют на произвол судьбы. Роману жалко было голубей и кроликов, которых он тоже вынужден был выпустить на волю. В дорогу брали самое необходимое».*

Следовавшая буквально по пятам, а порой и настигавшая смертельная опасность заставляла рассматривать выселение как спасательную, а не карательную меру и уравнивала эвакуацию и депортацию. Как следствие – иное отношение военных, сопровождавших переселенцев. *«Военные, охраняющие эшелон, не разрешали громко разговаривать. Всех предупредили, что если отстанут от поезда, то придётся самим догонять, иначе накажут... Когда закончились домашние припасы, всем стали выдавать небольшой паёк: суп, кашу, по 2 кусочка хлеба... В вагоне находились старший и его помощник из числа военных, которые следили, чтобы никого не обманывали при раздаче продуктов. В них не видели врагов, они сочувствовали переселенцам. Ночью движение продолжалось. Рядом шли вагоны с ранеными. Однажды на глазах переселенцев разбомбили соседний эшелон. Военные потребовали закрыть двери и окна. Однако все успели заметить страшную картину, которая навсегда врезалась им в память. Выжившим повезло». Случалось, что стремительное наступление немецкой армии разбивало семьи: часть успевали вывезти, а часть попадала под оккупацию. «Старшего брата (Фурмана. – О.Р.) отправили в Молотовскую область, а младшему приказали гнать скот. Коровы шли медленно, и его догнали наступающие части немецкой армии, развернули назад и отправили в Германию».*

События 1947 г., связанные с насильственной репатриацией советских немцев, вывезенных в Германию с оккупированных территорий, отрывочно представлены в семейных хрониках: так в Тискино оказалась семья Маркс.

После снятия в 1956 г. с учёта в спецкомендатуре возобладало стремление к воссоединению больших немецких семей, и начался отток немцев с территории Колпашевского района в "тёплые края", прежде всего в Казахстан. Пустели уже обустроенные дома и подворья, редело население на «немецких» улицах. Вместе с тем в 1960–1970-е гг. наметился обратный поток немецкого населения, хотя и не такой интенсивный. *«Живя в Куржино и зная, что теперь никто не может держать его в Сибири, Роман (Кауц. – О.Р.) мечтал о том, чтобы его дети жили в тёплых краях и вдоволь ели фруктов, как он сам в детстве. И он решил исполнить свою мечту: вместе с семьёй уехал в Узбекистан. Но Сибирь как будто привязала его к себе. Вернулся к друзьям, но уже в Белояровский лесопункт Тогурского лесопромышленного комбината».*

Если семьям не удавалось воссоединиться, то приезжали друг к другу в гости, и встречи разлучённых войной родственников заминались на всю жизнь. *«Мне (Токаревой (Баймлер) Татьяне Ивановне. – О.Р.) лет пять. Лето. Мама несколько дней говорит о гостях, которые едут, плачет. Телефонов, конечно, нет. Кто-то прибежал, сказал, что гости уже у «кроссмамы». Она со старшей дочерью Паулиной, младшим сыном Иосифом и внуками живёт в «немецком» бараке, в Заводском переулке, недалеко от нас. Я бегу первой в лёгком ситцевом платье, в сандалиях на босу ногу... Нарядные (городские): в крепешиновом платье, с красивой причёской – тётя Миля, в костюме – дядя Давид, её муж. Одеты попроще тётя Минна с дедом и внуком и дядя Костя с детьми – Элей и Толиком. Глаза разбегаются! Все весело смотрят на меня. «Кроссмама» говорит: «Это старшая Идина – Таня». Дядя Костя подхватывает меня на руки и целует. Следом прибегает мама с Ниной на руках. Наконец-то все вместе! Впервые после войны. Обнимаются, смеются, плачут. Какое счастье!».*

Параллельно шёл и процесс внутренней миграции – перемещения немецкого населения в пределах Нарымского края. Так, семья Готманов из Александровского переселилась в Колпашево, на Научную государственную селекционную станцию (НГСС).

На территории Колпашевского района основная часть депортированных немцев трудилась в лесной отрасли – на лесозаготовках в Чаловском леспромхозе, участки которого располагались при впадении реки Корты в Обь, и на лесопереработке на Кетском лесозаводе в селе Тогур.

Зимой лес валили, а весной и летом – сплавливали. Валили ручными пилами: лучковой – в одиночку и поперечной – вдвоём. *«Срубали сучки, очищали ствол, потом вилами откидывали сучки, делали из них кучу и поджигали. Всё подчищали граблями, чтоб ничего в лесу не оставалось. А сейчас Елена Петровна (Быковская (Магер). – О.Р.) удивляется, что делают с лесом на лесозаготовках: в её времена за такое лишили бы зарплаты. Мастер приходил каждый вечер и принимал участок. Придёт, пробежит, посмотрит и подпишет, если всё в порядке. Жили в бараках, где стояли топчаны, потом их поменяли на двухъярусные койки. Отопление – печное. Барак был большой, по обе стороны от коридора располагались комнаты для ребят, девочек и семейных, которые тоже были.»*

Девушкам и молодым женщинам нередко приходилось в одиночку справляться с лесными великанами и кряжистыми стволами. *«За ходом работы постоянно наблюдало начальство, ходило днём по полянам, а вечером подводило итоги и разбирало, кто как работает. Через поляну от Агани (Батц. – О.Р.) работала другая немка – Ирма, у которой не получалось выполнять норму на одного человека. Обнаружив это, Ирму сильно отругал начальник Бочкарёв, сменивший Бескупского, обзывал нецензурной бранью, на которую был мастак. Агания же выполняла норму на 150 %. Как-то ей попалась «кудрявая» сосна, которую она никак не могла свалить. Подпилила, как положено, раскачивала 5-метровой вилкой, толкала с помощью плечеупора-стяга. Но сосна не поддавалась. От усталости села на снег, но услышала, как Виталий Иванович Матуцак сказал, чтобы не сидела на снегу. Оглянувшись назад, увидела Матуцака, Бочкарёва, специалистов по технике безопасности. Четыре человека молча стояли и наблюдали, как девушка мучилась, но так и не помогли, пошли дальше. Однако Агафья справилась».* От тяжёлой работы на валке леса не освобождались даже беременные женщины, что оборачивалось потерей младенцев. Позднее, после войны, женщины валили лес только вместе с мужчинами, а с 1954 г. вообще был запрещён женский труд на лесозаготовках.

«Норма на валке для мужчин зимой составляла 8 кубометров, летом – 12, а для женщин зимой – 6 кубометров, летом – 8. За выполнение нормы вальщикам давали 800 г хлеба, а тем, кто работал на подсобных работах, – 600 г. Если первый раз норму не выполнишь, могут простить, а если второй – не уйдёшь с поляны, пока не выполнишь своё задание. Иждивенцам давали хлеба наполовину меньше (250–300 г). Норму старались выполнить через силу, чтобы получить свою пайку хлеба. Позже стали давать 200 г масла, немного соли, сахара, пшена».

Одежды и обуви катастрофически не хватало: быстро изнашивалась. Работникам выдавали лапти, в которые зимой вставляли ватные бурки. Выдача валенок запоминалась как настоящий праздник. От непогоды и холода приходилось укрываться, чем придётся, порой прибегать к хитрости. *«Зимой Роман (Батц. – О.Р.) носил на голове старый будёновский шлем, простёженный бабой Катей для тепла. Но и он изнашивался. Чтобы Роману выдали шапку, пришедший с фронта Петр Петрович Плеснивый, работавший лесником, предложил Роману пострелять из ружья, а в качестве мишени поста-*

вил его шлем. Желание научиться стрелять превысило жалость к шлему, в результате он оказался весь в дырках. А вечером по требованию Петра Петровича вызвали Романа в контору и дали записку для продавца. Домна Ивановна Шмакова, согласно записке, вручила ему новую шапку и вязаные варежки».

Весной работали недалеко от берега, скатывали в реку брёвна и проводили первичный сплав по большой воде, водили плоты. Летом подтаскивали к берегу заготовленный лес, шкурили его, чтобы деревья не гнили, а сохли и в них не заводились жуки-короеды. В июне «всех отправили на вторичный сплав леса – на «муль», когда реки после разлива входили в свои берега. По берегу на расстоянии километра ставили людей, которые отвечали за свой участок, следили, чтобы плывущий лес не образовывал заторы. Если лес вставал, то его необходимо было растащить баграми, при этом надо было ещё успеть прыгнуть на берег и не утонуть, так как брёвна под ногами крутились и могли затянуть под себя. Часто срывались, намокали, а переодеться было не во что. Одежда и обувь поизносились, порой работали босиком или в лаптях. Агафья и Ангелина работали наравне с мужчинами. Чудом остались живыми. Агафья (Батц. – **О.Р.**) вспоминает: «Работаешь целый день, как заводная. Однажды «муль» остановился в омуте. Страшно, но работу выполнять надо. Перебежала босиком по тоненьким брёвнам, растащила их, со страха не помня, как. Успела прыгнуть на другой берег, где и просидела всю ночь. Лес больше не останавливался, перейти назад было нельзя»». После сплава собирали по берегам реки оставшийся лес.

Сплаваемый лес маркировали по диаметру ствола – дрова, шпалы, крепёж – и связывали в пучки. В пункте назначения пучки соединяли друг с другом в так называемые «цигары», за ними приходил буксир и тянул их на лесозаводы в Тогур, Могочино, Нарым. На сплаве работали до осени.

Подростков тоже отправляли на лесозаготовку. Они, как и взрослые, работали от темна до темна: заготавливая дрова для участка, скручивали с помощью специального столба длинные берёзовые прутья, чтобы вязать «плотки» – лес, собранный в три ряда.

Со временем на лесоучастках, в местах сплава, стали возникать поселения, например Плотбище, Ангальджа, построенные лесозаготовителями. Кирпич производили сами, на лесоучастках. Глину месили с помощью коня, обжигали кирпич в ямах.

Лесозаготовка стала не частью, а самой жизнью для трудившихся на ней немцев-переселенцев. Здесь *«люди жили, трудились, любили. Контингент, в основном, был молодой, и многие нашли свои половинки, завели семьи. Построили собственные дома, пусть и небольшие... Стали рождаться и подрастать дети, и их надо было учить. А кто-то приезжал уже с детьми»*. Из российских немцев многие стали передовиками производства, награждены медалями, почётными знаками, среди них и начальник Белоярковского лесопункта Роман Карлович Батц.

Кетский лесозавод также прочно вошёл в жизнь многих немецких семей. Сюда приходили подростками, чтобы помогать родителям, и оставались здесь на всю трудовую жизнь. *«Лилия (Ушакова (Райман). – О.Р.) стояла у столба, рядом с «бревнотаской», по которой шли брёвна из воды и с которой их сбрасывали на площадку, где сцепляли цепями. Мама, находясь позади, за 250 метров, тащила их на лебёдке и складывала в штабеля высотой до 6 м. Лебёдка была огромная: два больших барабана и машинное отделение, которое работало на дровах. Сигнальщица стояла на улице у столба в любую погоду и подавала команды: «Пошёл» и «Стоп». Сигнал – и мама включала лебёдку, два сигнала – давала слабинку тросу, чтоб человек мог отцепить цепь. Таким образом, по командам Лилии мама управляла лебёдкой»*. Завод работал в три смены, и грохот от лесопилки стоял такой, что дрожали стёкла в ближних домах. Продукция завода отправлялась по всему Советскому Союзу – на Украину, в Казахстан и Грузию, а также шла на экспорт: в Чехословакию поставляли пиломатериал для изготовления карандашей, а в Германию – сосну.

Нередко в течение своей трудовой деятельности человек осваивал несколько специальностей. Пример тому – послужной список за 42-летний трудовой стаж Лилии Рейнгольдовны Ушаковой (Райман.): бракёр и учётчик круглого леса, определяющий сорт деревьев, наличие брака и кубатуру принимаемого леса, бракёр и сортировщик пиломатериала – брёвен в бассейне перед их подачей в лесопильный цех, кубатурщик на отгрузке, оформляющий пакет документов на отправляемую партию, товаровед на складе со штабелями пиломатериала в сотни тысяч кубометров. Случалось и так, что человек демонстрировал преданность любимому делу, не меняя его и относясь к нему со всей ответственностью и даже педантизмом. Виктор Андреевич Бредер был зачислен «древорезом» в баню лесозавода, а

впоследствии переведён в ученики печника в жилищно-коммунальный отдел завода. Став печником, он менял организации, но не профессию. Вёл строгую отчётность, занося в тетради все свои рабочие заказы.

Часть депортированных немцев отправили на работу в колхозы, которые занимались полеводством, животноводством, в них имелись рыболовные артели и небольшие рыбозаводы, поэтому круг выполняемых работ был широк. В Сургушино, на стрежневых песках, действовала рыболовная артель, и немецкие женщины работали в ней. *«За адски тяжёлый труд на стрежневом неводе матери (Валентине Михайловне Зауэр. – О.Р.) платили хорошо, выдавая и деньги, и рыбу, и продукты, и даже отрезы материи, поэтому голода семья не испытывала. Мать нередко делилась продуктами с голодающими женщинами и детьми, которые приходили на берег. Она прятала продукты в фартук и шла на берег».*

Крепких девушек отправляли таскать мешки с солью по 70 кг из трюмов речных судов на рыбозавод. Женщины с подростками летом пасли скот, а осенью гнали гурты на мясокомбинат, останавливаясь через каждые 15 км на отдых. Строго наказывалось любое прегрешение, даже невольное. *«Однажды в 1945 году в пути сбежало 6 свиней. Не трогались, искали их, а они паслись на лугах. Незнакомый мужчина их обнаружил, но отдал только четырёх свиней. Ольге (тёте Аделины Вильгельмовны Кауцц. – О.Р.) пришлось возместить потерю своим свиньями, но она всё-таки была осуждена по статье за «халатность» и посажена в тюрьму на 1,5 года. Отбыла срок в Белово Кемеровской области».*

К труду в колхозах с раннего детства приобщались и дети. *«Маленькая Гелейна (Гриценко. – О.Р.) вращала ручку веялки, до которой с трудом доставала. Постоянно слышались окрики бригадира: «Давай, немчура, давай!». Зимой на санях возила сено, по дороге лошади иногда распрягались, и приходилось бросать их и идти в деревню за помощью. К тому же сено по дороге сваливалось на один край, а семилетней девочке стоило большого труда его поправить. Мать тоже трудилась в колхозе разнорабочей. Кто из детей мог, тот тоже работал. За этот каторжный труд получали раз в неделю маленький мешок овсяной муки».*

Молодёжь зимой отправляли на лесозаготовку, а летом – на покос. *«Раньше всё возили на лошадях: машин ведь не было. Вот и приходилось много сена заготавливать, так что до осени моло-*

дѣжь работала и жила на острове, где косили заливные луга. Когда стояла хорошая погода, то о выходных днях даже и не думали. Жили в балаганах. Как только приезжали, ребята рубили молодые деревца, втыкали их в землю, а девушки косили, подсушивали траву и укладывали её внутрь балагана, мастера постели. "Одеялки" брали из дома».

Пристрастие к технике, свойственное немцам, делало привлекательными для них профессию тракториста, работу на дизель-генераторе, снабжавшем электричеством. Один из механиков, Александр Николаевич Вальдер, позднее стал управляющим Новосёловским совхозом, депутатом сельского совета.

Умелые немецкие рукигодились и на Колпашевской судовой верфи. По окончании фабрично-заводского училища здесь работал Карл Христианович Ганикель. Строил деревянные плоскодонные суда – мѣтчики для рыбаков, тоневые катера. Освоил изготовление полукилевой лодки с полустрым металлическим днищем, марефлюшноутов – катеров для буксировки лодки, перевозившей мороженую рыбу. Был бригадиром, обучал своей профессии молодых. За свой труд имел многочисленные награды, среди них и орден Трудовой славы 3-й степени.

Труд на производстве немцы-переселенцы совмещали с ведением домашнего хозяйства. Уже на следующий год по прибытии в Нарымский край они раскорчевали землю под огороды, окультурили пустующие земли, засадив их прежде всего картошкой, сохранѣнной ценой невероятных усилий. *«Из небольшого количества картошки, привезѣнной из Новосибирска и оставшейся незамерзшей, что рачительно сохранила баба Катя (Рожинская. – О.Р.), выковыривали глазки с росточками и тоже сажали. Люди смеялись: "Сами с голоду пухнут, а последнюю картошку в корни и песок толкают". Но урожай на целине оказался хорошим. Позже стали выращивать огурцы, помидоры. На огороде летом работали баба Катя и мать Франциза. Пололи, носили воду для полива из протекающей в 30 м от огорода речки. По их примеру в 1944 году начальство леспромхоза привезло людей с других участков, не задействованных на лесоразработках, для корчѣвки, удобрения земли и посадки картофеля на казѣнном огороде. Собранный урожай использовали для приготовления обедов в столовой».*

Стремление засадить и обработать большой огород, собрать урожай стало для немецких женщин неистребимым даже при отсутствии необходимости в этом. Детям и внукам с трудом удаѣтся

сдерживать их порывы к самостоятельной работе на огороде. У Лидии Германовны Горн в Саровке *«большой огород, за которым ухаживает, полет. Сын помогает вскопать огород, а картошку она сажит сама – дети не так кладут, неправильно. Потихоньку и окучивает картошку в свои 89 лет. Сыну разрешила посеять только морковку и свёклу, а вот лучок и чеснок сажит сама. Колодец у неё рядом с соседями, и вот накачают ей воды, и она помаленьку ходит, поливает, помидоры у неё хорошие. Часть огорода, чтобы земля не пустовала, отдала соседу».*

Каждая немецкая семья со временем обзавелась домашним скотом – 2–3 коровы, поросята, овцы, куры. Важным занятием для мужчин стала работа с деревом: подворье возводилось, как правило, самостоятельно. Особого мастерства требовало изготовление мебели. Им обладали далеко не все. Прекрасным столяром в Тогуре был Антон Александрович Зауэр. *«После работы он изготавливал на дому мебель – буфеты, шифоньеры, этажерки, сундуки. Для этого он смастерил токарный станок на электромоторе. Сыновья помогли отцу: шкурили, зачищали наждаком детали-заготовки. Мебель делал родственникам и на заказ».*

Отличительной чертой немецких женщин все называют умение кроить и шить: *«Мама ночь посидит, а утром её дочь уже щеголяет в новом платье».* По этой причине в числе самых необходимых вещей, которые брали с собой при выселении, часто была швейная машинка. *«Баба Катя (Рожинская. – О.Р.) взяла рабочую верхнюю часть ножной швейной машинки «Зингер», завернула в тряпки и поручила братьям Карлу и Роману нести её, сказав: "Это жизнь. Она может выручить в трудное время". И братья берегли её. Машинка не раз потом спасала семью от голода».* В Сибири Екатерина Ивановна шила вещи на заказ, получая за это отрезки ткани, деньги. Заказы поступали ей даже из Колпашева.

Немецкое население постепенно начинало осваивать богатства местных лесов. Существенным подспорьем стала охота. Мясная обеспечивала ценным пищевым продуктом, а пушная давала денежный доход, позволявший покупать порох, патроны, дробь и другие товары. Обилие боровой дичи и нехитрые приспособления для её ловли, силки и ловушки, позволяли заниматься этим детям и подросткам. Разнообразили рацион и рыбная ловля, сбор дикоросов, ягод и орехов. Первое время помогало выжить и плетение корзин, которые обменивали на продукты. К сожалению, отсутствие навыков

ориентации в лесу, знания местной флоры порой приводило к несчастным случаям: из леса не возвращались живыми, грибы служили источником отравления.

Расселение немецких семей на территории Колташевского района проходило по-разному. Нередко несколько суток приходилось коротать под открытым небом. Так, в Колташево переселенцы несколько дней провели на берегу, ночуя на речном вокзале, а в Тогуре их на два-три дня разместили на стадионе. Первым жильём становились землянки, сооружаемые самими переселенцами. В Матьянге их строили и в 1944 г. *«В полуземлянке жили 4 семьи, у каждой была своя комната за перегородкой. Спали на нарах, а матрасы, одеяла и подушки привезли с собой ещё из Поволжья. Временами приходилось набивать мешки соломой или сеном и спать на них».*

Часто селили в бараки: в Саровке за занавесками-перегородками жили несколько семей. В Тогуре барак с немцами-переселенцами назвали «Берлином». В Сургушино отвели под заселение стайку, которую немецкие женщины перестроили в полуземлянку. Повсеместно расселяли по квартирам. Хозяйки, у которых мужья и дети воевали на фронте, встречали постояльцев по-разному, но со временем произошло понимание общей беды, и отношения налаживались.

После войны старались обзавестись собственным жильём: строили небольшие дома, размером иногда 4х4,5 м. Представление о них дают две постройки, сохранившиеся в Саровке: двухкамерные, с двускатной крышей, состоят из бревенчатой избы и бревенчатых или дощатых сеней. Такое мини-жильё могло лишь защитить семью от непогоды, в нём было тесно, приходилось жить скученно, но тем не менее оно принадлежало отдельной семье, обеспечивая её автономию в обществе. Здесь сразу поселилась немецкая аккуратность. *«В доме часто белили, особенно печь, следили за порядком, тщательно заправляли кровать и следили за её опрятным видом: красиво складывали подушки, крахмалили наволочки, пользовались накидушками. Полы были деревянными».*

В 1950–1960-е гг. разраставшиеся немецкие семьи переселялись и в более просторные дома, двух-, а позднее и четырёхкомнатные. Дома покупали у местного населения, у уезжавших после снятия с учёта в спецкомендатуре немецких семей, строили сами. Планировку немецкого дома задавало расположение печи, выдвинутой к середине. Её стенки намечают расположение комнат: боковые – прихожей и кухни, задняя – спальни и гостиной. В интерьере также

проступали немецкие традиции, и прежде всего отношение к кровати. *«Её заправляли, как будто совершали ритуал: на матрас ровненько стелили два-три одеяла, обязательно выпускали узорные края подзоров. Мама специально заказывала их. Красивое покрывало было предметом семейной гордости. Тётя Миля прислала из Ферганы, где она тогда жила, два верблюжьих одеяла – сиреневое и оранжевое, с цветами. Таких красивых покрывал тогда ещё не было ни у кого из знакомых. Их Татьяна Ивановна запомнила на всю жизнь, как что-то сказочное. На заправленную кровать никому не дозволялось садиться, чужим не разрешалось спать на стоявших в доме кроватях».*

Даже при покупке дома хозяйственные постройки возводили, как правило, новые хозяева. Характерной чертой немецкого подворья стало соединение под одной крышей дома и летней кухни, чтобы вход в них был надёжно защищён от непогоды. Расположение хозяйственных построек обнаруживает два варианта: параллельно дому и Г-образное, примыкающее к нему. В любом случае хозяйственные постройки плотно примыкают друг к другу, образуя непрерывный ряд. Особняком, поближе к улице, стоят гаражи. В них ставят не только покупную технику, но и собранную собственными руками, например трактор у Антона Антоновича Зауэра.

Страшным бичом для немцев-переселенцев стал голод, особенно с осени 1942 г. по лето-осень 1943 г., когда ещё ничего нельзя было собрать на огороде. Практически все привезённые вещи выменяли на продукты: пуховое одеяло – на ведро картошки, костюм – на мешок. *«Питаться приходилось супом из крапивы и лебеды, в который добавляли овсяную муку, из неё же пекли лепешки прямо на печи, перекапывали картофельные поля в надежде найти пропущенные картофелины, выбирали остатки картошки из очисток. Работали на огородах у местных хозяев, получая за это продукты».* Весной и летом варили пойманную рыбу.

Осень 1943 года принесла некоторое облегчение: на огородах собрали урожай основной культуры-кормилицы – картошки. Отварной картофель секли сечкой, добавляя отвар, в русской печке парили редьку и брюкву. Пищевой рацион пополнялся медленно, и недоедание преследовало до конца 1940-х гг. *«Первую булку белого хлеба Елена (Классен. – О.Р.) попробовала в 1948 году, её на праздник 7 Ноября подарила тётя Агата. С 1949 года хлеб стал появляться на столе регулярно. В послевоенные годы практически все продукты, получаемые от скота на личном подворье: молоко, масло, яйцо сда-*

вали государству. На домашнем столе они не появлялись, вместо молока пили обрат. По-прежнему основными продуктами питания оставались картошка, редька и брюква. Те, кто держал овец, должен был сдавать полторы шкуры с головы скота с учётом будущего приплода. Ситуация понемногу стала изменяться лишь с 1960-х годов: в рацион питания начали входить молоко, творог, мясо».

Появившееся разнообразие продуктов возродило традиции немецкой кухни. Для неё характерно сочетание трёх главных компонентов: мучного, овощного (картофель и капуста) и мясного с преобладанием первого. Доминанта мучного заключается в том, что, во-первых, он входит в состав практически всех пищевых комбинаций, а, во-вторых, выступает как самодостаточный компонент.

Наиболее показательным в немецкой кухне стало блюдо, включающее в себя все три компонента. Оно зафиксировано в трёх вариантах приготовления и имеет четыре названия. Наиболее часто употребляемое название – «штрудель». *«Тесто раскатывали в лепёшку, смазывали маслом, сворачивали в рулет, разрезали на ломтики и клали на тушающуюся с мясом капусту. Тесто, замешанное на соде, взбухало, пропитывалось капустным рассолом и становилось вкусным».* Второе название блюда – «Strombes». Различие касается лишь способа приготовления теста – его замешивали на простокваше. Ломтики рулета подают на стол, полив их маслом с пережаренным на нём луком. Второй вариант блюда – «квикельте»: ломтики рулета из теста, замешанного на простокваше, тушили, уложив поверх картофеля. Третий вариант блюда называется «штрюли» или «штрудель»: поверх тушащейся капусты кладут не ломтики рулета, а галушки из теста на простокваше или соде.

Ещё одним блюдом, включавшим в себя все три компонента, являлся «Kraut und Prei» – *«тушёная с подсолёнными свиными рёбрышками и чесноком капуста, которую клали поверх картофельного пюре».*

Сочетание овощного и мясного компонентов встречается в «Krautsupp», его варили *«из квашеной капусты, по возможности добавляя немного свежей, на мясном бульоне, с картошкой».*

Разнообразнее представлены супы с мучным и овощным компонентами. Это – галушки, которые варили в мясном бульоне с картофелем. Для приготовления галушек тесто руками скатывали в колбаску и от него отщипывали или отрезали ножом кусочки. *«Для приготовления «белого супа» наливали полкастрюли воды, крошили картошку и крошку, замешанную из муки и яйца. После закипания до-*

бавляли молоко, после повторного закипания вливали 3 взбитых яйца, постоянно помешивая, но не доводя до кипения. Разливали по тарелкам». «Riewelsupp» варили с «затиркой» из муки, добавляя картошку.

Варили «Riewelsupp» и на основе мясного бульона, и таким образом в нём сочетались мучной и мясной компоненты.

Мучной компонент как самодостаточный представлен в супах – «прокосуп»: в кипящее молоко высыпали обжаренные на сливочном масле корочки хлеба, нарезанные кубиками. Как самостоятельное блюдо варили галушки. Галушки из теста, заведённого на молоке и соде, назывались «логреклейс», а из теста, заведённого на воде или на молоке, – жёсткие клёчки («фестеклейс»). Галушки бросали в кипящую воду, сварив, раскладывали по тарелкам и поливали сверху пережаренным на сковороде до коричневого оттенка маслом с луком. Варили вареники с начинкой из творога, смешанного с черникой. Им придавали квадратную форму.

Наконец, мучной компонент проявлял себя в выпечке: пироги «Kuche» с начинкой из ягоды и «Riewelkuche», посыпанные крошкой из муки, масла и сахара, иногда ещё с вареньем или яблоками. «Riewelkuche» был главным блюдом во время немецкого праздничного застолья. Ежедневной выпечкой являлись блины, лепёшки, оладьи. Их пекли к чаю. Правда, чай, согласно немецкой традиции, старались по возможности заменить киселём, компотом, какао. Нетрадиционность чая сказалась и в том, что по праздникам варили компот.

В консолидации и сохранении народа важную роль играет не только материальная, но и духовная культура, прежде всего празднично-обрядовая сфера. Наши собеседники с сожалением констатировали, что в Сибири праздники у немцев во многом утратили своеобразные черты. К немецким праздникам они отнесли Рождество и Пасху («Ostern»).

Рождество превратилось в главный символ немецкой культуры в Нарымском крае, вобрав в себя и передав многие традиции. Согласно собранной информации, Рождественский праздник состоял из двух частей: сочельника, который отмечается 24 декабря, и собственно Рождества, отмечаемого 25 декабря. На сочельник обязательно ставили ёлку, для которой дети делали игрушки из бумаги, украшением становились и пряники, домашняя выпечка. *Бабушка и мама готовили праздничные блюда, прежде всего «цукеркухе» с посыпкой из сахара и «ривелькухе» с посыпкой из мучной крошки. Вечером се-*

мья собиралась за столом. Дети читали молитвы на немецком языке, разученные с бабушкой, и получали за это подарки. Обычно «встречали Крискинди – женщину в белом наряде, с лицом, закрытым тюлем. Её лицо было невидимым, а голос казался незнакомым. Стоя перед ней, ребяташки читали молитву, а она спрашивала, как ребёнок себя ведёт – слушается или не слушается. Если бабушка говорила, что не слушается, то на этот случай был приготовлен прутик, могло и прутиком попасть. Когда Эрика (Горн. – О.Р.) училась в первом классе, собрали всех ребяташек из соседних домов. В роли Кринскинди выступала мать Анны Зауэр – Эрикиной подруги. И Эрика узнала её! Шептала на ухо подруге: «Аня, это твоя мама. Ты посмотри, посмотри, это твоя мама». Ну, конфет и пряников не досталось, зато прутиком попало, потому что обе девочки рассмеялись, не смогли прочитать никакую молитву. С тех пор Эрика и перестала верить в рождественский чудесный приход Крискинди».

Рождественскую фею называли также «Модерс», «ангелом», она могла быть укрыта и цветным платком. Если с ней приходил «Пельцникель», то он брал на себя функцию наказания непослушных детей. Правда, воспоминания о нём единичны.

Иногда родители прятали подарки в сено, а утром дети искали их. Получив подарки, дети ложились спать. Для них Рождество, по существу, заканчивалось. Взрослые, уложив детей, собирались у кого-либо в доме или в семейном кругу и отмечали Рождество. Вечером в сочельник собирались и члены лютеранской общины, молились, ставили ясли, в которых родился Иисус Христос.

В рождественскую ночь или рано утром молодёжь и ребяташки колядовали. «Стреляли возле дома из ружья, заходили к хозяевам, декламировали благопожелания на немецком языке, в ответ получали выпечку, конфеты. Рядились в вывернутые меховые куртки. Хозяева ждали ряженных, и если они не заходили, то это считалось плохим знаком – год будет тяжёлым». В каждой деревне у ряженных был свой заводила. В Тогуре – «Егор Фриз, который знал особые песни и стихотворения для этого действия и руководил на празднике сверстниками».

Новый год заметно уступал по значимости Рождеству. Традиционным праздничным блюдом служил «ривелькухе», а основным праздничным действием – славление: группами обходили дома, пели особые песни на немецком языке, стреляли в воздух. Вечером устраивали у кого-нибудь застолье или был праздничный семейный ужин.

Символом немецкой Пасхи стал пасхальный заяц. *«Про него говорили: он дарит подарки и красит яйца. Заяц их оставлял, а дети ходили и искали, во дворе или дома, в зависимости от погоды. На самом деле прятала бабушка, а дети находили конфеты и крашеные яйца. Бабушка говорила, что утром на Пасху обязательно должен быть солнечный зайчик, что он – символ самой Пасхи: “Раз солнечных зайчиков нет, значит, зайчик оставил подарки и убежал, он обиделся, и солнышко его не поприветствовало – это не настоящая Пасха”»*. Для подарков от пасхального зайца дети клали шапки под кровать и у порога, оставляли корзинки. Праздничное застолье предполагало наличие «ривелькухе». *«Стены в доме перед праздником белили, бельё стирали, старались, чтобы всё было белым и чистым»*.

Факторами, способствовавшими сохранению немецких традиций в праздничной сфере, стали, во-первых, компактность проживания, что проявилось в наличии «немецких» улиц, например Береговой в Тогуре, ставших этнокультурными заповедниками, во-вторых, наличие лютеранских общин – центров проведения календарных праздников.

Религиозная ситуация у российских немцев со временем значительно изменилась. Переселенцы, прибывшие на Колпашевскую землю, исповедовали традиционные для народа религии – лютеранство, католичество, меннонитство. При этом явно преобладали первые две конфессии. В Тогуре существовала лютеранская община, где *«проводили коллективные молитвы, отмечали праздники. Собирались в «комсомольском доме» у Франца, который был духовным лидером общины. После отъезда Франца и его семьи в Волгоград община долго не просуществовала»*. Какое-то время собирались на дому у верующих, читали молитвенные книги. Сегодня адептов лютеранской и католической веры крайне мало. Так, в Саровку из католического костёла в Томске приезжают священники – сначала отец Андрей, а сейчас – отец Алексей. Священник проводит в доме Зауэров мессу – коллективную молитву, причащает, но присутствует на богослужении только принимающая семья. Встретить меннонитов не удалось. Смена вероисповедания произошла в пользу православной церкви, чему в немалой степени способствовала деятельность настоятелей Тогурской церкви. Представители немцев второго, третьего и четвёртого поколений крещены в ней или в Томске. Показателен факт наличия в Саровке «домашей церкви», устроенной в доме Эмили Артуровны Шевченко (Маркс). *«Одна комната отве-*

дена под «домовую церковь». В ней висят иконы, каждое воскресенье проводится коллективная молитва, на которую приходят православные со всего села, около 20 человек. Дважды в год службу в доме Эмили Артуровны проводит епископ Колпашевский и Стржежевской Сиуан. Когда приезжает владыка, в доме Эмили Артуровны собирается до 40 человек. Один раз в месяц прихожан окормляет батюшка – отец Алексей из Тогурской церкви».

Сильны позиции в Колпашевском районе и христиан-баптистов. Центром религиозного притяжения стала активно функционирующая община в Колпашеве. На воскресной молитве в ней стараются побывать верующие из окрестных сёл. *«Собирается до 30 человек. Община организует для молодёжи христианские лагеря, создала детский и молодёжный хоры. По мнению Елены Генриховны (Татарниковой (Классен). – О. Р.), вера баптистов близка менонитской: нет поклонения иконам, молитва каждого обращена непосредственно и напрямую к живому Богу».*

Специфику языковой ситуации определили два потока вторичной депортации из разных мест исхода – из Поволжья и с Украины. Прибывшие переселенцы говорили на разных, довольно сильно различающихся диалектах немецкого языка. Выходцы из Поволжья подчёркивали близость с голландским, а с Украины – со швейцарским языками. В любом случае поколение, переселившееся в Нарымский край во взрослом состоянии, практически не разговаривало по-русски. Их дети, в раннем возрасте оказавшиеся в Сибири или родившиеся здесь, до школы говорили только на диалекте немецкого, если жили в местах компактного расселения переселенцев и общались со сверстниками своей национальности. Если окружение составляли и русскоговорящие дети, то происходило знакомство с русским языком.

Школа оказала глубокое воздействие на языковые предпочтения. Во-первых, она дала основательное знание русского языка. Во-вторых, приобщила к литературному немецкому, к которому родители относились снисходительно. Когда дочь, Эрика Горн, *«показывала матери учебник немецкого языка, по которому занималась, то мать говорила: “Это не немецкий. Это вообще не знаю, что. Я такого языка не знаю”*». В-третьих, школа способствовала изменению отношения к немецкому языку как к родному вследствие агрессивного-негативного отношения к нему русскоговорящих сверстников. *«Дочери стеснялись разговаривать на немецком языке, потому что*

в школе ребята дразнили их, обзывали «немцами» и «фашистами». «Сколько плакали, досталось нам хорошо в первых классах», – говорит младшая дочь Лидия» (Дейн. – О. Р.).

Отходу от немецкого языка во втором поколении способствовали и межэтнические браки, в которых языком внутрисемейного общения становился русский. Это касалось и моноэтнических немецких семей, если супруги являлись носителями разных диалектов. В третьем поколении, значительная часть которого выросла в условиях межэтнических браков, владение немецким языком свелось в лучшем случае к пониманию немецкой речи, в худшем – к знанию отдельных слов. Среди молодых поколений явно обозначилось стремление к изучению в школе английского, а не немецкого языка.

Семейно-брачная сфера выступает индикатором в межэтнических отношениях. У первого поколения немцев, переселенных в Нарымский край, доминировала установка на изолированность от окружающего населения, замкнутость, что проявлялось в ориентации на моноэтнические браки. Предпочтительнее всего считался брак с выходцами из одних мест, как хороший вариант рассматривался семейный союз между выходцами из Поволжья и с Украины, а брак с русскими считался нежелательным. Правда, из правила встречались и исключения – установка на восприятие русской культуры, в том числе и через браки с русскими: *«Девочки, выходите замуж за русских парней и навсегда забудьте, что вы – немцы»*. Во многом это было вызвано желанием избежать настороженно-негативного отношения со стороны местного населения и особенно местных властей.

У второго поколения немцев установка на моноэтнические браки была значительно ослаблена. Особые отношения складывались с «раскулаченными», сосланными с Алтая. Объединял сходный социальный статус – спецпереселенцы и, соответственно, сложности психологической адаптации к новым условиям и месту жительства. Хотя дети дразнили друг друга, но играли вместе, а родители нередко помогали друг другу, чем могли. *«На заводе работали два брата – спецпереселенцы, высланные с Алтая, Иван и Андрей Орловы. Они обзавелись семьями, имели свои дома, а их родители жили в избушке на берегу. Со временем отец умер, а мать забрали к себе снохи, и избушка пустовала. Братья и предложили Рейманам переселиться в неё. Так и произошло. Избушка стояла на берегу: фасад стоял на земле, а тыльная сторона опиралась на два столба. Когда дул сильный ветер, казалось, что избушка вот-вот повалится.*

В «избушке на курьих ножках» мать с дочерью прожили лет 8–9. В ней обжились, обзавелись скотиной – корова, телята. Спаслись от голода. Дядя Ваня настаивал на отправке Лилии в школу, но мать отвечала, что не может – нет одежды, обуви, и не на что их купить. Тогда он нашёл Лилии подшитые валенки, кое-какую одежку – в общем, отправили девочку в школу».

Бракам с русскими способствовало и отторжение всего, что было связано с фашизмом. *«В начальной школе учительница Капиталина Степановна Порошина на уроках рассказывала про зверства немцев: как они развалили ДнепрогЭС, сколько людей погибло на фронте, в плену. Лилия была высокая ростом, сидела на задней парте, и учительница во время этих рассказов всегда смотрела на неё. Ещё тогда девочка сказала себе, что муж у неё будет только русским и дети тоже – русскими. В итоге её мужем и стал Николай Иннокентиевич Ушаков».*

Для третьего поколения российских немцев межэтнические браки стали нормой.

С началом политики «перестройки» часть немецких семей покинула Колпашевский район, переселившись в Германию. Среди причин, по которым осталась другая часть, указывается психологическая и физическая неготовность к перемене места в преклонном возрасте. Валентина Михайловна Зауэр рассуждала так: *«Стара я, чтобы уезжать, тут помирать буду».* И это при том, что она до конца своих дней сокрушалась по Украине, постоянно рассказывала о богатой жизни там и подчёркивала культурную отсталость здешних мест, повторяя: *«Здесь вилы – деревянные».*

Для второго и третьего поколений российских немцев решающим стал фактор «родной земли», противопоставляемой «чужой земле», где никто не ждёт. *«Слава Богу, что хоть тут прожили. Вроде, как свои. А туда приедем, кто мы такие? Это бы родителям уехать – другое дело. А мы тут выращенные. У меня дети здесь все растут и работают все на месте, и я тоже тут доживать буду»* (Елена Петровна Магер. – **О.Р.**).

«Тут выращенные» российские немцы стали неотъемлемой частью многонационального населения Колпашевского района, и без них его культура и демография будут уже неполными.

В.В. Шмидт

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

В общественном движении российских немцев большое внимание уделяется вопросам этнической идентичности: ее формированию, формам и факторам, ведь в условиях дисперсного проживания этноса важно понимать, что объединяет людей в общую этническую группу. Главными критериями идентичности являются культура, язык, история, а также религия. Поэтому, изучая современные этнокультурные особенности этнической группы, необходимо уделить внимание религиозной идентичности российских немцев. Свобода вероисповедания, дарованная Манифестом Екатерины II от 22 июля 1763 г., была одним из важных стимулов для прибытия иностранных колонистов в Россию. Одной из задач этнографической экспедиции стало изучение современного религиозного самосознания депортированных немцев и их потомков в Колпашевском районе.

Религиозная картина оказалась разнообразной. Респонденты представляли различные конфессии: лютеране, католики, православные, баптисты, были и люди с атеистическими взглядами. Бросилось в глаза то, что мало кто сохранил религиозную идентичность своих родителей, особенно это касается лютеран. Это можно объяснить рядом исторических причин, особенностью положения немцев на сибирской земле и той социальной средой, в которой они жили и работали. Многие сменили свою этническую идентичность, перешли на русский язык в качестве средства семейного общения, заключали смешанные браки, встали на атеистические позиции, согласно советским догмам. Не так часто и открыто проводились богослужения, не хватало священнослужителей и помещений.

Вместе с тем лютеранская община в Колпашеве в советское время всё же существовала, обязанности пастора исполнял Франц. Собирались в молитвенном доме или, как его называли, «комсомольском доме», а иногда и просто в бараке. После того как Франц уехал, собирались в доме семьи Дик, молились, читали богослужебные книги, а потом община распалась.

Приведём выдержки из состоявшихся бесед, чтобы обрисовать картину с религиозной идентичностью.

Ушакова (Рейман) Лилия Рейнгольдовна, 1935 г. рождения, лютеранка: «Моя мама часто молилась, праздники со своими подружками отмечала, делали вертеп (рождественский), а я – приверженец русского, и дома всё «русское» было, но молюсь вечером на немецком» («Vater Unser». – **В.Ш.**)

Чичигина (Кельман) Фрида Георгиевна, 1950 г. рождения, некрещёная, мать была лютеранкой: «Старики собирались, читали молитвы на немецком языке, на Пасху яйца красили, пекли выпечку. Я – некрещёная, а дочь уже по-русски (православная. – **В.Ш.**). Когда в Томске была, мне интересно стало в церковь (кирху) зайти, там пели на русском и на немецком. Попросила слова песни «Stille Nacht», я помню, её бабушка пела, мне ещё и свечку маленькую с собой дали».

Токарева Татьяна Ивановна, 1954 г. рождения, православная (мать, Баймлер Ида Адамовна, 1930 г. рождения, была католичкой): «Мать каждый вечер молилась по-немецки. Я не помню, чтобы она «перекрещивалась», но отпевали её и похоронили по-православному. Сестра матери приняла православие. Меня крестили здесь, сразу, как родилась. Бабушка по отцу настояла (русская. – **В.Ш.**), маму никто и не спрашивал. Крёстной у меня была тётя Лилия (Ушакова Лилия Рейнгольдовна, лютеранка. – **В.Ш.**). Ёлку мы ставили 23 декабря, а Рождество отмечали и 25 декабря, мать говорила: «Немецкое Рождество», и 7 января».

Гриценко (Штилле) Гелейна Омельяновна, 1934 г. рождения, католичка: «Мать была католичкой и привезла с собой молитвенник, и каждый вечер молилась на немецком, а я хотя и «погружённая», сама не молюсь, вечером «покрещусь» и иду с Богом (крестное знамение делает по-православному. – **В.Ш.**). Боженька даёт здоровье. Дети – крещённые в православие».

Гайникель Карл Христианович, 1931 г. рождения: «Я не молюсь, мать не учила молитвам, праздники не помню. Когда в юности серьёзно болел, помог Бог, дал аппетит. Если положено верить – верю, если нет, то – нет. По телевизору показывают – не верю!»

Дейн Мария Яковлевна, 1923 г. рождения, лютеранка: «Праздники мы отмечали: 1 Мая, Новый год, 8 Марта, Рождество и Пасху. Мать была набожная и её сестра Амалия тоже, молитвенники читали на ночь и молились. Отец тоже молился. Детей «погружали» по-

немецки, потом перешли в христианство (православие, со слов её дочери. – **В.Ш.**).

Фабер Иван Иванович, 1928 г. рождения, баптист: «Мать была лютеранкой, у неё всегда была Библия. И нас она учила молитвам, но мне всё некогда было, приходилось работать. Часто молилась и утром, и вечером, молитвы читала по-немецки, просила, чтобы Бог не оставил нас в этом греховном мире. Я несколько лет назад уже стал баптистом, другого выбора и не было. Бог один!»

Готман Федор Генрихович, 1927 г. рождения, баптист: «Отец всех нас собирал, и мы молились на немецком. Он был лютеранином. Мать была меннониткой, постоянно за нас молилась. Бог меня хранил, хотя я и неверующий был. А сейчас мои дети и внуки – неверующие, общение с ними уже не такое, как с верующими».

Быковская (Магер) Елена Петровна 1940 г. рождения, католичка: «Мама часто Библию читала, молилась. И я молюсь (на немецком. – **В.Ш.**). Когда мать хоронили, спорили с русскими, куда крест ставится. Настояла на своём, у нас в голове ставится, так и поставили. К нам иногда приезжает священник. Собираемся на дому у кого-нибудь».

Классен Елена Генриховна, 1937 г. рождения, баптистка: «Когда предлагали вступить в комсомол, я ответила, что честной могу быть и без комсомола. Мама была меннониткой. Я считаю, что один Бог, одна вера, одно крещение. И молитва от сердца должна идти. Вот я с Богом разговариваю, так же, как с вами сейчас».

Бац Агафья Карловна, 1927 г. рождения, православная: «Сейчас разговариваю на русском, но молюсь на немецком, читаю «Отче Наш» перед сном. Мама и бабушка были религиозны, пели и читали молитвы. По вере я – православная, как и мои родители (но имеется католический молитвенник с молитвами Деве Марии. – **В.Ш.**), детей и внуков тоже крестили в православие. Праздники справляем православные».

Фурман Эрих Иванович, 1928 г. рождения, лютеранин: «Я каждый день молюсь на немецком, читаю «Отче наш» и «Кровь Христа». Родители мои были убеждёнными лютеранами, но религиозные праздники отмечали как православные, так и лютеранские. Но дети мои крещены в православие в местной Тогурской церкви».

Андриянова (Горн) Эрика Давыдовна, 1949 г. рождения, лютеранка: «В детстве на Рождество мы разучивали молитвы, потом читали их и получали небольшие пакетики с пряниками и конфетами от Крискинди – женщины в белом наряде, у которой лицо было

закрыто тюлем, и вся она была закрыта, и лицо мы её не видели, даже голос не узнавали. Ей читали молитву, она расспрашивала, как ребёнок себя ведёт – слушается или не слушается. Если бабушка говорила, что не слушается, то там прутик был. Могло и прутиком попасть. А все остальные праздники, Пасха и другие, – всё вместе с русскими. Бабушка сразу сказала: «Мы живём среди русских, значит, живём по их правилам» У бабушки даже презрительное было отношение к католикам. Называла их «католишесфольк». Католики относились к коммунизму негативно, ко всем этим комсомольско-пионерским организациям, а бабушка прочитала все законы октябрят и сама всем детям сшила звёздочки и сказала: «Это закону Божьему не противоречит. Посмотри, вот как нужно себя вести, как относиться к взрослым, нужно быть честным, помогать. Если ты себя так будешь вести, то ты не нарушишь ничего, и Богу тут ничего не противоречит». Пионерские галстуки сшила, сказала, что это тоже не противоречит законам Библии. И комсомольский устав прочитала и сказала всем вступать в комсомол».

Лишь с одной Эрикой Давыдовой удалось найти «духовный» контакт председателю Совета Евангелическо-лютеранской общины г. Томска Виталию Шмидту: «Когда она рассказывала о своих душевных переживаниях, я будто слышал историю про самого себя». Эрика Давыдовна не знает, крещёная она или нет, но, по её словам, – «погруженная». Скорее всего, крещения, как такового, не было, ни в какой церкви её не крестили. В православной церкви ей некомфортно, не понятно, почему. С одной стороны, понимает, что надо креститься, а, с другой стороны, не может почему-то. Предпочитает просто зайти в церковь и сразу руки сложить в замок. Поставит свечки, у иконок постоит. Молитв, кроме «Отче наш» на русском, никаких не знает. Выстоять полностью службу не может: смысла не понимает. «Вот, поняла смысл молитвы «Отче наш» и понимаю, считаю, что это приемлемо». В конце нашей беседы мы, сложив руки в замок, помолились, прочитав молитву, которой научил нас Господь: «Отче наш, Сущий на небесах»...

Таким образом, из приведённых отрывков из бесед с немцами мы видим, что «размытая» в силу исторических и социальных причин религиозная идентичность российских немцев в Колпашевском районе на данный момент не является объединяющим фактором. Следовательно, в настоящее время о ней как о факторе этнической идентичности говорить не приходится.

КОЛПАШЕВО

М.С. Сысоева, О.М. Рындина

ДВЕ «МЯСОРУБКИ» * (о семье Баймлер)

Маргарита Александровна Баймлер (в девичестве Грассер) родилась в 1892 году в Поволжье, на территории современной Саратовской области. Внучки звали её «кроссмама», т. е. «большая мама», выражали уважение за хозяйственность, ум и образованность. Её запомнили статной, строгой, редко улыбающейся, в тёмной длинной юбке. Она считалась грамотной: знала математику и хорошо считала в уме, так что свёкор доверял все покупки именно ей, полагаясь на её разум. Маргарита Александровна знала наизусть многие места из Библии, постоянно читала её. В Поволжье она жила в достатке, в большом двухэтажном кирпичном доме, с мужем, детьми и родителями мужа. Позднее, в 1960-х гг., в доме располагалась школа. Семья была большой – 8 детей, из них двое умерли в младенчестве. Муж, Адам Егорович Баймлер, заметил симпатичную умненькую девчущку. Уходя в русскую армию, наказал отцу Маргариты, с которым его семья жила по соседству: «Приду из армии – возьму в жёны Маргариту, пусть она меня ждёт». Так и получилось. Обвенчались они в 1910 г.

Дважды семья Баймлер попадала в «мясорубку»: сначала её раскулачили и сослали в какую-то соседнюю деревню, где разместили в землянке, и из большого хозяйства разрешили взять одну козу, да и ту потом отобрали. Маргарита Александровна глубоко переживала случившееся, боялись даже, что она сойдёт с ума. В 1931 г. умер Адам Егорович, и на руках у Маргариты Александровны осталось 6 детей: 4 дочери и 2 сына, младшему шёл 4-й год. Среди них и дочь Ида, родившаяся 20 марта 1927 г. в селе Зельман (ныне – Ровное),

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

что расположено в Ровенском районе Саратовской области. До войны она окончила 7 классов.

В 1941 г. последовал новый удар – 12 сентября выслали из Поволжья как лиц немецкой национальности на спецпоселение сначала на территорию современной Кемеровской области, а потом – в Томскую область. Старший сын Константин (1912 г. рождения) был в это время в трудармии, в Копейске Челябинской области. Сестра Миля (1921 г. р.) обучалась в Саратове в фабрично-заводском училище, и её не выслали. В Сибирь отправили Маргариту Александровну, дочерей Паулину (1924 г. р.) и Иду и сына Иосифа (1929 г. р.). Дочь Минна (1915 г. р.) вышла замуж за немца и тоже была выслана с семьёй. Очевидно, узнавали о выселении заранее, потому что немецкие девушки, которые не хотели выезжать, срочно выходили замуж за русских, брали русскую фамилию, и их не трогали. С собой Баймлеры взяли минимум вещей, лишь то, что могли унести в руках, – главным образом одежду и документы. Так как семья после раскулачивания и потери хозяина жила бедно, возможно, и брать-то особо нечего было. Везли в «телячьих» вагонах. Если кто выбегал за кипятком на останках, мог и остаться, потеряться. Так Баймлеры потеряли Минну. Как это произошло, сейчас уже трудно восстановить, но сохранились сведения о том, что она со своей семьёй оказалась в вагоне, который отцепили и оставили на территории современной Кемеровской области.

В Нарымском крае Маргариту Александровну с детьми сначала отправили в Чалково, где находился лесозаготовительный пункт, там их разместили в бараке. Работали на валке леса – полуголодные, полураздетые, спали на полу по 40 человек. Лес валили практически одни женщины, среди них было много немок. Когда немцы попадали в Тогур, то неподдельно радовались: хотя и там была тяжёлая работа, но всё-таки не лес! Из Чалково немецкую молодежь направили в Тогур на лесозавод. Коснулось это и детей Маргариты Александровны. Мать всё бросила и отправилась вслед за своими детьми, Паулиной, Идой и Иосифом.

Как следует из документов, они прибыли в Тогур в октябре 1942 г. О прибытии семьи Баймлер в Тогур рассказывал В. Бредель, тоже высланный ранее с родителями. Он хорошо помнит, как на территорию завода, рядом со складом готовой продукции, привезли немецкую семью – женщину с двумя девочками и парнишкой, ко-

торые грызли морковь и спорили друг с другом. В. Бредель погрузил на телегу их немудрёный скарб и отвёз всех в немецкий барак, который между собой называли «Берлин», так как туда заселяли прибывших немцев.

В Тогуре Маргарита Александровна какое-то время работала на рынке, нанималась копать картошку, белить, штукатурила корпус детского дома. Умерла в мае 1963 года. Реабилитирована посмертно. Пережив удары судьбы: раскулачивание, голод, смерть мужа, двоих детей, высылку в Сибирь, потеряв всё нажитое, она держалась достойно, никого не виня, благодарила Бога за встречу со старшими детьми, которые нашли её уже после войны, в 1953–1956 гг.

Баймлер Паулина Адамовна до войны окончила школу и один курс педучилища. Всю жизнь проработала бракёром на Кетском лесозаводе. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Со спецучёта снята 2 февраля 1956 г. С гражданским мужем Карлом Флеммингом прожила до рождения второй дочери, больше замуж не выходила. Воспитала двух дочерей – Магдалину (1951 г. р.) и Эльвиру (1953 г. р.). Была глубоко верующим человеком. Умерла в 2006 г., похоронена в Тогуре.

Баймлер Иосиф Адамович 12-летним подростком пошёл работать на Кетский лесозавод. Прошёл путь от подсобного рабочего до главного инженера Кетского лесопромышленного комбината. Вместе с женой, Эллой Андреевной Баймлер, воспитал четырёх сыновей: Константина (1959 г. р.), Александра (1961 г. р.), Владимира (1966 г. р.) и Иосифа (1969 г. р.). Умер в 1987 г., похоронен в Тогуре.

Дети Маргариты Александровны, Константин, Миля и Минна со своими детьми, приезжали в Тогур только в гости. Их приезд врезался в память внучке Татьяне: «Мне лет пять. Лето. Мама несколько дней говорит о гостях, которые едут, плачет. Телефонов, конечно, нет. Кто-то прибежал, сказал, что гости уже у «кроссмамы». Она со старшей дочерью Паулиной, младшим сыном Иосифом и внучками живёт в «немецком» бараке, в Заводском переулке, недалеко от нас. Я бегу первой в лёгком ситцевом платье, в сандалиях на босу ногу... Нарядные (городские): в крепдешинном платье, с красивой прической – тётя Миля, в костюме – дядя Давид, её муж. Одеты попроще тётя Минна с дедом и внуком и дядя Костя с детьми – Элей и Толи-

ком. Глаза разбегаются! Все весело смотрят на меня. «Кроссмама» говорит: «Это старшая Идина – Таня». Дядя Костя подхватывает меня на руки и целует. Следом прибегает мама с Ниной на руках. Наконец-то все вместе! Впервые после войны. Обнимаются, смеются, плачут. Какое счастье!»

Константин после трудармии остался жить в Челябинске, работал в производственном объединении «Трубдеталь» арматурщиком. У него родились две дочери и два сына, семь внуков, правнуки. Умер в 1973 году.

Минна Роот (Баймлер) долгое время жила в Анжеро-Судженске Кемеровской области, потом переехала к внучке в Челябинск. Работала вахтёром, шила на заказ вещи. У неё была дочь Валентина, а сын умер в младенчестве, во время переселения с Поволжья. Росли два внука, внучка. Умерла в 1989 году.

Эмилия Петерс (Баймлер) сначала жила в Саратовской области, потом – в Узбекистане. Работала директором ресторана, начальником детского лагеря. Умерла в 1989 году.

Дочь Маргариты Александровны, Иду, в Тогуре определили работать на Кетский лесозавод, ей шёл 15-й год. Это произошло в 1942 году, но запись в трудовой книге начинается с 8 мая 1943 г., возможно, потому, что на малолетних документы не оформляли. В трудовой книжке Иды Адамовны записано, что принята на Кетский лесозавод треста Запсибдрев рабочей на биржу сырья, потом – сортировщицей в ДОЦ (деревообрабатывающий цех), позже – бракёром. На заводе она проработала 18 лет. Трудились по 10–12 часов, без выходных и отпусков, жили по лозунгу «Всё для фронта, всё для Победы!». Весной и летом, когда приходили баржи, надо было после трудовой смены вручную загрузить их деловой древесиной – это ещё несколько часов работы, так называемая «плечевая». Сейчас трудно представить, как молодые женщины на своих хрупких плечах носили тяжёлые плахи по шатким мосткам. Приходили домой, падая от усталости, но молодость брала своё. Если звучала музыка – хотелось потанцевать, и после тяжёлой работы выходили на круг. Ида Адамовна вспоминала, как «протанцевала» калоши, которые были куплены по случаю и считались «писком моды». На пятке оказалась дырка, и, чтобы бабушка не ругала, она аккуратненько поставила их под топчан.

Раньше в Тогуре весь берег был завален штабелями леса, и всюду стояли краны-краны-краны. Жили Баймлеры–Бобровы недалеко от берега, где располагался лесозавод. Завод работал в три смены. Так как дом находился сразу за территорией завода, от работы пиломатериала тряслись стекла в окнах и посуда в буфете. Миля, старшая сестра Иды Адамовны, приехавшая погостить из Узбекистана, подумала, что случилось землетрясение. Лес грузили на баржи круглосучком, отправляли его и за границу и по стране. Вся жизнь Иды Адамовны и её мужа была связана с заводом, а сейчас там поднялся лес – сразу за усадьбой растут берёзы.

До 1956 года все немцы состояли на учёте в комендатуре. Надо было ходить пешком в любую погоду из Тогура в Колпашево и отмечаться, и не дай Бог, опоздать на работу. Однажды Ида Адамовна опоздала на 15 минут, и ей объявили выговор. Выработав к 34 годам необходимый стаж (год работы во время войны засчитывался за два), в июле 1961 года по состоянию здоровья ушла на пенсию: сильно болела спина – был травмирован позвоночник. Ида Адамовна в молодости была очень ловкая, и когда посылали работать на сплав, то она ловче многих перепрыгивала с бревна на бревно с багром. Возможно, там и повредила позвоночник. Соседи, не знавшие её с молодости, думали, что она вообще не работала на производстве. У неё всегда была работа по дому: держали корову, а то и две, телят, поросят, сажали большой огород. При оформлении пенсии выяснилось, что один год стажа ей не засчитали, поэтому пришлось работать ещё год сторожем на лесозаводе. Как и многих немцев, Иду Адамовну в 1991 г. наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Муж Иды Адамовны, Иван Григорьевич Бобров, родился в 1928 г. в Алтайском крае – село Нечунаево Шипуновского района. Семью родителей в 1930 г. раскулачили и сослали в Могильный Мыс, откуда потом переслали в Тогур. Здесь и познакомились Ида и Иван. Он был видным парнем, играл на гармошке на вечерках возле «Берлина». «Девочек у него было не мерено», а Ида гордо сказала: «А меня ты так запросто не возьмёшь». В молодости она была весёлой, задорной, любила бывать на вечерках, петь частушки, которых знала сотни, плясать, «дробить бить». Ну, Иван и ходил вокруг неё кругами и выходил. В это время он строил дом на берегу в Тогуре и загадал: «Если судьба – женюсь на Иде».

И в этот дом в итоге он и привёл девушку. Многие ей завидовали: вышла замуж за русского, и сразу – в свой дом. В доме родилось трое детей: Татьяна (1954), Нина (1957) и Владимир (1965). Супруги работали в разные смены, чтобы по очереди сидеть с детьми. Прожили вместе 43 года, вырастили детей. В последние годы Ида Адамовна часто болела: здоровье было подорвано непосильным трудом с юности. Умерла 5 марта 1997 года, не дожив две недели до 70-летнего юбилея.

Дочь, Нина Ивановна, окончила Томский лесотехнический техникум, по распределению мужа уехала в Каргасок и там работала воспитателем в детском садике, позже с семьей переехала в пос. Дальнее Колпашевского района, где уже жила сестра Татьяна. После закрытия лесопункта переехали жить в Тогур, где работала на лесозаводе. В настоящее время живёт в Тогуре, работает продавцом в магазине. У неё две дочери, четыре внуки. Награждена медалью «Ветеран труда» и знаком «За активное участие во Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года».

Сын, Владимир Иванович, окончил Красноярский технологический институт, по профессии инженер-механик. Обосновался в Тогуре, с женой Ириной воспитали троих детей. Сейчас он работает начальником Колпашевского участка ООО «Стройгаз», уже дед.

Дочь, Татьяна Ивановна, окончила Томский государственный педагогический институт по специальности учитель русского языка и литературы. По распределению попала в посёлок Дальнее. Там и познакомилась с будущим мужем – Виктором Дмитриевичем Токаревым. В 1979 г. родилась первая дочь Светлана, в 1982 г. – вторая дочь Алёна. Когда дочери подросли, Токаревы переехали в Колпашево. Здесь Татьяна Ивановна работала в Центральной библиотеке, а затем, до выхода на пенсию, – заместителем директора по воспитательной работе в профучилище № 29. Она – «Ветеран труда Томской области». Обе её дочери получили высшее образование. Светлана живёт в Колпашево, в семье растёт сын Виктор, в 2015 г. родилась дочка Татьяна, которую назвали так в честь бабушки. К слову сказать, имена играют важную роль в сохранении памяти о родословной: одну из внучек Минны в четвёртом поколении назвали Маргаритой в честь её матери. Младшая дочь Алёна окончила Томский политехнический университет. Живёт в Томске, замужем, растит сына Ивана, названного в честь деда.

Татьяна Ивановна с увлечением занимается историей своей семьи: составляет альбомы, посвящённые её членам, собирает информацию об их жизненном пути. Во многом на её записях и построена настоящая статья.

Религиозная жизнь в семье Татьяны Ивановны была неоднозначной. О вероисповедании бабушки по матери, Маргариты Александровны, судить сложно, но скорее всего она была католичкой. Она, как было сказано выше, рано овдовела. Когда хорошила мужа, жили в страшной нужде, и не на что было купить крест, чтобы поставить ему на могилу. Бабушка наказывала похоронить её с двумя крестами, и отец Татьяны Ивановны, Иван Григорьевич, выполнил её волю: сделал два железных креста, для неё и мужа. Кресты и по сей день стоят на её могилке. Мать, Ида Адамовна, говорила: «Бог един, надо только верить», – и каждый вечер молилась по-немецки, но Татьяна Ивановна не помнит, как она крестилась. Её сестра Паулина приняла православие. Бабушка Татьяны Ивановны по линии отца, Мария Ивановна, была православной. Саму Татьяну Ивановну в трёхмесячном возрасте крестили в Тогуре, в православной церкви. Инициатива исходила от бабушки по линии отца.

В Тогуре немцы жили дружно, держались вместе, потому что своих легче понять, с ними легче поделиться общими проблемами. Татьяна Ивановна с детства помнит немецкие фамилии: Мария Карп, Лилия Герб, Полина Бредель, Лицких, Кильман, Ульрих, Флемминг, Гертнер и др. Русские девушки, даже испытывая симпатию к немецким парням, не всегда соглашались дружить с ними, так как их отцы воевали с немцами.

К отличительным чертам немецких женщин Татьяна Ивановна отнесла занятие рукоделием. Её бабушка, мама и тётушки могли скроить и сшить любое платье, хотя никто их этому специально не обучал. Они прекрасно вышивали, выбивали. Бывало, «выбросят» в сельпо свежий штапель, её мама, Ида Адамовна, купит отрез, ночь посидит, а утром её дочь уже красуется в новом платье. Пристрастие немцев к порядку в доме известно всем, при этом многие отмечают совершенно особое отношение к кровати. *"Её заправляли, как будто совершали ритуал: на матрас ровненько стелили два-три одеяла, обязательно выпускали узорные края подзоров. Мама специально заказывала их. Красивое покрывало*

было предметом семейной гордости. Тётя Миля прислала из Ферганы, где она тогда жила, два верблюжьих одеяла – сиреневое и оранжевое, с цветами. Таких красивых покрывал тогда ещё не было ни у кого из знакомых. Их Татьяна Ивановна запомнила на всю жизнь, как что-то сказочное. На заправленную кровать никому не позволялось садиться, чужим не разрешалось спать на стоявших в доме кроватях". Вещи хранились в самодельных фанерных чемоданах и сундуках.

К элементам немецкой культуры Татьяна Ивановна отнесла традиционную кухню, прежде всего выпечку: «квикельте» – пирог, «кигельди» – маленькие сладкие лепёшки, большие пироги, посыпанные пережаренной мукой, пироги с яблоками, сухофруктами. «Штрюли» – толстые галушки на пару, которые кладутся поверх капусты, тушащейся со свиными косточками. Тесто для них делается на простокваше. Немцы не пили чай, а варили кисель, компот, компот с галушками, какао.

На «немецкое» Рождество, которое отмечали 25 декабря, славили: ходили к родственникам, приветствовали их, читая стихи на немецком языке, за это получали конфеты и «копеечки». Русское Рождество отмечали 7 января. Ёлку ставил отец посередине комнаты 23 декабря, в день рождения Татьяны. На Пасху принято было класть под стол шапки, и зайчик должен был положить в них подарки – яйца, покрашенные луковой шелухой. Русский отец клал в шапки конфеты и сахар и говорил: «Зайчик принёс».

На немецкую свадьбу положено было украшать костюмы жениха и невесты белыми лентами, бантами, надевать на невесту венок из «бумажных цветов». По крайней мере, так было на свадьбе у брата Иосифа, которую праздновали в 1958 г.

При маме Иды Адамовны, Маргарите Александровне Баймлер, все говорили в семье на немецком языке, так как она плохо говорила по-русски. Говорили по-немецки до тех пор, пока была жива мама и пока к ней в гости приходили подруги, приезжали сёстры Мина и Миля. Разговаривали на диалекте немецкого языка. Когда собирались родственники, пели красивые песни на немецком языке. Татьяне бабушка по отцу в детстве запрещала говорить по-немецки: «Будешь говорить – язык отрежу». Мать, Ида Адамовна, из-за этого то плакала, то ругалась. Будучи школьни-

цей, Татьяна понимала немецкую речь. Дочь Татьяны Ивановны, Светлана, изучала немецкий в школе, в 10-м классе ходила на курсы языка, организованные Российско-Немецким домом, учила немецкий и в институте.

В Германию никто из семьи Баймлер переезжать никогда не собирался, даже мысли такой не было, несмотря на то, что подруга матери, тётя Маша Карп переехала с семьей на жительство в Германию и прожила там на 20 лет дольше.

В.А. Ситников

ВСЁ, КАК ПОЛОЖЕНО (о Ганикеле Карле Христиановиче)

Карл Христианович родился в городе Прокопьевске в 1931 году, здесь он пошёл в первый класс. Когда маленькому Карлу исполнилось три месяца, умер его отец: он работал ветфельдшером и заразился от скота. Жили у деда Кристиана, который был сапожником, вместе с матерью и братом Александром. Когда Карл пошёл в первый класс, он стал помогать деду. Дома мама, Юлия Бюллер, разговаривала с детьми по-немецки, и Карл знал этот язык. Его мама была человеком верующим. Вскоре она во второй раз вышла замуж и с детьми и новым мужем переехала в Тырган. Здесь Карл проучился 2-й и 3-й классы, и грянуло выселение.

В 1941 году семью привезли в Нарымский край и выгрузили на реке Ягодной, возле Матьянги, что в 30 км от Белого Яра. Высадили посреди кедрача. Первую ночь провели на голой земле возле костра, а затем стали обживаться, построили барак на 10 семей, а позже стали строить дома из брёвен. Сразу отправили на заготовку рыбы: соорудили атарму и ставили сети. Рыбу приходилось носить в промхоз на себе, проходя примерно 6 км, только потом выделили лошадь. Спасаясь от недоедания и голода, ели колбу, её парили и жарили.

Вскоре для семьи Карла началась череда несчастий. Сначала умер отчим. Затем брат Александр поплыл с двумя друзьями ставить сети, разыгрался шторм, и лодка перевернулась. Александр утонул, а друзья его выплыли. Сам Карл заболел лихорадкой, мать отпаивала его отваром из осиновой коры. Когда болезнь отступила – новая трагедия. Мать пошла с женщинами за колбой. В это время Карл наловил чебаков и сел их жарить на палочках. Его занятие прервала соседка, сказав, что его в лесу ждёт мать: она не могла сама идти, сказывалось жуткое истощение. Маму Карл не нашёл, как ни кричал. Сразу хотели пойти её искать, но комендант вечером не дал людей. Утром следующего дня выяснилось, что мама свернула не в ту сторону, вышла на медвежью тропу и углубилась в лес. Остановилась

ночевать прямо под открытым небом, тут её насмерть и заели комары. Маму нашли ещё живой, она сделала пару вдохов и умерла. Карл остался сиротой.

В 1943 году приехал директор рыбозавода с проверкой, он забрал Карла с собой и отправил его в Белый Яр, в сапожную мастерскую. Здесь Карл шил бродни рыбакам, а потом ботинки для фронта. Его хвалили за усердие и в 1945 г. отправили учиться на плотника в отрывшееся в Матъянге фабрично-заводское училище. Весной Карл заболел, и его на быках отвезли в колпашевскую больницу. Он не мог ходить и ничего не ел. На глазах мальчика в палате умер человек, и, казалось, Карла ожидала та же участь. Но всё же аппетит вернулся: Карлу захотелось ржаного хлеба, и он начал есть, пошёл на поправку, его перевели в общую палату. Здесь он познакомился с другим больным, и они вместе таскали из огородов брюкву и редьку, осенью ели кедровые орехи с «кожухой», сырыми и жареными. После выздоровления Карл вернулся к учёбе.

По окончании ФЗУ он работал на Колпашевской судовой верфи и строил мётчики для рыбаков, тоневые катера – все эти плавсредства были деревянными. Верфь обеспечивала половину потребности Оби в плоскодонных судах. Потом из Забайкалья прислали заказ на полукилевую лодку с полуострым днищем, которое должно было быть изготовлено из металла. С тех пор на верфи стала делать суда с полуострым днищем. Карл Христианович всё время ходил в передовиках, его фотография не сходила с Доски почёта. Он был бригадиром, а потом стал обучать этой профессии молодых рабочих. Осваивал строительство мареофлюшноугов – катеров для буксировки лодок, на которых перевозили мороженую рыбу. На них имелись карманы для льда, и свежая рыба доставлялась до Томска. Всё, за что брался Карл Христианович, он делал, как положено, на совесть. Когда его с бригадой отправили в Бакчар достраивать свинарники, то всю работу сделали на неделю раньше и вернулись домой. За свой труд Карл Христианович отмечен различными наградами: орденом Трудовой славы 3-й степени, медалями к 50-, 60- и 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Ветеран труда», знаками ударника 9-й, 10-й и 11-й пятилеток, победителя соцсоревнования в 1976 и 1980 гг., званием ударника коммунистического труда в 1965 и 1972 гг. Грамоты он получал без счёта, ездил на слёты передовиков труда. Когда Карлу Христиановичу исполнилось 60 лет, он вышел на пенсию.

Со своей русской женой Екатериной Андреевной познакомился в Мараксинском колхозе. В окрестностях было две деревни Мараксы, Первая и Вторая. В Первую Мараксу Карл ходил в гости к матери своего друга, эта женщина и сказала, что во Второй Мараксе живёт очень красивая девушка. Карл сходил, познакомился, и через два года, в 1955 г., они поженились. Спросили согласие у матери девушки и переехали в Колпашево, поселились в бараке. Затем молодой семье выделили комнату в общежитии. Вскоре появилась дочь Татьяна, серьёзно встал вопрос о собственном жилье. Карл Христианович решил сам строить дом. Купил брёвна сосны или кедра и за полтора года построил свой дом из трёх комнат – кухни, спальни и комнаты «для отдыха». Позже появились и хозяйственные постройки, завели корову, телёнка и поросят. Только полтора года назад Карл Иванович распрощался с домашним скотом: стало трудно содержать, хотя дочь Татьяна живёт в Колпашево и помогает родителям. Она работала в горисполкоме.

О Карле Христиановиче можно рассказывать долго, описывать его нелёгкую судьбу. По многочисленным наградам на пиджаке читается весь жизненный путь его хозяина, наполненный тяжёлым трудом и упорной работой. Таких людей, как Карл Христианович, осталось немного, и особенно важно подчеркнуть, что несмотря на тяжелейшие испытания, пережитые в разные годы, сила духа не оставила его и сегодня в возрасте 84 лет.

В.А. Ситников

ВСПОМИНАТЬ ДАЖЕ НЕ ХОЧУ (о Гриценко Гелейне Омеляновне)

Гелейна Омеляновна родилась в 1934 году в городе Кременчуге Полтавской области Украинской ССР. Её мать, Роза Вильгельмовна Штиллер, возможно, была из Германии, а отец, Омелян Гриценко, – украинец, работал ветфельдшером. К сожалению, Гелейна Омеляновна в силу своего возраста уже не помнит, кем работала мать и где жила её семья, но семья была большая – 5 детей: Отто, Тамара, Маруся, Александр и сама Гелейна.

В 1941-м семью Гриценко постигла та же участь, что и всех российских немцев: их выселили в Сибирь. К этому моменту умер глава семьи, он заразился от животных на работе. Везли переселенцев через всю страну на поезде, взятые с собой вещи пришлось обменивать на еду. Позже семью Гриценко вместе с другими немецкими семьями привезли на «шхуночке» в деревню Берёзовку и объявили, что транспорта нет. Далее пришлось с остатками скарба и парой лёгких одеял идти пешком в Боровое по тропе, на которую могли выйти медведи. В Боровом семья разместилась в старой ветхой избушке, дети спали на печке. На работу отправили в колхоз. В нём занимались полеводством, имелась ферма. Здесь маленькая Гелейна вращала ручку механической веялки, до которой с трудом доставала. Постоянно слышались окрики бригадира: «Давай, немчура, давай!». Зимой на санях возила сено, по дороге лошади иногда распрягались, и приходилось бросать их и идти в деревню за помощью. К тому же сено по дороге сваливалось на один край, а семилетней девочке стоило большого труда его поправлять. Мать тоже трудилась в колхозе разнорабочей. Кто из детей мог, тот тоже работал. За этот каторжный труд получали раз в неделю маленький мешок овсяной муки. На еду обменяли все вещи – одежду, пуховые подушки и одеяла. Так, пуховое одеяло обменяли на одно ведро картошки. Питаться приходилось супом из крапивы и лебеды, в который добавляли овсяную муку, из неё же пекли лепёшки прямо на печи, перекапывали картофельные поля в надежде найти пропущенные картофелины,

выбирали остатки картошки из очисток. Работали на огородах у местных жителей, получая за это продукты. На следующий год очистили от бурьяна участок земли возле избушки и засадили его картошкой, точнее очистками, собранными у соседей.

Примерно в двенадцать лет Гелейна самовольно сбежала в соседнюю деревню и нанялась нянькой в семью школьных учителей. В один из дней комендант дождался, когда учителей не будет дома, увёл Гелейну и посадил в подвал пустого дома, где было много крыс. Девочка кричала в темноте и звала на помощь. Только через три дня её нашёл учитель и отвёл к врачу, к тому моменту крысы уже успели погрызть у неё кончики пальцев. Коменданта за такое отношение к ребёнку выгнали с должности и отдали под суд. Он и раньше издевался над немцами: отправлял в лес рубить сучья у деревьев тупыми топорами.

Мать забрала Гелейну к себе в Боровое, а вскоре семья перебралась в Петропавловку. Здесь девочка помогала маме сушить лён в бане, укладывая огромные снопы на полки, лишь бы на килограмм больше дали овсяной муки. Два раза в месяц приходилось отмечаться в комендатуре.

В начале 1970-х гг. семья переехала в Матъянгу, так как в Петропавловке не было никаких условий для жизни. Колхоз развалился, не стало работы для родителей. Дети после 3-го класса должны были ходить учиться в соседнюю деревню за 7 км. На новом месте обзавелись своим домом и скотиной. Муж Гелейны провёл в дом воду, построил баню. Мама, Роза Вильгельмовна, работала в детском саду поваром и только после снятия ограничений уехала к дочерям на Алтай. Она всю жизнь говорила на немецком языке и очень плохо по-русски. Брат Отто, которого называли «дядя Толя», уехал в Германию, но приезжал в гости. О «бабе Розе» вспоминают только с хорошими чувствами: она учила детей немецкому языку, вязала носки и любила готовить немецкие клёцки и «мельпрайс» – мука, заваренная в кипятке или молоке. Она была католичкой, привезла с собой молитвенник и каждый вечер молилась на немецком языке. Гелейну она тоже крестила, точнее «погрузила», с помощью другой женщины, которая и провела обряд. Она лила на голову Гелейны воду, крестила её и читала молитвы. Подобным образом она крестила и других людей в деревне. Дети и внуки Гелейны Омеляновны крещёны по православному обряду.

В течение жизни у Гелейны Омеляновны было три мужа. Первый, Филипп, был немцем. В этом браке родились два сына, Юрий и Анатолий. Вторым мужем стал Юрий, у него тоже были немецкие корни. В 1961 г. родилась дочь Наталья, она сегодня работает в гидрометеобсерватории. Немкой себя не считает, хотя понимает немецкую речь, учила язык в школе и позднее помогала в этом сыну Павлу. У Натальи две внучки, Лиза и Виктория. Последнего мужа Гелейны Омеляновны звали Александр, он стал отцом дочери Оксаны.

Будучи втянута в водоворот репрессий, Гелейна Омеляновна смогла пройти через все испытания, хотя этот нелёгкий путь ей даже вспоминать не хочется: настолько он тяжёл. Достоинo вынеся тяготы, она смогла воспитать детей и внуков, сохранить родительский очаг. Сегодня в свои годы (ей 81) Гелейна Омеляновна сохраняет чувство юмора и завидное трудолюбие. Она ухаживает за огородом внушительных размеров, в этом ей помогают дети и внуки, живущие по соседству. Они следят, чтобы мама и бабушка не перегружались на огороде, ведь с самого детства она привыкла ничего не оставлять на потом. И теперь работает на огороде до боли в спине. Родственники окрестили её на русский манер Галиной Емельяновной.

А.Д. Дементьев

МЫ – ЗДЕШНИЕ, РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ

(о Дейн Марии Яковлевне)

Мария Яковлевна Дейн родилась в 1923 г., в Саратовской области, в Кукусском районе (кантоне), в селе Брабандер. Отец Марии, Яков Фёдорович, жил за Волгой, на левом берегу. Сюда его предки попали ещё по указу Екатерины II от 1762 г. Мать, Мария Карловна, вела домашнее хозяйство. Семья была большой – 8 детей: сыновья Давид, Яков и Андрей и дочери Амалия, Елизавета, Алина, Мария и Берта. Воспитанием детей занималась мама, а отец работал в колхозе. Жили на хуторе в одноэтажном доме, в нём было две комнаты: в одной спали дети, в другой – родители. Держали корову, лошадь и кур.

Наступил 1941 год. Началась страшная война. Мария Яковлевна вспоминает, как летом приехал конвой солдат, и семье сообщили о том, что их приказано вывезти. Отец собирал в дорогу еду и вещи, но только самые необходимые: не было возможности увезти с собой всё. Обещали, что с окончанием войны вернут обратно, что переезд является временной мерой, а также, что выплатят деньги за потерю хозяйства. Выделили две подводы и на все сборы дали сутки. «Переселенцев» до железнодорожной станции везли под конвоем. В городе Энгельс всех выгрузили и пересадили в эшелон, перевозивший скот. Весь хутор (30 дворов) поместили в один вагон и отправили в путь. До Сибири ехали неделю. В дороге не кормили, питались отварным мясом свиньи, что забили перед отъездом. Мария Яковлевна вспоминает: «Врача не было. Был вагон с солдатами. Под конвоем, как арестованных везли». Во время остановки эшелона на станциях пополняли запасы питьевой воды. По воспоминаниям Марии Яковлевны, бывало и такое: люди отставали от состава, и он уходил дальше без них. В пути страдали от тесноты и духоты: вагон был товарный, без окон. На двери висел замок.

Состав прибыл в Новосибирск. Вот что об этом рассказала сама Мария Яковлевна: «Привезли в Новосибирск, там выгрузили нас. Подводы пришли опять, на ночь. Дождь шёл, все промокли». Из города людей повезли в дер. Никулино Татарского района, где всех

разместили по домам. Хозяйка дома, в который определили родителей и трёх детей: саму Марию, её сестру Берту и брата Давида, не открывала дверь. Пошли за председателем, вернулись, и тогда хозяйка, пожилая женщина, впустила их к себе. Увидев постояльцев, воскликнула: «Ой, это такие же люди, как мы!». Фамилию этой женщины Мария Яковлевна не запомнила, но говорила, что у неё было двое сыновей, которые в то время были на фронте. Хозяйке семья понравилась, люди показались ей хорошими. Жили в двухкомнатном доме: хозяйка спала на кухне, а семейство распределилось по комнатам.

В Никулино прожили 11 месяцев, работали в колхозе, летом убирали хлеб на полях. Осенью 1942 года снова переезд. На этот раз везли в Колпашево, где не хватало рабочих рук. На лошадях всех с вещами доставили до пристани и посадили на пароход. В Колпашеве выгрузили и повезли в деревню Могильный Мыс. Там семью Марии Яковлевны поселили в доме, местные жители приняли немцев хорошо. Здесь прожили до осени 1943-го. Отправили работать на лесозаготовку, на озере Светлое, где прожили зиму в бараке. Весной 1944-го семью перевели на мельницу, построенную в дер. Мятъянга. На новом месте жили в полуземлянке, построенной у судоверфи. В полуземлянке жили 4 семьи, у каждой была своя комната за перегородкой. У некоторых сохранились матрасы, одеяла и подушки, привезенные с собой ещё из Поволжья, остальным приходилось набивать мешки соломой или сеном и спать на них. Два раза в месяц ходили в комендатуру «для отметки».

На мельнице Мария Яковлевна зашивала мешки с мукой, потом их складывали, работала наравне с мужиками. На мельнице трудились в три смены. Отец Марии работал кладовщиком в колхозе, а мама вела домашние дела. За работу на мельнице платили деньги, и, по словам Марии Яковлевны, семейного заработка хватало на жизнь, но всё равно было нелегко. Покупали мясо и крупу, мама варила супы с капустой и баловала выпечкой.

Позднее в Мятъянге семья купила дом с участком земли, на котором выращивали картошку и лук. Стены дома и потолок были белёными, пол – деревянный крашеный. По субботам делали уборку в доме и на участке. Родители воспитывали детей строго. По выходным приходили гости, играли в домино, а дети в это время сидели тихо за печкой. Даже во время свадьбы брата Андрея младшие не присутствовали. К родителям дети всегда обращались только на «Вы». Отец катал валенки для семьи, а мама шила одежду. Как не-

бывалую роскошь Мария Яковлевна запомнила два платья из ситцевой ткани с кружевными воротниками.

Со временем мельница была преобразована в базу хлебопродуктов, и здесь Мария Яковлевна работала грузчиком вместе с другими женщинами, так как мужчины были на фронте. Грузчиком она проработала пять лет, потом была штукатуром и маляром. С выходом на пенсию перешла работать в охрану.

В 1958 г. Мария вышла замуж за Романа Андреевича Дейна. Он родился в Саратове, оттуда его выслали в Караганду, а брат попал в Колпашево. Когда Роман приехал за братом в Колпашево, то познакомился с Марией. Свадьбы как таковой не было, всё ограничилось актом регистрации. В браке у Марии родились две дочери, Надя (1958 г. рождения) и Лидия (1960 г. рождения). Обе живут в Колпашеве. Надежда работала бухгалтером, а потом – в котельной аэропорта, а Лидия – сначала кондитером в Томске, а после возвращения в Колпашево устроилась телеграфистом в аэропорту.

Родители Марии Яковлевны разговаривали на немецком языке, но не на «чистом», а на диалекте, родственники тоже говорили по-немецки. Дочь Лидия вспоминает: «Тётка была, мамина сестра. Они с мамой придут, разговаривают на немецком языке, а мы понимать-то понимали, а разговаривать не могли». Дочь Надя в детстве хорошо разговаривала по-немецки, но из-за постоянного общения с русскими ребятами язык забылся. Кроме того, дочери стеснялись разговаривать на немецком языке, потому что в школе ребята дразнили их, обзывали «немцами» и «фашистами». «Сколько плакали, досталось нам хорошо в первых классах», – говорит младшая дочь Лидия. У неё двое детей, сын и дочь. В школе они учили немецкий, но сейчас язык забыт. Себя дети Лидии считают русскими. Муж Лидии наполовину – немец, наполовину – русский. Его мать – немка, сослана в Сибирь из Одессы, а отец – с Алтая, где попал под раскулачивание.

Мама Марии Яковлевны была лютеранкой, как и её сестра. Обе каждый день читали богослужебные книги, обязательно молились перед сном. «Молилась и только потом спать ложилась», – рассказывала Лидия о тёте Амалии. Отец Марии Яковлевны тоже молился. Родители и дочь учили молиться на немецком языке. Сейчас, правда, Мария Яковлевна не помнит этих молитв и молится по-русски. Она «погружена», т. е. крещёна без священника, в лютеранскую веру и остаётся лютеранкой. Дочери тоже были «погружены» в лютеран-

скую веру, но перекрестились в Колпашевской церкви по православному обряду. Тётя Амалия умерла в 2001 г., и её похоронили не по лютеранским обрядам: поставили памятник не у головы, а в ногах, как принято у православных. Отец Марии Яковлевны умер в 1991 г., и его тоже похоронили по православному обряду. На вопрос, почему, последовал ответ: «Как-то не задумывались и не знали...». В храме усопших не отпевали.

Вспоминая о праздниках, Мария Яковлевна рассказала, что на родине, в Поволжье, отмечали Первое мая, Пасху и католическое Рождество. В Сибири эти традиции сохранились, но праздники утрачивали свои уникальные черты. На Рождество ставили ёлку, а подарки мама Марии Яковлевны прятала в сено. Утром она будила детей, и они искали подарки. Праздник Рождества проходил в семейном кругу, готовились угощения. На Рождество ребятишки-переселенцы колядовали, а на Новый год «славили» хозяев домов, поздравляли на немецком языке. На Пасху детям дарили яйца, конфеты и выпечку в корзинках, которые приносил пасхальный заяц.

Возвращаться на Волгу или в Германию ни Мария Яковлевна, ни её дочери не хотят: «Здесь уже привыкли. Мы – здешние, российские немцы».

С.А. Ситников, Е.А. Галактионова

МУКА, ОБЛИТАЯ КЕРОСИНОМ (о Фабере Иване Ивановиче)

Иван Иванович Фабер родился в семье Ивана Ивановича Фабера – такие вот разнопоколенные двойники. Отец был уроженцем Луганской области, 1889 г. рождения, колхозником. Мать, Флорентина (Федора) Ивановна, того же года рождения, место рождения – село Бауернхайм в Луганской области, разнорабочая. На всё село было 3–4 семьи украинцев, остальные – немцев. Улицы были ровные, и заборы стояли один к одному, пышно цвели одинаково подстриженные акации, высились тополя-небоскрёбы, а сады ломились от фруктов – в них зрели сливы, вишни, абрикосы и яблоки. На Украине семья Фаберов жила в одноэтажном 3-комнатном доме с двумя спальнями, залом и кухней, белёном снаружи, с земляным полом и крышей, крытой камышом, с противопожарной целью залитым глиной. В этом доме вместе с родителями жили 5 детей – Иван, Роман, Лидия, Вера и Анна. Отца, члена правления колхоза, репрессировали в 1937 году, обвинив во вредительстве. Согласно состряпанному доносу, он добавлял толчёное стекло в комбикорм. Вскоре в квартиру пришли с обыском и начали переворачивать всё вверх дном: выкидывали из шкафов на пол одежду, разрезали ножами пуховые одеяла и подушки. Когда отца увезли, мать с рыданием бросилась на голые пружины кровати. Потом она отправилась за мужем, но смогла увидеть его только мельком. Тогда забрали человек двадцать.

Сам Иван Иванович, согласно паспорту, родился в 1929 году. Действительная дата – 1928 год, но во время войны потерялись документы, и пришлось восстанавливать их. Ивана Ивановича приняла молодой доктор, велела открыть рот и, как у лошадей, начала «проверять» возраст по зубам. Решила, что Иван Иванович родился в 1929-м а не в 1928-м году. Он отказался получать такие документы и ушёл, наутро его вызвали в паспортный стол, и там офицер НКВД сказал: «С какого года дают документы, с такого и берите». Теперь во всех документах значится, что Иван Иванович родился в 1929 году.

В 1941 году вместе с первыми раскатами приближающегося фронта власти объявили о депортации, разрешили взять с собой по 70 кг вещей, постели и сухари на семью. Но в намеченный срок никого забирать не стали. Возможно, изменилась обстановка на фронте или по другим причинам, но жители Бауэрнхайма остались в своих домах. Через месяц, когда пролетел «верховой» самолёт, жителей срочно вывезли. Побросав все вещи и хозяйство, они покинули село. В деревне остались запасы муки, вещи, скот и всё, что приготовили на зиму. Фаберы оставили большое, в рост человека, зеркало, его забрал кум Ляпко и обещал вернуть после войны. Власти пообещали денежную компенсацию за оставленное хозяйство, выдали «акт», но по приезду оказалось, что бумага без печати и никого ни к чему не обязывает. Фаберам ничего не выплатили, но тем семьям, у кого на акте стояла печать, деньги выплатили.

Семью Ивана погрузили в вагон для скота и полтора месяца везли до Казахстана. По пути поезд часто делал круги и петлял: 2–3 дня пути, и снова оказывались на том же месте. Добираться пришлось в тяжёлых условиях: теснота и антисанитария, молодые девчонки держали ширму, пока бабушки справляли нужду. Кормили раз в день бульоном. Не вынеся этого ужаса, прямо в поезде умерла бабушка. В начале ноября выгрузили на станции Мамлютка, детей разместили на ночлег на полу в школе, а те, кто постарше, провели ночь возле костра. Утром на быках приехали представители колхозов и развезли прибывших переселенцев. Семью Фаберов отправили в казачье село Новоникольское. Хозяйка дома, куда хотели заселить Фаберов, отказалась пускать их, сказав, что у неё муж на фронте. Председатель колхоза оттолкнул её и стал выкидывать хозяйские вещи из комнаты на кухню. В этой комнате Иван с братом просидели всю зиму. Однажды, попытавшись приоткрыть дверь и выглянуть, Иван получил по лбу этой дверью, потому что хозяйка с силой толкнула её.

Всех трёх сестёр Ивана забрали в трудармию. В трудармии старшая сестра Лида вышла замуж за белоруса Годерса и вернулась домой уже с мужем и ребёнком. Затем муж уехал на родину, чтобы найти квартиру и работу, и через какое-то время Лида получила письмо, он вызывал её к себе. Так как вся семья была на учете комендатуры, Лидию не отпустили. Несмотря на это, она с ребёнком зимой прошла пешком расстояние в 80 км до города и всё же уехала к мужу. Через несколько недель после её

отъезда в дом пришли люди из НКВД, допрашивали, искали Лиду, но родители ничего не сказали. Иван Иванович, вспоминает, как сотрудники НКВД проводили обыск: пришли с пистолетами, выкидывали всё содержимое из шкафов на пол, специально топтались по нему, изрезали ножом постели, всё испортили, видимо, что-то пытались найти. На тот момент ему было всего 9 лет. Потом получили письмо, в котором сообщалось, что дочь нашли, арестовали и отправили на Колыму. Больше о ней ничего не слышали, только получили весть о том, что она умерла от «разрыва сердца». Иван Иванович считает, что это враньё: «Она такая боевая была, я думаю, она нквдешнику в глаза кинулась, а он её взял и застрелил». Муж Лиды позже женился на другой, а её сына Анатолия привезли к деду – Ивану Ивановичу. Бабушка, Валентина Павловна, первое время сильно волновалась: приживётся ли. Внука привезли спящим, а когда он проснулся, позвали ужинать, в ответ услышали: «Я не буду с вами есть, вы – немцы». Затем, однако, примирился с дедами и остался с ними жить на долгое время. Когда Анатолий вырос, служил в армии, затем участвовал в ликвидации последствий Чернобыля, женился. Так как в Казахстане не выплачивали пособия за работу на Чернобыле, переехал жить в Омск, умер в 2014 году.

Мать Ивана Ивановича работала на току, однажды ей выдали 10 кг муки, радость была великая! Но мука оказалась облита керосином, из неё нельзя было ничего приготовить. Это чувство обманутого ожидания Иван запомнил на всю жизнь. Приходилось питаться овсом, который мать тайно приносила в карманах, его жарили и «щёлкали». На работе коллега Флорентины Ивановны, у которой была дочь, предложила пожить у неё. Так Фаберы переехали на новую квартиру. В первый же день, когда родители ушли на работу, дети смастерили из верёвки качели и качались до прихода родителей. Мамы только посмеялись и не стали строжиться. Через 3–4 месяца Флорентина Ивановна получила работу уборщицы в школе, и семья переселилась в подвальное помещение, отведённое для охраны. На их глазах от холода и голода умирали люди, жившие рядом в этом помещении. Мать и брат Ивана лежали распухшие от года. Он начал лазать на деревья за яйцами грачей и делать из них яичницу, а потом ловить молодых грачей и варить их. Только благодаря этому и смогли выжить. В ту пору ели и кошек, и собак. Однажды сосед-

ский мальчишка принёс кота и посадил его до вечера в подвал, но пришла хозяйка и, влив хорошую пощёчину мальчику, забрала кота.

Из Новоникольского семью переселили в Калиновку, где не хватало рабочих рук. Тут к немцам относились намного лучше. Хозяйка, Матрёна Бошенко, давала им каждый день кринку молока или простокваши. Здесь Иван работал водовозом – на быке возил воду для заправки тракторных радиаторов. Мать, Флорентина Ивановна, работала на току. Брат Александр тяжело заболел: у него развился туберкулёз костей. Брат был глубоко верующим человеком, читал Библию и плакал целыми днями напролёт. Врачи опустили руки и отказались его лечить. По всему бедру правой ноги у него были свищи, через которые вынимали куски кости. Смогла помочь одна женщина, которую мать встретила в лютеранской церкви. Она подсказала народное средство: вырыть яму длиной в рост брата, протопить её, пока стены не побелеют, устелить дно полевыми цветами и положить брата, закрыв его сверху цветами. В этой яме он должен пролежать сорок минут, несмотря на жару. Через несколько дней после этой процедуры болезнь брата отступила, свищи начали затягиваться, зажили, и перестали слоиться кости. Брат выздоровел, но кость осталась хрупкой и впоследствии дважды ломалась. Сейчас брат, Александр Иванович Фабер, живёт в Германии, ему 70 лет, хоть и хромает немного, но здоровье улучшилось.

В Калиновке Иван ухаживал за рабочим скотом – быками и лошадьми, гонял их поить и кормить. Здесь он познакомился со своей будущей тещей, они вместе работали, и она очень жалела его. Ходила вместо него в мороз поить быков и брала на себя трудную работу. С будущей женой, Валентиной Павловной, Иван встретился у соседей, сразу обнял её и влюбился. Она его тоже полюбила, даже зимой ходила за ним след в след, но считала, что он первым должен признаться в своих чувствах. Соседские немки были против брака, считали, что Иван должен жениться на немке. Флорентина Ивановна тоже была против их отношений, даже выгоняла Валентину, когда та приходила в гости. Сдалась мать только после того, как Иван и Валентина принесли ей внука. Иван строил дома-пластанки. Первый дом был в земле, а второй, побольше, – на земле. В него он и привёл жену из рода донских казаков. Свататься пришёл с бутылкой водки и двумя друзьями, мать Валентины дала согласие. Вскоре молодые

переехали жить к ней, в саманную хату, где им выделили комнату. Постепенно обзавелись хозяйством: 60 гусей, 30 уток, 2 коровы, 2 свиньи и 25 баранов. Семья быстро увеличивалась: к 30 годам у Валентины Павловны было уже 5 детей: Наталья, Нина, Лилия, Лидия, Иван.

Под влиянием дочери Нины в 1976 году Фаберы переехали жить из Казахстана в Сибирь, в Колпашевский район, на сельхозстанцию. Дочь училась на кондитера и, будучи в Одессе на слёте отличников, познакомилась со своим будущим мужем – Виктором Гавриловичем Матвиенко. Он учился в Самуськах на речника. После службы в армии приехал за ней в Калиновку и увёз жить на селекционную станцию в Колпашевский район. Семья Фаберов приняла решение последовать за дочерью.

Мать Ивана Ивановича, Флорентина Ивановна, была лютеранкой. Она каждый день молилась утром и вечером и приучала к молитвам детей, но Иван работал весь день, а вот Александр выучил молитвы. Сегодня Иван Иванович – активный баптист, он перекрестился в другую веру по причине отсутствия лютеранской общины. Ездит в Колпашево, где регулярно собирается баптистская община. Своё решение мотивирует так: «Какая разница, ведь Бог один».

Иван Иванович на вопрос о культуре российских немцев поделился сведениями о традиционной кухне и праздниках. Немецкие клёцки готовили так: из теста делали жгут, резали или рвали («рванцы») его на куски и варили в воде или мясном бульоне. Главным праздничным блюдом считался пирог «кухе» с посыпкой. В семье всегда праздновали Рождество, приходили Дед Мороз и «медведь» в вывернутой шубе, с вязанкой прутьев и цепью, которой гремел на улице. К этому моменту дети уже сидели за столом и молились. Дед Мороз спрашивал, кто как себя ведёт, дети тряслись от страха, и мать отвечала, что все хорошо себя вели. Непослушных ждал пруттик ряженого. Дед Мороз случайно «терял» конфеты, и после его ухода дети собирали их. Утром выбегали из дома и на улице и тоже находили конфеты. В тарелке, оставленной с вечера на столе и накрытой простынёй, тоже находили конфеты. В Казахстане на Рождество и Новый год ходили и колядовали: с утра приходили ряженые и со словами: «Сею, вею, посыпаю, с Новым годом поздравляю!» – обсыпали всё овсом и рожью.

Сегодня у Ивана Ивановича большой добротный дом, с обширным подворьем, крытым двором. Крыльцо украшено резными гроздьями винограда. В доме весело, и постоянно гостят дети, внуки и родственники. Иван Иванович отличается крепкой памятью и отменным чувством юмора, он поёт песни и частушки на немецком языке. Он прожил с Валентиной Павловной нелёгкую жизнь, но они довольны ею и считают, что главное в жизни – жить в любви и согласии.

А.Д. Дементьев

МОЛЮСЬ ЗА ЗДОРОВЬЕ ВСЕХ СВОИХ РОДНЫХ (о Готмане Теодоре Генриховиче)

Теодор (Фёдор) Генрихович Готман родился 16 марта 1927 г. в Башкирии, на хуторе Готмана (ныне село Уртатау) в Давликановском районе.

Прапрадед Антоний (Анатолий) Готман жил в Германии, там в 1778 г. родился его сын Фридрих, который в 1831 г. вместе со своей семьёй переселился в Российскую империю и обосновался в Таврической губернии с центром в Симферополе. Семья Фридриха Готмана жила в деревне Готман. Дед Александр родился 31 июля 1860 г., а отец Фёдора, Генрих, родился 29 июля 1895 г. Семья жила на помещичьей земле и платила за неё подать. В 1914 г. из-за конфликта с хозяином земли дед Александр вместе с семьёй на лошадях отправился в Башкирию, где купил 200 га земли и стал обуустраивать хозяйство. Построили дома и его сыновья, Готлиб и Генрих. Держали крепкое хозяйство: коней, коров, свиней и кур. Жена Генриха, Азара Ивановна Янсен, была из голландских немцев, родилась в 1898 г. По вере принадлежала к меннонитам. На хуторе Готмана 16 марта 1927 года и появился на свет Фёдор.

В 1931 г. семью раскулачили и сослали в дер. Анжерка. Тогда Фёдору было 4 года, поэтому он не помнит, как переезжали на новое место. Вещей разрешили взять столько, сколько уместится на одной подводе. Привезли на вокзал и пересадили на поезд, который довёз до места. За время, проведённое в пути, в семье Готманов умерло 4 из 10 детей. По рассказам матери Фёдора, всех высадили на пустом месте в окрестностях Анжерки. Чтобы перезимовать, пришлось соорудить полуземлянку. После зимовки отец Фёдора построил дом. По воспоминаниям Фёдора Генриховича, он был деревянный и большой. Мама Фёдора была модисткой – шила женскую одежду, а отец работал главным бухгалтером на предприятии «Строй-Анжерка», которое строило бараки. В 1937 г. начались репрессии, и отца Фёдора арестовали. Ему предложили подписать ложное обвинение в краже строительного материала и отсидеть за это в лагере. Отец бумаги не подписал, он был честным и глубоко верующим че-

ловеском. Рабочие предприятия, что принесли заявление, пригрозили: «Попомнишь нас!». После череды допросов 21 сентября 1937 г. отца Фёдора, Генриха, арестовали и через месяц, 21 октября, расстреляли как врага народа.

Началась Великая Отечественная война, и старшего брата Фёдора призвали в армию. Его полк формировался в Татарке, в Новосибирской области. Потом, после решения о направлении немцев-спецпереселенцев в трудармию, брата вместе с другими немцами из полка направили в село Александровское. Туда добирались пешком, а ночевали в деревнях, встречавшихся по пути. В мае 1942 г. вышел указ о воссоединении семей, и Фёдора с матерью и двумя сёстрами тоже отправили в Александровское. Вместе с матерью поехали и две её старшие дочери с семьями. Везли на пароходе «Тихонов», делали остановки для пополнения запасов дров и воды. Людей выгружали в разные места: Новоникольское, Назино, Мегипугольское, Александровское, куда везли и семью Фёдора. Прибыли на место в июле, расселили по квартирам. Семья Фёдора жила в доме у Надежды Козодеевой. Несмотря на то, что её муж погиб на фронте, она хорошо отнеслась к прибывшим немцам, а через некоторое время, по воспоминаниям сестры Фёдора Генриховича, отзывалась о ребятах так: «Какие дети хорошие, послушные!». Старшего брата и двух сестёр Фёдора отправили на лов рыбы на близлежащих реках, а его самого – на местный рыбозавод в бригаду. Фёдор Генрихович говорит, что тогда был один лозунг: «Каждый чебак – пуля по врагу!». Мама Фёдора не работала.

В ноябре 1942 г. Фёдор заболел брюшным тифом. Лечение шло долго, лежал в палате без сил в бреду. После выздоровления семью перевели в колхоз «Ударник»: там не хватало рабочих рук. Старшая сестра перешла работать на рыбозавод. За труд в колхозе начисляли трудодни, по 50 копеек за день, и расплачивались в конце года, если у колхоза оставались деньги. В течение года аванс выдавали продуктами – 500 г пшеницы на трудодень.

В 1947 г. Фёдор женился на Эмме Яковлевне Гергарт. Она родилась 29 января 1929 г. в Саратовской области. В 1941 г. её с мамой, старшим братом и двумя сёстрами сослали в Болотнинский район Новосибирской области, откуда на барже весной 1942 г. их привезли в Александровское. В 1954 г. немцев сняли с учёта комендантуры, где они должны были отмечаться два раза в месяц.

К этому времени у Фёдора с Эммой было уже четверо детей. Родные Фёдора вернулись в Башкирию, а сам он с женой и детьми остался в Сибири и начал обзаводиться собственным хозяйством. Достроил в 1956 г. дом, купленный у немцев, которые уехали в Казахстан. Достраивал вместе с женой Эммой: уложили 14 венцов сруба и утеплили мхом и глиной. Окна и крышу делали наёмные рабочие, к этому времени в колхозе перешли на денежную оплату. Дом получился большим и тёплым, со срубными сенями и верандой. Завели двух коров, овец, свиней и кур. Сено для подсобного хозяйства брал в колхозе по выписанному в конторе «ярлыку». Хозяйственные постройки для скота Фёдор Генрихович сделал сам. Вырыл погреб и построил баню. При доме был огород – 25 соток. В 1956 и 1958 гг. родилось ещё двое детей.

В колхозе Фёдора Генриховича ценили, поставили бригадиром. Но в 1960 г. он продал дом за 25 000 рублей и вместе с женой и шестью детьми уехал в Башкирию, в г. Давлеканово, к своим родным. Прожив там два месяца, решил вернуться обратно в Александровское. По возвращении стал заместителем председателя колхоза «Ударник». Первое время жили у брата жены, а вещи из Башкирии до дома не доходили: «осели» в Новосибирске. Тогда Фёдор Генрихович написал о случившемся в местные органы путей сообщения, и через несколько дней самолёт АН-2 доставил застрявший груз. Когда началось укрупнение колхозов, спецпереселенцы из ближайших мелких коллективных хозяйств разъехались, а скот отправляли в «Ударник». Из-за невозможности содержать весь собранный скот Фёдор Генрихович отправил две баржи скота в Колпашево. В колхозе осталось 200 лошадей, 500 коров, множество овец и другого скота, всего около 2 000 голов. Приходилось постоянно вести учёт в колхозе, и Фёдор Генрихович с удовольствием отмечал рост показателей по весу скота и молоку.

В Александровском Фёдор Генрихович купил новый дом и здание лисофермы, которое он переоборудовал под стайку для коровы. Заново поднял хозяйство. В 1963 г. из колхоза на селекционную станцию в Колпашево уехал зоотехник, он договорился с директором станции о том, чтобы принять на работу и Фёдора Генриховича. Недолго думая, Фёдор Генрихович перебрался в Колпашево, а в марте перевёз семью. Работал бригадиром на

ферме при селекционной станции с 1963 по 1987 г., после чего ушёл на пенсию.

В настоящее время Фёдор Генрихович живёт насыщенно, стал глубоко верующим человеком, разделяет вероучение баптистской церкви. Регулярно молится и читает Евангелие. В течение года прочитывает всё Священное Писание. Немецкую речь Фёдор Генрихович понимает, но не говорит. В семье разговаривали по-немецки, но после переселения в Сибирь перешли на русский язык.

Сегодня Фёдор Генрихович – патриарх большой семьи, он беспокоится о ней и молится за здоровье всех своих родных.

М.С. Сысоева

НИ НА ЧТО СВОЙ ТОГУР НЕ ПРОМЕНЯЮ

(об Ушаковой (Райман) Лилии Рейнгольдовне)

Лилия Рейнгольдовна родилась в 1935 г. в с. Вольваховка Красноармейского района Киевской области. По-немецки её девичья фамилия звучала как «Райман», а в русской транскрипции записали «Рейман». Родители тоже родом с Украины. Мать, Марта Людвиговна Виршке, родилась 2 марта 1909 г. в с. Майхровка Житомирской области. В семье матери было 12 детей, во время Первой мировой войны всех выслали в Архангельск, где во время эпидемии тифа погибли родители и четверо детей. Выжила Марта, её четыре брата и сестра. Двое из братьев уехали в Канаду, и связь с ними потеряна. После окончания войны вернулись на Украину. Отец родился 19 «липня» (июня) 1907 г. в с. Михайловка Вольнского округа. Поженились родители Лилии 30 «квитня» (апреля) 1930 г.

На Украине родная деревня Лилии Рейнгольдовны отличалась чистотой и ухоженностью: кирпичные отделанные дома стояли вдоль большой длинной улицы, всё утопало в зелени. Радовал глаз красивый клуб. Население составляли преимущественно немцы, лишь на конце улицы жили русские, поэтому мама Лилия умела говорить по-русски. Дома же разговаривали исключительно на литературном немецком. По соседству жили немецкие семьи – Леопольды, Шейнфиши. На подворье имелись погреба, держали гусей, свиней, на огороде и в саду росли помидоры, арбузы, яблоки. Арбузным соком даже умывались. В семье Райманов росло двое детей, но младший брат Лилии умер в раннем возрасте. Родители не держали детей в строгости, мама была очень добрым человеком, глубоко верующей лютеранкой. У неё было много «божественных» книг, напечатанных готическим шрифтом. В селе существовала лютеранская община, хотя её члены вместе практически не собирались. Мать работала в колхозе, выращивала овощи, арбузы. Отец был хорошим портным, шил костюмы.

В голодные годы семья Райманов перебралась из Киевской области в Запорожье. В 1937-м отца, Рейнгольда Юлисовича Раймана,

арестовали и расстреляли в Житомире, а семье уже в Тогуре, в комендатуре, сказали: «Что заработал, то и получил, расстреляли его на севере». Позднее сводная сестра навела справки и выяснила, что расстреляли отца на Украине, не был он ни на каком севере. Мама Лилии была верна памяти мужа всю жизнь.

В 1941 г. семью Лилии выслали из Запорожья. Сначала жили в деревне «Гальденберг», у хороших знакомых, в зажиточной семье бухгалтера Штейнфинш. Его самого и сына забрали в трудовую армию, и мама Лилии ухаживала за больной хозяйкой. В деревне уже стояли военные части, и вместе с Райманами на квартире жили «какие-то офицеры», в красивой чёрной одежде – четверо мужчин и одна женщина. Деревня была красивая: одна большая улица, с садами и побелёнными домами. Потом дали указание замазать всё черным, не открывать окна, завесить всё одеялами, чтоб света никакого не проникало. Немецкие самолёты летали очень низко, как-то раз женщина шла с вёдрами к оврагу и упала от того, что очень близко пролетел самолёт. С приближением фронта население «Гальденберга» стали вывозить. Три месяца ехали на поезде, который постоянно бомбили. Везли в товарном вагоне с дыркой посередине, куда выливали из горшков. Погибали целыми вагонами. Начинается бомбёжка – поезд останавливается, заканчивается налёт – объявляют, что два вагона разбомбили. Эти вагоны отцепляют, а остальные отправляют дальше. Мать очень берегла единственную дочь Лилию, в поезде прижимала покрепче к себе, «чтоб, если и разбомбят, то вместе».

Привезли в Кемеровскую область, в деревню-развалюху Тёплая Речка, где жили одни татары. Прожили там с матерью 10 месяцев. По-русски Лилия не знала ни слова, но уже стала говорить по-татарски. Татары относились к прибывшим немцам нормально. В этой деревне 4 немецкие семьи, в том числе и Лилию с матерью, поселили в конторе. Рядом стояла бочка, в которой когда-то хранили мёд, дети выскабливали его «остатки» и ели с овсом.

В Тогур привезли в конце августа 1942 года на пароходе. Многие немцы были распределены по участкам, а семья Лилии попала в Тогур. Как рассказал потом один знакомый, пароход на Шпальной сел на мель, его не смогли стащить, поэтому и выселили в Тогуре. Первые две суток ночевали на стадионе, под открытым небом. С собой у Лилии с матерью был лишь один чемодан – вещей брать не разрешили. Дома, на Украине, осталась швейная машинка, взяли только то, что можно было унести в руках. В Тогуре мать сразу же продала

два золотых кольца – за счёт это выживали. Потом поселили в семью Веденёвых. Александра Алексеевна Веденёва работала воспитателем в детском саду. Её муж был на фронте, воевал с фашистами. Она жила с сыном, со свекровью и сестрой в доме, состоящем из двух небольших комнат и кухни. Хозяйка хорошо встретила постояльцев, выделила им угол.

Лилия не знала ни слова по-русски, и через некоторое время Александра Алексеевна взяла её в садик. Там девочка сидела за печкой с глухонемой воспитанницей, так как не могла общаться с другими детьми. В садике висел большой портрет Сталина. Возле него стояли дети, а рядом с портретом находились ступеньки, где сидела воспитательница, когда беседовала с детьми. Однажды дети подбежали к Лилии и спросили: «Ты Сталина любишь?», – на что она, не совсем понимая, о чём речь, покачала головой – «нет». Дети побежали к воспитателю с гвалтом: немка и Сталина не любит. Воспитательница никак не отреагировала, только дома рассказала матери Лилии об опасном происшествии и посоветовала обучать её русскому языку, чтобы подобное не повторилось. Через 3 месяца Лилия стала говорить по-русски, хотя никто специально её не учил. Она влюбилась в этот язык и стала читать книги только на русском языке. Первая книга, прочитанная на русском языке, – «Тихий Дон». Прочитала её очень рано: много о ней слышала любопытных историй, о взаимоотношениях девушки с парнем. На немецком языке, в отличие от мамы, читает немного, но от матери научилась молиться по-немецки, любимая молитва – «Отче наш...». Заплакала, когда стала читать её в первый раз. Каждый вечер, молясь, она просит здоровья внукам, детям. Дети немецкий не знают, хотя сын в школе учил его, а дочь учила французский.

В школе Лилии немецкий язык преподавала Агата Мартыновна Гюнтер. Когда она задавала вопрос, а ребяташки не могли ответить, то Лилия им подсказывала. Учительница восклицала: «Райман! Единица тебе в журнал!», – а за четверть всегда ставила «пятерку». Учебника по немецкому языку у девочки не было. Так Лилия окончила сначала начальную школу, потом – и среднюю. Учиться она любила всю жизнь. Ребята в школе относились к ней нормально, хотя иногда и дразнили «фрицем» или «фашистом».

Мать определили на работу на Кетский лесозавод: катала круглый лес, цепляла его цепями, была металлистом-лебёдчиком. Работала с быками. Завод выделил ей комнатку на заводе, а потом

в «комсомольском доме». В основном прибывших немцев селили на Шпалозаводе в бараке, а маленькая семья Лилии почему-то туда не попала. На заводе работали два брата – спецпереселенцы, высланные с Алтая, Иван и Андрей Орловы. Они обзавелись семьями, имели свои дома, а их родители жили в избушке на берегу. Со временем отец умер, а мать забрала к себе сноха, и избушка пустовала. Братья и предложили Райманам переселиться в неё. Так и произошло. Избушка стояла на берегу: фасад стоял на земле, а тыльная сторона опиралась на два столба. Когда дул сильный ветер, казалось, что избушка вот-вот повалится. В «избушке на курьих ножках» мать с дочерью прожили лет 8–9. В ней обжились, обзавелись скотиной – корова, телята. Спаслись от голода. Дядя Ваня настаивал на отправке Лилии в школу, но мать отвечала, что не может – нет одежды, обуви, и не на что их купить. Тогда он нашёл Лилии подшитые валенки, кое-какую одежку – в общем, отправили девочку в школу. Сегодня Лилия Рейнгольдовна с благодарностью вспоминает, что ей всегда по жизни встречались такие хорошие люди.

Училась она в школе хорошо, хотела пойти учиться на воспитателя, но мать отсоветовала ездить по вечерам на учёбу в Колпашевское педучилище: «Иди на завод и работай». И Лилия пошла на завод в 1951 г., и было её тогда 16 лет. Её приняли «по блату» и в первые два года даже не оформили, потому что была маленькая. Работали по 10–12 часов. На заводе выдавали зарплату. Мама получала 42 руб., а Лилия – в 3 раза меньше. С каждой зарплаты мама покупала литровую банку абрикосового компота и 10 штук рыбы у частников. Почему именно абрикосовый компот – не знает, но даже сейчас для неё это самый любимый фрукт. Поскольку помогали Орловым по хозяйству, они давали картошку, молоко, сметану и творог. Это были уже настоящие продукты!

Потом, когда построили барак, Лилии с матерью дали комнату – 9 кв. м. В этой комнате она вышла замуж за Николая Иннокентьевича Ушакова.

С мужем познакомилась на лесозаводе. Он пришёл из армии, работал в колхозе, а потом перешёл на завод. Лилия с детства хотела непременно выйти замуж за русского парня, хотя мама хотела видеть её мужем немца. В начальной школе учительница Капиталина Степановна Порошина на уроках рассказывала про зверства немцев: как они развалили ДнепрогЭС, сколько людей погибло на фронте, в плену. Лилия была высокая ростом, сидела на задней парте, и учительница во время

этих рассказов всегда смотрела на неё. Ещё тогда девочка сказала себе, что муж у неё будет только русским и дети тоже – русскими. В итоге её мужем и стал Николай Иннокентиевич Ушаков.

Познакомилась в клубе, до этого у Лилии был кавалер, немецкий парень, который потом уехал из Тогура. Как только она встретилась с Николаем, он ей сразу понравился – высокий красавец с волнистыми волосами. Два месяца подружили и поженились. Николай просил согласия на брак у матери Лилии. Свадьбы не было, только посидели своей семьёй – молодые, отец и сёстры Николая. Поженились в мае 1958 г., зарегистрировали брак по настоянию Николая: «Твоих-своих детей буду писать на твою фамилию Райман что ли?». Муж вырос в большой семье – 7 детей. Его отец сильно не любил немцев, так как воевал в Великую Отечественную войну. Когда выпивал, то обзывался и кричал, а на следующий день извинялся: «Лиличка, да ты ягодка наша!». В семье Ушаковых выросли сын – Анатолий (1959 г. рождения) и дочь – Светлана (1964 г. рождения). Анатолий окончил авиационный техникум, живёт в Новосибирске. Светлана работает в федеральном казначействе в Колпашеве, живёт с матерью, заботится о ней, а у зятя – золотые руки. У бабушки Лилии трое внуков: Никита, Алексей и Екатерина и две правнучки. Внуки и одна правнучка живут в Новосибирске, а внучка и правнучка – в Турции.

До 1956 г. немцы-переселенцы находились на спецучёте, сначала должны были отмечаться 2 раза в месяца, потом – один раз. Работники комендатуры, включая коменданта Кукушкина, относились нормально. Интересно, что, по словам Лилии Рейнгольдовны, лично знавшей уроженца этих мест писателя Виля Липатова, прообразом известного литературного героя – милиционера Анискина – послужил один из работников комендатуры.

Общий трудовой стаж Лилии Рейнгольдовны официально насчитывает 42 года. Сначала работала на «бирже сырья», т. е. складе круглого леса, сигнальщицей. Помогала матери при работе на лебёдке, с помощью которой круглые брёвна укладывали в штабеля. Лилия стояла у столба, рядом с «бревнотаской», по которой шли брёвна из воды и с которой их сбрасывали на площадку, где сцепляли цепями. Мама, находясь позади, за 250 метров, тащила их на лебёдке и складывала в штабеля высотой до 6 м. Лебёдка была огромная: два больших барабана и машинное отделение, которое работало на дровах. Сигнальщица стояла на улице у столба в любую погоду и подавала команды: «Пошёл» и «Стоп». Сигнал – и мама включала лебёдку.

ку, два сигнала – давала слабину тросу, чтоб человек мог отцепить цепь. Таким образом, по командам Лилии мама управляла лебёдкой. Какая-то часть брёвен шла в маленький бассейн, где находился лесопильный цех, в котором пилили эти брёвна на доски. Позднее мать научила дочь работать на лебёдке, которая была уже более современной: работала не от машинного отделения, а от электричества. Лебёдки стояли на улице, работали на них в шубах.

После замужества и рождения первого ребёнка Лилия Рейнгольдовна пошла учиться на бракёра круглого леса. Контора сдавала лес, пригоняемый большими плотами, принимали его 2 человека от конторы и 2 от лесозавода – бракёр и учётчик. Они определяли сорт деревьев, наличие брака, трещин, отсутствие обработки, неправильный отпил и т. д. Лилия сидела в будке и спорила с конторскими бракёрами по поводу того, к какому сорту отнести лес. По правде говоря, сильно не спорили, в основном приходили к согласию. Важно было определить кубатуру принимаемого леса, сколько его подали, чтоб уплатить рабочим. Диаметр брёвен был от 14 до 46 см. Бревно диаметром около метра называли «баланом», и оно вызывало восхищение: «Ух, какой балан пришёл!». Какое-то время Лилия Рейнгольдовна работала на кантовке – стаскивала лес, потом работала в бассейне, куда сваливали брёвна, где их рассортировывали и подавали в цех, чтоб распиливать на доски. Сортировали по диаметру.

В 1964 г. из барака Лилия Рейнгольдовна с мужем переселились в квартиру в трёхквартирном доме. Когда заселились в дом, то в нём был общий сарай на трёх хозяев. Держали свиней, овец, кур. В этом доме у неё родилась дочь. Лилия Рейнгольдовна выучилась на бракёра пиломатериала. В декретном отпуске она практически не находилась: через 3 месяца вышла на работу. Трудилась посменно с мужем: она уходила на работу, он приходил и наоборот. Дети росли спокойными, они и сейчас спокойные. После рождения дочери работала в лесоцехе на учёте круглого леса, затем бракёром пиломатериалов, потом – кубатурщицей на отгрузке: доски грузили на баржи, а Лилия Рейнгольдовна оформляла на них пакеты документов. Её пригласили поработать товароведом, и она согласилась, проработав 13 лет. Завод готовил пиломатериала десятки, сотни тысяч кубометров, на складе с большими штабелями пиломатериала и работала она товароведом. Составляла отчётность, печатала на машинке. «Томсклесстрой» находился в подчинении у «Запсибстройснаббита» с центром в Новосибирске. Отправляли пиломатериал по всему

Советскому Союзу – на Украину, в Казахстан, Грузию. Шла продукция и на экспорт: в Чехословакию отправляли пиломатериал для карандашей, а в Германию – сосну.

Перед пенсией, с целью увеличения её размера, Лилия Рейнгольдшне перешла работать браковщиком пиломатериала – сортировала доски. Учила ГОСТы, так как они постоянно менялись, преysкуранты цен. Россия была разделена на 5 поясов, и для каждого были свои цены. Постоянно приезжали «толкачи», надоедали просьбами, чтобы им поскорее поставили продукцию. Особенным спросом пользовался палубник – доски 75x150 см. Познакомилась со многими интересными людьми. Оценив профессионализм, приглашали на работу в Николаев, но Лилия Рейнгольдшне не хотела нигде уезжать – «ни на что свой Тогур не променяю». Заработала в лесоцехе максимальную по тем временам пенсию – 132 руб. (с учётом северных), теперь пенсия составляет 22 000 руб. Награждена медалью «Ветеран труда», многочисленными грамотами, благодарностями исписана вся трудовая книжка.

Центром сохранения немецких традиций в Тогуре стала лютеранская община, где проводили коллективные молитвы, отмечали праздники. Собирались в «комсомольском доме» у Франца, который был духовным лидером общины. По праздникам готовили «штрудели»: тесто раскатывали в лепёшку, смазывали маслом, скатывали, разрезали на полосы, клали на тушающую капусту. Тесто, замешанное на соде, взбухало, пропитывалось капустным рассолом и становилось вкусным. На Рождество ставили ясли, в которых родился Иисус Христос. Приходили Крискинди и Пельцникель. На Пасху стряпали «ривелькухе» – пирог, посыпанный мучной крошкой, несли его в общину, пили чай. После отъезда Франца и его семьи в Волгоград община долго не просуществовала. Какое-то время собирались у немецких подружек мамы – Екатерины и Марии Дик, читали молитвенные книги.

В семейном кругу Ушаковых всё праздновалось по-русски. Ёлку ставили на Новый год.

Много родственников Лилии Рейнгольдшне живёт в Германии. Сама она посетила ГДР, погостила там две недели, сделала покупки и вернулась. Германия её не прельстила, а сын сказал: «Нехай они живут в своей Германии, а мы поедем в свою Россию». Из живущих там родственников с высшим образованием никто не работает по специальности.

Е.А. Галактионова

СОЕДИНИЛ ТОГУР

(о Чичигиной (Кильман) Фриде Георгиевне)

Фрида Георгиевна Чичигина (в девичестве Кильман) родилась в Тогуре в 1950 г. Её родителей депортировали вскоре после начала Великой Отечественной войны. Мать, Екатерина Андреевна Кваст, родилась в 1913 г. в селе Кхаана Саратовской области. Отец, Христиан Иванович, родом из Запорожья. Родителей соединило переселение: они встретились уже в Тогуре. В Поволжье и Запорожье оба жили в немецких деревнях, поэтому практически не знали русского языка, овладели им после того, как обосновались в Нарымском округе.

У Екатерины Андреевны в Поволжье родилось двое детей, один из них умер. В дорогу она отправилась с сестрой, ребёнком и племянником. Когда выселяли, разрешили брать только то, что можно унести в руках. С собой взяли лишь сундук, в который умудрились поместить небольшую плиту и другие вещи, за счёт которых и удалось выжить. Везли по железной дороге, в «скотских» вагонах. Прежде чем отправить в Тогур, возили по другим городам, в том числе были в Юрге и Нарыме. Стоило только обосноваться на новом месте, хоть немного обустроиться, как тут же везли в другое. В Нарым привезли осенью на пароходе, там жили в плохих условиях, из-за чего умерли второй ребёнок Екатерины Андреевны и ребёнок сестры. В Нарыме зимовали, работали на рыбном заводе, жили в бараках. В Колпашеве Екатерину Андреевну хотели разъединить с сестрой, но в итоге они вместе поплыли на пароме в Тогур. Здесь задержались надолго.

Отца Екатерины Андреевны, Христиана Ивановича, отправили в трудовую армию, на Урал. После трудовой армии он приехал к родным в Нарым. Более суток шёл пешком из Колпашева в Тогур. Его мать и брата сразу направили сюда.

В Тогуре мать работала на лесозаводе, а отец – сторожем на складе в организации розничного снабжения. Екатерину Андреевну поселили в «комсомольском доме», затем в бараке, где размещали по несколько семей. Знакомство будущих родителей определило их

судьбу: по жизни они пошли вместе. Свадьбу не отмечали, зарегистрировались только в 1960-х гг. Жили в доме, который купила мать отца. В нём была только одна комната, затем сами пристроили кухню. Из мебели имелись деревянная кровать, стол, сундуки. В доме часто белили, особенно печь, следили за порядком, тщательно заправляли кровать и следили за её опрятным видом: красиво складывали подушки, крахмалили наволочки, пользовались накидушками. Полы были деревянными. В 1953 г. купили дом просторнее, в нём были уже две комнаты и летняя кухня. На огороде выращивали лук, морковь, картошку.

Из немецких блюд готовили галушки: скатывали тесто в колбаску, отщипывали от нее по кусочку или отрезали ножом и варили в бульоне с картофелем. На пару готовили пампушки. Для быстрого приготовления еды перемешивали в чашке картошку с луком и хлебом. По выходным, по праздникам и по случаю прихода гостей чаще варили суп с домашней лапшой, которую готовили так: очень тонко раскатывали тесто, давали пласту подсохнуть, сворачивали в рулет и нарезали узкими полосками, затем варили в курином бульоне. В суп добавляли петрушку и укроп. Подавали к столу суп и мясо в отдельных чашках. Лапшу, если она оставалась, не хранили долго, а использовали на следующий день.

В семье родители говорили и по-русски, и по-немецки. Сама Фрида не знала русского языка, пока не пошла в школу. Воспитывала её в основном бабушка, так как родители работали по три смены. Родители относились к своей работе очень серьёзно, никогда не опаздывали, боялись наказания. Пока девочка была маленькой, общалась с детьми из немецких семей, что жили по соседству. В школе Фриду дети не обзывали, относились к ней хорошо, но называли только по фамилии: своё имя Фрида в детстве не любила. Русский язык осваивала легко. С семи лет пошла в начальную школу, через 4 года – в среднюю, училась в классе, в котором были и русские, и немцы, всего около 40 человек. После школы поступила в Колпашевское педагогическое училище, на физкультурное отделение. Ездила на соревнования по многоборью, региональные и областные. Любимая дистанция – 100 м, личный рекорд на ней – 13,1 сек. Говорит, что судили всегда честно и дискриминации по отношению к участникам не помнит. Проработала 39 лет в средней школе в Тогуре, преподавала и после выхода на пенсию. Получала грамоты и бла-

годарности. У Фриды Георгиевны много воспитанников, также занимавших призовые места на областных соревнованиях.

Мужа её зовут Виктором Павловичем Чичигиным. Он – русский, приехал в Тогур из Иркутска. Познакомилась в школе: молодой человек тоже преподавал физкультуру. Он метал копье и ядро. У него 1-й разряд по метанию копья. В 2013 г. ездил с дочерью на соревнования, устроенные для ветеранов спорта. В семье Чичигиных двое детей – сын Павел (1969 г. рождения) и дочь Ольга (1974 г. рождения), работает юристом. Дочь записана русской, знает немецкий язык, выучила его в институте.

Хотя Фрида Георгиевна не крещёная, она с детства хорошо запомнила Рождество, которое отмечали 25 декабря. Стряпали «цукеркухе» – пирог, посыпанный крошкой и сахаром, делали котлеты, пельмени, винегрет. Говорит, что бабушки собирались вместе и пели молитвенные песни, читали религиозные книги. Колядовали в основном подростки. В деревне был заводила ряженных – Егор Фриз, который знал особые песни и стихотворения для этого действа и руководил на празднике сверстниками. На Рождество ставили ёлку, сами делали игрушки, в том числе из бумаги и покупных пряников. Ребятишки рассказывали стихи, за это им давали сладости или деньги. На Новый год ходили друг к другу в гости, обходили дома целыми группами, пели песни на немецком языке. Дети клали шапки и ждали Деда Мороза, его обычно изображал мужчина. Он надевал шапку, выворачивал шубу, брал посох, закрывал лицо. Спрашивал о том, был ли ребёнок послушным. Непослушных журил, послушным дарил подарки. На Пасху стряпали «пасочку». Троицу немцы отмечали, как и все остальные, ничего особенного в ней не было. Коллективные гуляния устраивали и на майские праздники.

Е.А. Галактионова

**ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА
(о Бредере Владимире Петровиче)**

Тогур соединял для семейной жизни представителей разных национальностей. Семьи создавались крепкими, выдерживавшими проверку временем. Уважительное отношение к супругам сохранялось и после их кончины. Татьяна Петровна Лузина, родившаяся в Тогуре в 1963 г., причисляет себя к «местным», старожилам, хотя в её родовом древе встречаются и несибирские ветви. Дед, Адам Семёнович Бофт, был родом из Польши, причём патриотом «до мозга костей». Родители родом из деревни Канерово, а жили в Волково.

Татьяна Петровна бережно хранит память о своём муже – Владимире Викторовиче Бредере. В семейном архиве отложились документы, связанные с ним и его родственниками. Он родился в 1960 г. в Тогуре, в семье депортированных немцев. Окончил в родном селе училище № 29, приобрёл профессию механика. Всю жизнь работал водителем, возил лес. Награждён медалью «За доблестный труд». Татьяна Петровна училась в Томске на швею, пять лет работала по профессии, потом стала работать в школе учителем технологии и предпринимательства. Поженились Татьяна Петровна и Владимир Викторович в 1984 г. и прожили вместе 28 лет. Совместную жизнь начали в доме, в который родители мужа переехали примерно в 1960 г. Вырастили детей, сына и дочь. Сын Андрей (1985 г. рождения) закончил Томский политехнический университет, экономист, работает в уголовном розыске. Женат, у него растут двое дочерей, Маша и Варвара. Дочь Ольга (1987 г. рождения) тоже окончила Томский политехнический университет по специальности «инженер». Замужем, растит сына Дмитрия.

О деде Владимира Викторовича, Андреасе Филипповиче Бредере, почти ничего не известно, кроме того, что он работал учителем, был интеллигентным человеком. Ему была выдана справка на компенсацию за оставленное имущество, но компенсации так и не последовало. Когда Андреас Филиппович умер, не известно. Бабушка, Варвара Семёновна Бредер (1891 г. рождения), была выслана из Саратовской области, Зельманского района вместе с мужем. С учёта на

спецпоселении Варвара Семёновна была снята в марте 1948 года по причине её смерти.

Так как Бредеров не переселяли несколько раз из одного места в другое, то им удалось многое сохранить из взятых в дорогу вещей. Так, сохранились вилки и скалка, которой Татьяна Петровна пользуется до сих пор. Скалка сделана мастерски, она восхищает простотой и изяществом своей формы, отделкой и находится в отличном состоянии, как будто изготовлена совсем недавно. Ею постоянно пользуется Татьяна Петровна, она категорически отказалась пожертвовать скалку в музей при Российско-Немецком доме, так как в очереди на скалку уже стоит её дочь.

Отец Владимира Викторовича, Виктор Андреасович Бредер, родился 10 июня 1925 г. в Саратовской области, Зельманском районе, с. Зельман. Вместе с родителями Владимира выслали в Тогур в 1941 г. Его братьев и сестёр раскидали по разным местам. Брата Ивана со всей его семьёй выслали в Казахстан, брата Андрея тоже с семьёй – в Новосибирск, и его дальнейшая судьба неизвестна. Сестру Марию одну, без родственников, выслали в Казахстан. Брат Иван из Казахстана был отправлен в трудовую армию, откуда вернулся к семье. У него было пятеро детей, сейчас они живут в Германии. Мария вырастила двоих детей: сын живёт в Казахстане, а дочь – в Германии.

Виктор Андреасович отличался трудолюбием: согласно записям в трудовой книжке, в 1942 г. его приняли на Кетский лесозавод, относившийся «ГрестЗабСибДреву», «дроворезом» в баню. В 1947 г. он был переведён учеником печника в жилищно-коммунальный отдел Кетского лесозавода. Организации менялись, а должность оставалась той же. С 1961 г. работал шофёром второго класса, а с 1968 г. вернулся к прежней профессии – работал печником в пожарной охране. Виктор Андреасович вёл специальную тетрадь, где записывал все свои рабочие заказы. Награждён премиями, благодарностями, почётными грамотами, многократно заносился на заводскую Доску почёта. Татьяна Петровна хранит его медали «Ветеран труда» и за доблестный труд в годы Великой Отечественной войны.

В 1999 г. на основании закона о реабилитации жертв политических репрессий Виктору Андреасовичу Бредеру выплатили компенсацию в размере 8 349 руб. – в 100-кратном размере установленной законом минимальной оплаты труда, так как размер конфискованного имущества и его стоимость определить было невозможно.

Мать Владимира Викторовича, Эмилия Андреевна Мензер, оставила свою фамилию и после вступления в брак с Виктором Андреасовичем. Родилась 7 февраля 1915 г. в с. Кано Марксштадтского района Саратовской области. В 1941 г. её семью выслали в Новосибирскую область. Вторичная депортация пришлась на 1942 г. На сей раз отправили в Нарымский округ на баржах. У Эмилии Андреевны к этому времени уже была семья, их переселили всех вместе, с дочерью, которая умерла в дороге. Мужа Эмилии Андреевны забрали в трудовую армию, там он и умер. В Нарымском крае определили на жительство в с. Тогур. Из Поволжья Эмилия Андреевна везла 3 сундука с вещами, а до Тогура дошёл только один: остальное обменяли на еду. В сундуках везли различные вещи, хозяйственные принадлежности, на их сборы дали один день. С Эмилией Андреевной ехал маленький племянник – Андрей Генш, сын брата. Племянник умер во взрослом возрасте в Краснодарском крае, где у него остались жена и дети. С Эмилией Андреевной в Тогуре оказалась и её сестра – Екатерина Кильман.

В Тогуре Эмилия Андреевна работала день и ночь на лесозаводе. Жили в бараках, где не закрывались двери, поэтому было очень холодно. Весной удалось посадить картошку, точнее очистки, которые дали знакомые по работе. Осенью собрали урожай – серьёзное подспорье в трудное время. В Тогуре Эмилия Андреевна познакомилась с Виктором Андреасовичем. Вступили в брак в 1953 г. У них родились дочь Мария, затем Нина и сын Владимир. С появлением детей Эмилия Андреевна занималась ими, вела домашнее хозяйство. После замужества поселились в доме родителей мужа. Печь в нём Виктор Андреасович сделал сам. Жили тяжело, приходилось много работать, на покос отправлялись вместе: муж – на велосипеде, жена – пешком. Дома их ждали дети. Косили «с половья», т.е. половину для себя, а другую половину – для государства. Хозяйство и подворье тем временем разрастались: Виктор Андреасович сам построил баню, печь в бане, крытые сени.

Эмилия Андреевна была католичкой, а своих детей крестила в церкви по православному обряду. Она считала, что Бог один. Читала Библию на немецком языке. По воскресеньям не работала. Рождество скромно отмечали 25 декабря. На Пасху следовали русским традициям. Эмилия Андреевна говорила, что раз они живут среди русских, то должны и праздники отмечать, как русские.

Русская невестка Татьяна Петровна без запинки назвала немецкие блюда, которые готовила её свекровь. Она пекла булочки, пироги «кухе» с посыпкой, тушила картошку с капустой, варила суп из домашней лапши, суп с клёцками из теста, жарила картофельные котлеты, готовила штрудель, вареники с картошкой, с творогом, с мясом, которые при подаче на стол заливала луком, пережаренным на сливочном масле. В качестве напитков подавала компоты из сухофруктов. Летом ставила на стол простоквашу с огурцами. Все блюда готовила только на сливочном масле, его делали сами и его было вдоволь.

Родители Владимира Викторовича были сняты с учёта на спецпоселении в 1956 г. Реабилитированы в 1991 г.

Такую вот изломанную линию родословной семьи Бедер удалось восстановить по воспоминаниям Татьяны Петровны и бережно хранящему ею семейному архиву.

М.С. Сысоева

НИКУДА Я ИЗ СИБИРИ НЕ ПОЕДУ

(о Горн (Фейлер) Лидии Германовне)

Екатерина Лукьяновна Фейлер (в девичестве Шмидт) жила на хуторе в Саратовской области и рано овдовела. Её муж, Герман Фейлер, был кузнецом, имел свою кузницу, хороший дом, полные погреба и лари. Он отказался вступать в колхоз, Екатерина Лукьяновна, вроде, соглашалась, а он – ни в какую. В итоге у них конфисковали всё, что можно. Муж заболел, видимо, воспалением лёгких и умер. Для семьи Фейлер наступили тяжёлые времена, крайне бедное существование. Дочь Лидия, родившаяся в 1926 г. в деревне Неб Маркштадтского района, болела и тем не менее помогала добывать пропитание. Детская память сохранила место, куда ссыпались отходы после обмолота зерна – труха. Мать часто отправляла её к куче с трухой, чтобы девочка просеивала её в руках и найденные зёрнышки складывала в мешочек, который вечером она приносила домой. Такая вот помощь семье. Лидия нанималась и в няньки, чтобы заработать себе на пропитание. В результате в школу она пошла лишь в 10 лет и до начала Великой Отечественной войны успела окончить 5 классов. Её мама, Екатерина Лукьяновна, была грамотной. Какое-то время она жила в приюте, а потом работала у богатых людей, где ей позволяли учиться с их детьми. Она была умной, рассудительной, но слишком прямолинейной. Как-то на колхозном собрании сказали, что суслики съели все зерновые, а Екатерина Лукьяновна на это ответила: «Вот два суслика на собрании, вот с них и надо спрашивать, с руководителей». С той поры её стали преследовать, отправлять на работу то в одно, то в другое место.

Перед войной жизнь стала налаживаться, завели хозяйство, козы были хорошие. Перед выселением на сбор вещей дали 24 часа. Когда семья покидала дом, скотина вслед бляла, мычала, рычала. Пока жители села ждали отправления, у коров вымя трескалось, молоко текло.

В Сибирь Лидия приехала с матерью, отчимом и сестрой Альбиной. Сначала перевезли через Волгу, потом на железнодорожной станции погрузили в какие-то вагоны-теплушки. В них на полу ле-

жало сено, видно, скотину возили. Довезли до Новосибирска и осенью 1941 г. отправили в Сузунский район. Там начали понемногу обустроиваться: перезимовали, лето прожили на выделенных участках, посадили картошку. Говорили, что здесь переселенцы и останутся. Потом вдруг неожиданно всех опять подняли с мест, заставили грузиться и повезли дальше. Лидия не помнит точно, куда привезли, но помнит, что пересадили на какую-то баржу, долго везли по реке и высадили в сентябре 1942 г. в районе Саровки.

В Саровке жили в каких-то землянках, бараках. Сёстрам, Лидии и Альбине, исполнилось по 15–16 лет, их сразу отправили в лес на работу. Там определили на валку леса, показали, научили основам ремесла, и пошло дело. За работу получали хлеб.

На лесозаготовках оказался и Давид Иванович (Иоханович?) Горн. Он тоже был выслан из Саратовской области, из с. Гоккерберг, где родился в 1925 г. Окончил 7 классов. Родители рано умерли, и Давид приехал в Сибирь со старшим братом Богданом. Отец перед смертью наказывал: «Держись старшего брата, Богдана». Давид и прибил к его семье. Семья родителей Давида была многодетная, но почти все сёстры умерли в Нарымском крае. Детей одной из них отдали в Тогурский детский дом.

Неудивительно, что Лидия и Давид познакомились: работали рядом, жили в одном бараке, да и фамилия парня была знакомой ещё в поволжской деревне. Лидия с матерью и сестрой жила на хуторе, где школы не была, поэтому учиться ходили в Гоккерберг, где и жил Давид. Возможно, там где-то и пересекались. В бараке соседней разделяла перегородка из ткани: в уголке занавеску повесил – вот тебе и квартира. В бараке Екатерина Лукьяновна выдала замуж обеих дочерей. Свадьбы у Лидии и Давида не было. Он пришёл и сказал: «Я останусь и никуда не пойду, буду жить с тобой». Лидия – наполовину сирота, он – вообще круглый сирота, а строгая Екатерина Лукьяновна всему научит по жизни. Мать Лидии сначала была против, что-то не очень приглянулась семья брата Богдана: вроде как грубоватые, не очень любят работать, хотя работали-то все. Всё же молодые поженились и прожили вместе почти 70 лет. В 1948 г. Лидия и Давид зарегистрировали брак, по крайней мере, такая дата указана в свидетельстве о браке. Дочь, Эрика Давидовна Андриянова (Горн), считает, что брак, возможно, был зарегистрирован задним числом: у неё и у сестры, родившихся соответственно в 1949 г. и 1953 г., в графе «отец» стоял прочерк, а фамилия указана мамина.

В 1956 г., когда «сняли с комендатуры» (Эрика в этом году заканчивала среднюю школу), мама поехала и переоформила все документы. Фамилия у сестёр стала отцовской – Горн. У родившегося позднее сына фамилия изначально была Горн. Мать, Екатерина Лукьяновна, говорила, что зарегистрироваться разрешили только в 53 года.

Когда сняли с комендатуры, встал вопрос о возвращении, и Лидия Германовна сказала, что «ни за что не поедет – там надо топить кизяками». Для кизяков нужно было собирать траву, смешивать её с коровьим навозом, топтать ногами и сушить в виде кирпичей. А здесь, в Саровке, – тайга, столько леса. В общем: «Ни за что. Никуда я из Сибири не поеду». Эрика запомнила, что, когда ругали Сталина, её мать говорила: «Большое спасибо товарищу Сталину за то, что нас сюда привезли. Там бы мы не выжили».

После барака построили свой небольшой дом, сами расчищали землю под огород, очень тяжело приходилось выкорчёвывать пни. Мать, Лидия Германовна, перестала работать на производстве, стала вести домашнее хозяйство, воспитывать детей. Отец работал в тайге, и, видимо, надсадился. Подросшие уже братья привезли его на плоту, ему было плохо, очень болела спина. Эрика в это время уже училась на первом курсе в Колпашевском педучилище. Шёл примерно 1960 или 1961 год. Отцу оформили инвалидность, он лежал в больнице, давали путёвки на курорты – так и поддерживал себя. Когда инвалидность сняли, отец пошёл работать сторожем в гараж.

Домик уже пришёл в негодность. Какие-то деньги были – начали копить, мечтали сами построить новый дом, но затем решили купить. Купили на той же улице, и по сей день Лидия Германовна живёт в нём. Муж умер в феврале 2015 г., и она живёт одна. В Саровке же обосновались и два её сына, они приходят, помогают по дому. Дочь, Эрика Давидовна, живёт в Тогуре. Переезжать к детям Лидия Германовна категорически отказывается – «я хочу жить в своём доме». Помощи особой от детей не принимает. Просит лишь, чтобы Эрика Давидовна раз в месяц делала уборку в доме. У неё большой огород, за которым она ухаживает, полет. Сын помогает вскопать огород, а картошку она сажает сама – дети не так кладут, неправильно. Потихоньку и окучивает картошку в свои 89 лет. Сыну разрешила посеять только морковку и свёклу, а вот лучок и чесночок сажит сама. Колодец у неё рядом с соседями, и вот накачают ей воды, и она помаленьку ходит, поливает, помидоры у неё хорошие. Часть огорода, чтобы земля не пустовала, отдала соседу.

Родители Эрики Давидовны говорили на двух языках: слово немецкое – слово русское. Общаясь главным образом с бабушкой, Эрика до 7 лет не знала русского языка. Позанималась с русской девочкой и стала общаться с ней, когда дело уже шло к школе. Сейчас она понимает диалект, на котором разговаривали родители, но говорить на нём не может. Отвечает по-русски. Сама Эрика Давидовна – преподаватель немецкого языка. Когда она показывала матери учебник немецкого языка, по которому занималась, то мать говорила: «Это не немецкий. Это вообще не знаю, что. Я такого языка не знаю». Не признаёт она немецкий литературный.

Немцы в Нарымском крае в значительной степени переняли русские традиции. Бабушка, Екатерина Лукьяновна, сразу сказала: «Мы живём среди русских, значит, живём по их правилам». Всё же элементы национальной культуры сохранялись, во многом благодаря тому, что на всей улице жили немцы, лишь когда спецпереселенцам разрешили уезжать, на ней стали появляться русские. Непременно отмечали 25 декабря Рождество, а накануне – сочельник. Вечером, в сочельник, дети читали на немецком языке молитвы, которые разучивали с бабушками, и получали небольшие пакетики с пряниками и конфетами. На Рождество встречали Крискинди – женщину в белом наряде, с лицом, закрытым тюлем. Её лицо было невидимым, а голос казался незнакомым. Стоя перед ней, ребяташки читали молитву, а она расспрашивала, как ребёнок себя ведёт – слушается или не слушается. Если бабушка говорила, что не слушается, то на этот случай был приготовлен прутик, могло и прутиком попасть. Когда Эрика училась в первом классе, собрали всех ребяташек из соседних домов. В роли Кринскинди выступала мать Анны Зауэр – Эрикиной подруги. И Эрика узнала её! Шептала на ухо подруге: «Аня, это твоя мама. Ты посмотри, посмотри, это твоя мама». Ну, конфет и пряников не досталось, зато прутиком попало, потому что обе девочки рассмеялись и не смогли прочесть никакую молитву. С тех пор Эрика и перестала верить в рождественский чудесный приход Крискинди.

На Новый год ходили и славили: рано утром всегда приходили мужчины, поздравляли друг друга, славили и стреляли в воздух. Затем они устраивали застолье с выпивкой.

Пасху праздновали, как русские, но сохранился немецкий колорит – пасхальный заяц. Про него говорили: он дарит подарки и крадет яйца. Заяц их оставлял, а дети ходили и искали, во дворе или дома, в зависимости от погоды. На самом деле прятала бабушка,

а дети находили конфеты и крашенные яйца. Бабушка говорила, что утром на Пасху обязательно должен быть солнечный зайчик, что он – символ самой Пасхи: «Раз солнечных зайчиков нет, значит, зайчик оставил подарки и убежал, он обиделся, и солнышко его не поприветствовало – это не настоящая Пасха».

Все остальные праздники отмечали вместе с русскими.

На праздники бабушка пекла огромные «ривелькухе» – пироги, посыпанные крошкой, приготовленной из масла, сахара и муки. Только на праздники варили компоты. К немецким блюдам относился «штрудель». В большой чугунок на дно клали картошку, заливали её маслом, клали сверху лук и галушки или «штрудель». Тесто заводили на молоке и соде. Галушки («логреклейс») могли просто отрывать от теста и бросать их в кипящую воду. Галушки из теста, заведённого на воде или на молоке, назывались иначе – жёсткие клёцки («фестеклейс»). Готовые галушки раскладывали по тарелкам и поливали сверху пережаренным на сковороде до коричневого оттенка маслом с луком. Готовили «ривельсуп»: в мясной бульон сыпали крошку из муки. Особенно много блюд с клёцками было у украинских немцев.

Родители исповедовали лютеранство, особенно бабушка Екатерина Лукьяновна. У неё было презрительное отношение к католикам, она их называла «католишесфолк». Католики относились негативно к пионерским и комсомольским организациям, а бабушка прочитала все законы октябрат, сама сшила всем детям звёздочки и сказала: «Это закону Божьему не противоречит. Посмотри, вот как нужно себя вести, как относиться к взрослым, нужно быть честным, помогать. Если ты себя так будешь вести, то ты не нарушишь ничего, и тут ничто не противоречит Богу». Сшила она и пионерские галстуки, утверждая, что это тоже не противоречит заветам Библии. Она и комсомольский устав прочитала и велела всем вступать в комсомол. Про соседей-католиков, которые выражали недовольство и отказывались вступать в комсомол, говорила: «Не обращайтесь внимания, это – «католишесфолк». К православным относилась благоклонно, ведь все праздники отмечали с русскими.

У бабушки, Екатерины Лукьяновны, была своя священная книга, красивая, которую она никому не давала. Когда её хоронили, то и книгу положили вместе с ней. Молилась бабушка каждый день, но никогда не афишировала свою веру. В доме не было красного угла и икон. Перед сном все домочадцы читали молитву, вероятно, «Отче

наш», но этим их вера и ограничивалась. Уже в настоящее время мама, Лидия Германовна, читала тексты, напечатанные готическим шрифтом. Когда хоронили отца, Эрика Давидовна привезла иконки, одну положили с отцом, а крест поставили по-лютерански (по-немецки), т.е. в изголовье. Сама Эрика Давидовна не знает, она крещёная в лютеранскую веру или только погружённая, но думает, что, скорее всего, погружённая, так как крещения, как такового, раньше не было. В православной церкви не крестилась. В ней чувствует себя некомфортно, непонятно почему. Смысла службы пока не понимает. Предпочитает просто зайти в церковь, поставить свечки, постоять у икон. Молитв на немецком языке не знает, на русском – только «Отче наш». Смысл этой молитвы ей понятен и приемлем для неё.

В жизни Эрики Давидовны не раз случалось, когда хотелось забыть, что ты – немка. В детстве её и дразнили, и обижали, и «фашисткой» называли. До сих пор помнит, как страстно хотела попасть в пионерский лагерь, а ребята ответили: «Фашистов в лагерь не берут». В училище также не покидало некомфортное ощущение, вызванное отношением со стороны сверстником, но не учителей. Имя накладывало отпечаток, в школе и среди друзей чаще называли по фамилии.

Итожа по нашей просьбе прожитое, сообщает, что в 15 лет поступила в Колпашевское педучилище на специальность «учитель начальных классов». Училась хорошо, получила аттестат без «троек», по немецкому – «пять». По распределению направили в Староабрамкино, где проработала 9 лет. Почти сразу поступила на заочное отделение в Томский государственный педагогический институт, на факультет иностранных языков. По окончании института 18 лет проработала в детском доме воспитателем, потом её приняли на работу в Тогурскую среднюю школу преподавателем немецкого языка. За добросовестный труд награждена орденом «Трудовой славы» 3-й степени.

Эрика Давидовна постоянно поддерживает связь с тремя братьями и сестрой. Братья, Константин и Давид, живут в Саровке, рядом с мамой, Владимир – в Томске, сестра Лидия – в пос. Зональном, расположенном в черте г. Томска. Родственники по линии отца переехали в Германию. Бабушка же говорила, что их родина не Германия, а Швейцария. Когда племянник отца переехал с Алтая в Германию, то отец сказал: «Нашли себе родину. Какая же это родина?». Эрика Давидовна по паспорту значится немкой, но себя считает больше русской: традиции все – русские, язык – русский. Думаю на русском языке, значит, он мой родной.

В.А. Ситников

ЛЕСОЗАВОД, ВМЕСТИВШИЙ ПОЧТИ ВСЮ ЖИЗНЬ (о Фурмане Эрихе Ивановиче)

Эрих Иванович родился в 1928 г. в Запорожской области, в деревне Новоалександровка. Его отец, Иван Фридрихович Фурман, родился в 1887, работал садоводом в колхозе. Мать, Розалия Яковлевна, в девичестве Хильс, родилась в 1891 г. и тоже работала в колхозе, в яслях. В семье Фурманов, кроме Эриха, росли ещё трое детей – Василий, Николай и Ольга. В Запорожье у Фурманов было небольшое хозяйство, кирпичный дом с кирпичным забором и прекрасным садом, в котором под жарким солнцем цвели яблони и груши. Перед домом стояла лавочка, на которой молодёжь по вечерам пела песни на немецком, украинском и русском языках.

30 августа 1941 г. Эрих, как обычно, работал в колхозе, возил зерно. Заехав домой на обед, он встретил во дворе офицера, который велел ему заканчивать работу и возвращаться домой. Приехав снова домой, Эрих увидел, что мать плачет, а семья куда-то собирается. Объявили, что везут недалеко, поэтому вещей много не брали. Ночью всех заставили спать на улице, солдаты охраняли и следили за светомаскировкой. Мужчин отправили вперёд, и вслед за старшим братом Василием поехала его жена, чтобы передать ему лекарства. Когда женщины и дети поехали на железнодорожную станцию в Шевченко, она их встретила, и, не разворачивая телеги, помчалась в Новоалександровку, где успела взять 2 мешка пшеницы. Старшего брата отправили в Молотовскую область, а младшему приказали гнать скот. Коровы шли медленно, и его догнали наступающие части немецкой армии, развернули назад и отправили в Германию.

Поезд с семьёй Фурманов тронулся 31 августа и месяц ехал на восток, первая остановка была только в Орле. В вагоне варили пшеницу, и один раз дали один мешок с булками хлеба на весь вагон. Выгрузили на станции Ижморка 1 октября, приехали представители колхозов и развезли немцев на телегах по колхозам. В августе 1942 г. посадили на пароход «Пролетарий» и отправили вниз по Оби, по пути делали остановки и высаживали на берег по несколько семей в разных местах. В районе Шпалозавода пароход сел на мель, семьи сгрузили на берег, а пароход сняли

с мели с помощью грузового парохода «Большевик». Фурманов вместе с другими семьями заселили на первую ночь в клуб, утром отправили в «жаровню» на дезинфекцию, затем разместили в бараке. С этого времени Эрих работал на лесозаводе. Здесь он и трудился до 1983 года, получил северные льготы, и ему бесплатно выделили лес на строительство дома. Дом получился большой, белёный, с деревянной крышей.

Во время жизни «под комендатурой» ходили отмечаться 1-го и 15-го числа каждого месяца. Самым страшным наказанием для немцев стал комендант Кукушкин, он издевался над спецпереселенцами и унижал их. Эриха он бил стальной линейкой по лицу, угрожал пистолетом, вызывал к себе домой и, когда Эрих заходил к нему во двор, спускал собаку. Злой пёс не давал выйти на улицу. На коменданта не было никакой управы. Кукушкин часто грозился увезти в «сиделку», так называли место ниже по Оби, откуда никто живым не возвращался. В Колпашево за «коммерческим», т.е. не по карточкам, хлебом приходилось ходить тайно. Когда комендантом стал Герой Советского Союза Г.В. Голेशихин, всё изменилось. Человек, прошедший всю войну, обращался к Эриху Ивановичу по имени и отчеству.

Память сохранила и хорошие моменты из трудной юности. Когда праздновали Рождество, приходил Дед Мороз, одетый в вывернутую шубу, и Крискинди. Они раздавали подарки детям и слушали молитвы и стихотворения. Кто не мог рассказать стишок по-немецки, получал прутиком. На Пасху детям клали под кровать яйца, помещённые в миске с пророщенным овсом. В семье готовили «цукеркухе» – это обычный пирог, а ещё «штрудели».

В 1947 г. Эрих женился на Фриде Ивановне Лукс, она родилась в 1924 г. в селе Яблоково. Устроили маленькую свадьбу и пригласили друзей. В этом браке родилось четверо детей – Ольга, Владимир, Лида и Николай.

Эрих Иванович – убеждённый лютеранин, он каждый день молится по-немецки, читает «Отче наш» и «Кровь Христа». Его родители тоже были лютеранами, но религиозные праздники отмечали как лютеранские, так и православные. Дети Эриха Ивановича крещены в православную веру в Тогурской церкви.

В своей жизни Эрих Иванович прошёл через многое, испытал немало, отработал всю жизнь на заготовке леса. Сегодня он плохо слышит и с трудом ходит, но не потерял интерес к жизни, постоянно шутит и следит за новостями. Имея возможность уехать в Германию, он остался в Сибири.

Т.Е. Вахрушева

СКИТАНИЯ СЕМЬИ ФРИБУС
(о Фрибусе Константине (Христиане) Яковлевиче)

Константин (Христиан) Яковлевич родился в 19 января 1937 г. в селе Красная Поляна Марковского района Саратовской области. Село было большое, несколько десятков дворов. Жители занимались сельским хозяйством, выращивали зерновые, овощи, картофель. Держали много скота. После установления советской власти в селе организовали колхоз. Родители Константина Яковлевича работали в этом колхозе. Мать, Эмилия Христьяновна Фрибус (Готфлиф), была неграмотной и работала в колхозе разнорабочей, а отец – почтальоном. Константин Яковлевич его почти не помнит. Где-то в 1938 г., практически сразу после рождения сына, он, развозя почту на велосипеде, провалился под лёд и сильно ударился ногой. Нога долго болела, потом началась гангрена. Ногу отрезали, но началось общее заражение крови, и отец умер. Единственным воспоминанием о той жизни у Константина Яковлевича осталась родительская изба, стоявшая в переулке, и соседи по фамилии Ганс.

В 1941 г., осенью, собрали всю деревню и на подводах отвезли на станцию, где посадили в товарные вагоны. Их с матерью депортировали вместе с семьёй тёти, у которой было две дочери: Педа и Лида, в Новосибирскую область, в Доволенский район. Семья тёти жила в другом районе и уже позднее, в 1956 г., переехала к родственникам. До 1948 г. жили в пластанке вместе с другой семьёй. Затем отправили в деревню Пике, что находилась в 16 км от прежнего места жительства. Определили все пять семей в телятник. Женщины его убрали, помыли, а мужчины сделали нары, лавки и столы. Каждая семья отгородила себе комнатёнку. Через полгода дали квартиру в двухквартирнике.

Осенью 1948 г. Константин Яковлевич пошёл в школу. Он пять раз начинал ходить в неё. Походит с осени, а зимой сидит дома: нечего надеть. В тот год откуда-то привезли валенки и раздали таким «бедолагам», как он. Учился и работал, нужно было как-то жить: на 1 трудовень давали 1 кг ржи. С 8 лет возил летом копны на большой

лысой кобыле. После окончания 5 классов пошел работать уже основательно. Работал на полях, на ферме и даже одно время выращивал свиней, и ему было присвоено звание «почётный свиляр района».

Скитания семьи Фрибус продолжались. В 1950 году их перевезли в село Троицкое и определили на квартиру к местным жителям. Эмилия Христьяновна снова пошла на работу в колхоз. Наконец, в 1956 г., семья построила свой саманный дом. Кирпичи делали сами, для чего замешивали с помощью лошади красную глину, смешанную с соломой, формовали кирпичи и сушили. Участвовал в освоении целины, за что в 1957 г. был награждён медалью «За освоение целинных земель».

Женился в 1958 г. Жена, Надежда Григорьевна, была русская. Вскоре у них родилась дочь Катя, которая в настоящее время проживает в Кочках Новосибирской области. В семье Катерины четверо сыновей: Николай, Виктор, Александр и Владимир.

Женившись второй раз, Константин Яковлевич в 1978 г. переехал к родственникам жены в посёлок Саровка Колпашевского района и устроился на работу в леспромхоз, рабочим. Свою мать, Эмилию Христьяновну, он привёз с собой. В 1979 г. в семье родилась дочь Елена, которая в настоящее время работает учителем в Саровской средней школе. Недавно у неё родился сын Алексей.

В 1983 г. Христиан поменял своё имя на Константина. За добросовестный труд Константин Яковлевич Фрибус награждён благодарностями, почётными грамотами, знаком «Ударник коммунистического труда». В настоящее время, после выхода на пенсию, проживает в селе Тогур Колпашевского района.

САРОВКА

Т.Е. Вахрушева

ИСТОРИЯ СЕМЬИ МАКШТАДТ

Семья Макштадт проживает в Колпашевском районе более 70 лет. Кондратий Александрович Макштадт вместе с семьёй, женой Марией Григорьевной и тремя детьми, был выселен в 1941 г. из с. Ремлер Унтервальденского кантона АССР немцев Поволжья, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г., и направлен на спецпоселение в Нарымский край. Историю жизни семьи Макштадтов мне рассказали внуки Кондратия Александровича. У него их пятеро: Виктор, Николай, Александр, Тимофей и Владимир. Все они сыновья Томаса Кондратьевича Макштадта. Когда Томаса везли из Поволжья на барже, ему было 7 лет. Вот что рассказывал Томас сыновьям: «Из той своей прошлой жизни я мало что помню. Помню страх отца и матери перед будущим, когда нас всех собрали в деревне и отправили на подводах на железнодорожную станцию. Деревня наша осталась без единого жителя. Все запасы зерна и овощей тоже остались. Родители взяли с собой самое необходимое: узлы с постелью и одеждой, продукты, сколько мы смогли унести. На железнодорожных станциях меня отправляли за кипятком, так как взрослых из вагонов не выпускали... Денег на обувь детям у нас не было, и я ходил босиком. Осень, холодно уже, а вся наша обувь дома осталась. Продукты все закончились, пока ехали на поезде, и я на барже танцевал цыганочку, чтобы дали покушать».

На новом месте семья Макштадтов вырыла землянку, в ней и пезимовала, а уже весной построили небольшую избёнку с большой глинобитной печью. Печь тогда была необходима в первую очередь для выпечки хлеба и приготовления пищи. На этой же печи и спали все дети. Кондратия определили работать конюхом; раньше к коням относились очень хорошо: их не били, хорошо кормили. Если кто ударит или не покормит, наказывали. Это касалось не только мужчин и мальчиков, но и женщин, девочек. А если лошадь не доглядят и она поранится или падёт, то это считалось вредительством. Все лошади ещё несколько лет после войны стояли на учёте в военкома-

те. Дед Кондратий рассказывал, что коней ценили больше, чем жизнь человека, не то, что сейчас.

Сын Томас был младшим в семье, и через год после переселения его отправили учиться в поселковую школу. Окончив в конце войны три класса начальной школы, Томас пошёл работать в леспромхоз. Там он сначала точил и правил пилы, а затем его отправили на вывоз леса, где он и познакомился со своей будущей женой Полиной Севостьяновой. Жил на Плотбище. Чтобы заработать денег, Томас ловил петлями рябчиков, ставил фитили, рыбачил на удочку. Покупать ружья поселенцам не разрешали.

Работали жители Плотбища на лесоучастках Алёшкин остров и Цыганок. Уезжали в воскресенье вечером и возвращались в пятницу вечером. На лесоучастке жили в бараках. Лес валили двуручной пилой, ветви сразу сжигали. Оба старших брата уехали работать в Чалковский леспромхоз. В 1951 г. Томас Кондратьевич женился. У Полины Севостьяновны был семилетний сынишка, и он его усыновил. Томас с женой работали по графику: выезжали в понедельник, а приезжали в субботу. Их бригада возила из леса на озеро или на речку 5–6-метровые хлысты. Зимой дороги, по которым возили лес, поливались водой, чтобы сани лучше скользили. Так же возили на реку Орловка заготовки из берёзы для ружейных болванок. Когда Томасу исполнилось 29 лет, его отправили учиться на трёхмесячные курсы. После их окончания он стал работать мастером на верхнем складе. Оттуда и ушёл на заслуженный отдых.

Николай Макштадт вспоминает: «Жили мы все очень дружно. Мама была своенравная и держала нас всех в ежовых рукавицах. Работать начали в 6–7 лет. Тогда не было такого понятия – дети. Все мы были полноценными помощниками. Я впервые на стог встал в 8 лет. Вершить было некому, вот меня и поставили. С 6 лет я ходил с матерью на покос. Она косит траву, а мне натопчет дорожки вокруг кустов смородины (я был маленький, а трава выше меня), и я лажу по кустам, собираю ягоду. В день по 2 ведра набирал. И ещё успевал чебаков наловить. Идём домой усталые, несём ягоду, рыбу, по пути ещё и грибов прихватим. Бабушка дома ягоду высушит в русской печи и сдаст в магазин – везде смородину принимали. В школу ходил в дер. Мысовую, там колхоз был, и народ жил лучше. А ещё там было электричество, а на Плотбище дома освещались керосиновыми лампами. Керосин покупали в магазине, что находилось в деревне Усть-Кальджа, так как у нас и магазина-то не было.

В Мысовой я жил неделю у бабушки, а на выходные уходил домой. Учился хорошо, только в средней школе учительница никак не могла приучить меня к немецкому языку, который изучали. Я хорошо говорил на диалекте и иногда даже был переводчиком. Бывало, стоят немка и русская посередь деревни и говорят каждая на своём языке. Не понимают друг друга и меня зовут: «Колька, переведи!» Наша бабушка до самой смерти говорила на немецком языке. Русский ей никак не давался. После школы бежишь домой, переодеваешься – и в поле. Убирали до самого снега картошку и турнепс. Лён дергать нас не заставляли, этим старшие классы занимались.

Пока жили на Плотбище, каждый месяц приезжал комендант, мы ведь были под комендатурой, заходил в каждый дом и всех нас пересчитывал прямо по головам. После снятия с учёта получили возможность передвижения и в 1960 г. переехали в дер. Саровку, где на берегу реки построили небольшой дом. Здесь и родились ещё двое сыновей». Держали корову, свиней, овец, кур. С 11 лет все дети работали наравне со взрослыми: косили траву, пилили и кололи дрова и т.д.

Праздники отмечали по католическому календарю. На праздники всегда пекли белый хлеб, а опару ставили на хмелю. Нас, детей, летом постоянно отправляли на протоки собирать хмель. Пекли хлеб в русской печи на листе капусты, формочек для хлеба не было. Варили брагу в лагушках. На Рождество ходили колядовать. «Встаём часов в 5 утра и идём по домам, будим хозяев, поём песни на немецком языке. «Костюмы» были не у всех, некоторые просто мазали лицо сажей. Кто был богатый, давал три, а то и четыре копейки. Ох, и радости было!»

Полина Севостьяновна Макштадт награждена медалью «Материнства 2-й степени». Все братья Макштадт и ныне проживают в дер. Саровка Колпашевского района. Все они до выхода на пенсию работали в родном леспромхозе. У них 12 детей и 25 внуков, и только один из них, Александр, захотел переехать на историческую родину – в Германию.

О.М. Рындина

РОДОВОЕ ПОМЕСТЬЕ*
(о Зауэре Антоне Антоновиче)

Антон Антонович Зауэр родился в 1957 г. в Саровке. Путь его родителей в Нарымский край пролегал через депортацию. Мать, Валентина Михайловна Зауэр, родилась 21 мая 1925 г. в Донбасской области. Её семья была многочисленной, 5 сыновей и 4 дочери, и принадлежала к зажиточным. Отец Михаил имел свою мельницу, богатый дом со множеством старинных икон. Показателем достатка служили и золотые украшения, хранившиеся в доме. Отец слыл человеком образованным и регулярно читал газеты на русском и немецком языках. В хозяйстве работали два батрака, которые с хозяевами питались за одним столом, а одному из рабочих даже помогли сыграть свадьбу. Отец одним из первых вступил в колхоз, не послушавшись жены. Он сказал: «Если сами всё не отдадим – всё равно возьмут». Политическая прозорливость не помогла: в 1937 г. отца и трёх его сыновей, сильных, крепких, как богатыри, арестовали, предъявили обвинение по статье 58 пункту 4, как «врагам народа», и расстреляли. После ареста мать пыталась выяснить его причину, но вместо ответа ей пригрозили: «У тебя есть ещё дочери? Вот и иди к ним, а то и их, и тебя заберут!».

В 1941 г. мать и трёх её дочерей, Иволину, Елизавету и Валентину (Флорентину), выслали из Украины в Сибирь. У Иволины был "русский" муж – Перепелица, и она могла не ехать, но предпочла не разлучаться с родными. Елизавета обладала особыми способностями к учёбе: за 4 года окончила на Украине 7 классов. В институт её не взяли по причине малолетства, а потом о продолжении учёбы не могло быть и речи. На сборы дали сутки, велели взять с собой сухой паёк на 3 дня и вещей не более 20 кг на человека. Среди самых необходимых вещей оказалась старая Библия в кожаном переплёте и иконы: семья Валентины принадлежала к католической вере и отличалась набожностью. Взяли с собой и сундук, окованный железом.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

На железнодорожной станции погрузили в «телячьи» вагоны и повезли. Один раз эшелон попал под бомбёжку, погибло много народу. Привезли в Новосибирскую область и расселили по квартирам. Мать с дочерьми умудрилась посадить картошку, и осенью ждали урожая, а вместе с ним и улучшения жизненных условий. Вместо этого осенью 1942 года получили весть о новом переселении, на сей раз в Нарымский край.

Семью Валентины направили в Сургушино, которое относилось к колхозу имени «8 Марта» и в котором находилась рыболовецкая артель. В неё и отправили работать мать Валентины. Поселили семью в заброшенной стайке, которую немецкие женщины подремонтировали, превратив в полуземлянку. Матери Валентины за адски тяжёлый труд на стрежневом неводе платили хорошо, выдавая и деньги, и рыбу, и продукты, и даже отрезки материи, поэтому голода семья не испытывала. Мать нередко делилась продуктами с голодающими женщинами и детьми, которые приходили на берег. Она прятала продукты в фартук и шла на берег. За заботу о ближних её и арестовали: сотрудник НКВД сутки держал под дулом пистолета, добиваясь свидетельства против немецкого паренька, который как-то сказал, что «работаем много, а получаем мало». Требуемого свидетельства он так и не получил.

Колхоз зимой посылал рабочих на лесозаготовки. Туда отправили и Валентину. После колхоза лесозаготовка казалась раем: трудились по 8 часов, имели выходной. Этого в колхозе и не снилось. На лесозаготовках оказался и Антон Александрович Зауэр. Он родился 12 декабря 1929 г. в селе Ремлер Саратовской области. В 12 лет его с отцом, который вернулся с Первой мировой войны больным туберкулёзом, матерью и двумя сёстрами, Марией и Викторией, привезли в Кальджу. Ещё две сестры умерли в дороге. 1942-й год был самым тяжёлым: привезли осенью, на огород рассчитывать не приходилось, так как в семье не было трудоспособного мужчины. Антон плёл с отцом корзинки, которые выменивали на продукты или продавали, а вскоре был отправлен на лесоповал, став главным кормильцем в семье. Сестра Мария к тому времени вышла замуж.

Валентина и Антон познакомились на лесозаготовке, а с 1949 г. стали жить вместе. Девушка переехала на Плотбище, где в маленьком домике жил Антон. Первоначально это был пункт ночёвки сплавщиков леса, а затем на его месте возникло поселение, в котором осели многие немцы. Валентина была крупной сильной женщи-

ной, боролась с мужиками, её никто не мог побороть. Как передовику производства колхоз выделил ей тёлочку, что и стала основой совместного хозяйства. В 1956 г. Антон Александрович построил дом для своей семьи, которая приросла тремя сыновьями и одной дочерью.

Когда ребятишки подросли, родители решили переехать в Саровку, которая располагалась неподалёку и в которой находилась 7-летняя школа. В 1957 г. дом продали леспромхозу и на вырученные деньги купили сруб в Саровке, к которому отец прирубил большую комнату, превратив его в 2-комнатное жилище. Валентина Михайловна работала в школе-интернате прачкой, техничкой, а Антон Александрович – в саровском леспромхозе сначала кочегаром, машинистом, а затем освоил дизель-генератор. На подворье, в стайках, размещались 2–3 коровы, поросята, овцы, куры. К огороду размером в 20 соток «прибирали» соседние пустующие земли. Вспахивали с помощью лошадей, которых выделял леспромхоз, а обрабатывали в ручную. Большое хозяйство и огромный огород стали настолько привычны для семьи Зауров, что дети заставили родителей отказаться от работы на них лишь в возрасте 70 лет. Антон Александрович был прекрасным столяром. После работы он изготавливал на дому мебель – буфеты, шифоньеры, этажерки, сундуки. Для этого он смастерил токарный станок на электромоторе. Сыновья помогали отцу: шкурили, зачищали наждаком детали-заготовки. Мебель делали родственникам и на заказ.

В воскресенье, согласно религиозным нормам, всякая работа в семье запрещалась, лишь ухаживали за скотиной. Накануне, по субботам, Валентина Михайловна обязательно стряпала «ривель-кухе», пирожки с брусникой, маком. По пятницам и в постные дни запрещалась мясная пища. У Валентины Михайловны имелись молитвенные книги. Утром, вечером и перед едой она обязательно молилась по-немецки и учила этому детей. Её сын, Антон Антонович, и сейчас молится перед едой, но по-русски, празднует католические праздники. На Рождество и после Пасхи из томского костёла в Саровку приезжают священники – сначала отец Андрей, а сейчас – отец Алексей. Он проводит в доме Антона Антоновича мессу – коллективную молитву, причащает. К сожалению, Антон Александрович умер 19 апреля 2015 г., так и не дождавшись таинства соборования, поскольку священник и две сестры-монахини задержались в пути из-за бездорожья. Священник при-

езжает в Саровку ради одной семьи католиков, так как, кроме семьи Зауэров, мессу никто не посещает.

Немцы в Сибири праздновали два Рождества и две Пасхи, свою и православную. Перед католическим Рождеством обязательно ставили ёлку, пекли «ривелькухе». После захода солнца 24 декабря в дом приходила сестра отца, тётя Маруся. Укрывшись цветным платком, она отчитывала ребятишек «за грехи», вспоминая всё содеянное ими, трепала за уши, а затем дарила подарки. Тётю Марусю называли «Модерс». В рождественскую ночь колядовали: рано утром ребятишки, молодёжь стреляли возле дома из ружья, заходили к хозяевам, декламировали благопожелания на немецком языке, в ответ получали выпечку, конфеты. Рядились в вывернутые меховые куртки. Хозяева ждали ряженных, и если они не заходили, то это считалось плохим знаком – год будет тяжёлым.

В семье Валентины Михайловны и Антона Александровича будничная пища во многом состояла из немецких блюд. По пятницам готовили «квикельте»: на простокваше замешивали тесто, раскатывали его, смазывали сливочным маслом, посыпали мелко нарезанным луком и перцем, сворачивали в рулет и разрезали на ломтики. Тушили картошку, разрезанную на 4 части, на сливочном масле, и когда от неё начинал исходить приятный запах, сверху клали ломтики рулета, плотно прикрыв крышкой. Кусочки рулета разбухали и становились ароматными. Варили вареники с черникой и творогом, придавая им квадратную форму. Валентина Михайловна вообще очень вкусно готовила. Она и торты пекла – одно объедение. Из муки, сметаны, сахара и гашёной соды делала тесто на коржи и пропитывала их после выпечки сметаной, смешанной с сахаром, или сгущённым молоком.

Наряду со щами и борщами варили «прокосуп»: в кипящее молоко высыпали предварительно обжаренные на сливочном масле кубики-кусочки из нарезанных корочек хлеба. Перед употреблением добавляли ложку сметаны. Для приготовления «белого супа» наливали полкастрюли воды, крошили картошку и крошку, замешанную из муки и яйца. После закипания добавляли молоко, после повторного закипания вливали 3 взбитых яйца, постоянно помешивая, но не доводя до кипения. Разливали по тарелкам. Поскольку держали по несколько коров, в семье постоянно стояло ведро со сливочным маслом, не переводилась сметана. Ими любили заправлять пищу. К чаю постоянно пекли лепёшки, блины, оладьи. Отец, Антон Александрович

вич, более 20 лет держал пасеку, пока её не разорил медведь, так что и мёд имелся. Существенно разнообразили семейное меню и блюда из рыбы, которую ловили удочками, сетями-однорядками, бреднями. Самым любимым рыбным блюдом стал пирог с нельмой.

До 1966 г. в семье Зауэров жила бабушка по отцовской линии, которая ни слова не понимала по-русски, поэтому языком внутрисемейного общения служил немецкий. Благодаря этому Антон Антонович и сейчас понимает немецкую речь. После смерти бабушки в семье перешли на русский язык. Родители Антона Антоновича говорили на разных диалектах: мать – на языке украинских немцев, а отец – поволжских, и хорошо ощущалась разница диалектов. Сестра Антона Антоновича – Анна, переехавшая на жительство в Германию, долгое время привыкала к литературному немецкому. Знание родного языка в детстве усугубляло и без того натянутые отношения с русскоговорящими сверстниками. В окрестных сёлах наряду с депортированными немцами проживало много русскоязычного населения, сосланного из Алтая в ходе кампании по раскулачиванию. Первых ребятишки окрестили «фашистами», вторых – «кулаками», и между ними постоянно вспыхивали яростные потасовки, несмотря на то, что играли вместе.

Антон Антонович Зауэр закрепился в Саровке: окончил школу, будучи секретарём её комсомольской организации, вернулся сюда в 1978 г. после службы в армии, женился на Людмиле Александровне Пятковой, с которой был знаком ещё со школы. Её отец – русский, а мать – Шеленберг Евгения Николаевна. Она – лютеранка, родилась на Украине, в соседней деревне с той, откуда родом и мать Антона Антоновича. Отца Евгении Николаевны забрали по доносу в 1937 г., а её с матерью и сестрой Верой выслали сначала в Новосибирскую область, а затем – в село Орловка, что недалеко от Колпашева, где и родилась дочь Людмила. Мать категорически запрещала дочери выходить замуж не за немца.

Людмила Александровна считает себя русской: у немцев в крови аккуратность, а ей надо всё делать быстро. По мнению Антона Антоновича, как немца, его народ отличает большая расчётливость, экономность, даже скупость, чем у русских. Хотя, по мнению супругов, в любом народе – не без уродов. Сын Александр относит себя к русским, а дочь Ксения – к немцам. Более того, она и её муж-украинец – католики. У Людмилы Александровны и Антона Антоновича два внука – Игорь и Антон. Одно время Антон Антонович

собирался уезжать в Германию, уже были готовы документы: «Надоела бордель: по полгода не выплачивали зарплату, как хочешь, так и живи!». Его мать, Валентина Михайловна, рассудила иначе, несмотря на то, что в Германию уехала её сестра Елизавета в возрасте 80 лет, и годы жизни там она считает лучшими в жизни. Валентина Михайловна рассуждала так: «Стара я, чтобы уезжать, тут помирать буду». Её даже не прельстила возможность получить в Германии компенсацию за депортацию, хотя в России и на Украине выплачивать её отказывались. Не желая уезжать из Сибири, она до конца своих дней сокрушалась по Украине, постоянно рассказывала о богатой жизни там. Чтобы подчеркнуть оторванность и культурную отсталость здешних мест, говорила: «Здесь вилы – деревянные». Вместе с тем возвращаться на Украину она тоже не собиралась.

В настоящее время супруги Зауэры живут в доме, построенном Антоном Антоновичем вместе с отцом. Мастеровитость передалась от отца к сыну. Его усадьбу отличает синтез немецких и сибирских черт. Планировка дома задана печью, которая определяет расположение четырёх комнат: прихожей, кухни, спальни и зала. В один ряд расположен дом, веранда с чуланом, крытое крыльцо, навес и летняя кухня, и таким образом тесно связанные с домом постройки надёжно защищена от непогоды в любое время года. В глубине подворья, параллельно дому и летней кухне, расположены стайки и баня. Ближе к улице вынесен гараж. Будучи не только умелым плотником, но и хорошим механиком, хозяином, Антон Антонович собрал своими руками чудо-трактор, ставший хорошим помощником по хозяйству. Рядом с подворьем Антона Антоновича стоит отцовский дом, в котором он родился. Прибрежная живописная улица Саровки стала родовым поместьем для двух поколений Зауэров.

О.М. Рындина

НАКАЗ МАТЕРИ*
(о Шевченко (Маркс) Эмили Артуровне)

Эмилия Артуровна Шевченко (Маркс) родилась и живёт на томской земле, в Колпашевском районе. Время и место рождения – 1957 г., посёлок Орловка, место проживания – посёлок Саровка. Её родители родом с Украины: отец, Артур Эмильевич Маркс, родился в 1930 г., в г. Житомире, а мать, Элла Николаевна, в девичестве Шеленберг, – в 1923 г. в с. Гуляйполе Донецкой области.

История отца не совсем обычная для нарымских мест, так как связана не с депортацией, а репатриацией советских немцев. Когда Артуру исполнилось лет десять, семью родителей захватившие территорию Украины немцы отправили в Германию, где она и жила до 1947 г. Затем всех советских немцев, независимо от их желания, вернули в Советский Союз, обещая поселить на родине. Сестра Артура, Эльза, вышла замуж за немца и осталась жить в Германии, а его с матерью и тремя сёстрами (Елизаветой, Маргаритой и Зинаидой) отправили не в Житомир, а в Вологду. Поскольку старший сын Иосиф находился в это время «под комендатурой» в Тискино, мать попросила всех перевести туда же, в Нарымский край. Так Марксы оказались в Тискино. О тяжёлом переселении воспоминаний не сохранилось. Возможно, первое время по прибытии жили в землянке. Работали на рыбозаводе, зимой отправляли на лесоповал.

Мама Эмили Артуровны, Элла Николаевна, была депортирована в Нарымский край в 1942 г. вместе со своей матерью и младшей сестрой Евгенией. В Сибирь с ними отправилась и бабушка, мамина свекровь, но её на одной из станций сняли с поезда по причине болезни. Больше о ней никто ничего не знал. По прибытии в Нарымский край направляли на лов рыбы в разные места – в Тискино, Короткино, Абрамкино. Расселяли по квартирам. Трудились на рыбозаводе. Элле тогда шёл 19-й год, она была крепкой девушкой, и её отправили таскать мешки по 70 кг с солью из трюмов на завод. Ры-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

бачили до глубокой осени: уже образовывались «закрайки», т.е. забереги – лёд, намерзающий осенью вдоль берегов, – а лов рыбы всё продолжался. Особенно тяжело пришлось, когда мать заболела брюшным тифом. Сестре Евгении исполнилось 8 лет, а паёк давали только работающим. Кормилицей осталась одна Элла. Её паёк и делили на троих. Смерть от голода стала реальностью: начали опухать. Спасла женщина, тётя Катя, сосланная из той же деревни, что и Шеленберги. Она уговорила мать сделать подкоп под колхозный амбар и взять немного зерна. Мать долго не соглашалась, понимая всю неотвратимость сурового наказания, если вскроется задуманное. Однако довод: «Всё одно – конец» возымел действие и положил конец сомнениям. К счастью, тайное не стало явным. Чтобы прокормить дочерей, мать нанималась к местным жителям ночами копать картошку, за это с ней расплачивались: полведра картошки за ночь работы на огороде. В общем, удалось выжить. Тяжёлый труд подорвал здоровье Эллы Николаевны, в 40 лет она «обезножила» и в возрасте 62 лет умерла. Мать пережила её на один год.

В Тискино познакомились Элла Шеленберг и Артур Маркс и стали жить вместе. В 1949 г. родился сын Александр, который умер в трёхлетнем возрасте. Позднее в семье родились две дочери, в том числе и Эмилия, и четыре сына. Регистрировать брак в комендатуре не разрешили, и детей записывали на фамилию отца. В семье родителей Эмили говорили на немецком языке, но детей ему не обучали: довлекла позиция матери. Она наказывала: «Девочки, выходите замуж за русских парней и навсегда забудьте, что вы – немцы». В семье праздновали лишь дни рождения детей, немецкие праздники не отмечали.

Словно повинувшись воле матери, Эмилия Артуровна в 1978 г. вышла замуж за Михаила Гавриловича Шевченко. Его отца, Гавриила Степановича, выслали с Алтая в 1933 г. в Чаинский район как кулака. На Алтае у него была семья, двое детей, но жена росла в бедной семье, поэтому её и детей не выслали. С 1943 года, когда стали брать на фронт и кулаков, Гавриил Степанович воевал на фронте. Попал в плен и был занесён в списки погибших. Домой пришла похоронка, и его отпели. На памятной стеле в селе Подгорное Чаинского района он и сегодня значится как погибший. После освобождения из плена Гавриил Степанович вернулся на Алтай. Очевидно, по причине того, что он значился среди погибших, его не определили на 10-летние принудительные работы, как всех пленных. На Алтае оставаться не

захотел и вернулся в Нарымский край. Здесь женился на Клавдии Васильевне, тоже сосланной в ходе кампании по раскулачиванию.

Эмилия Артуровна окончила Колпашевское педучилище, работала в школе учителем математики, а затем – на комплексном приённом пункте, продавцом, в настоящее время – на пенсии. Михаил Гаврилович служил в Германии, и ему там понравилось. Когда лет пятнадцать назад туда задумал переезжать отец Эмилии Артуровны, он тоже засобирался. Решение о переезде раскололо семью Марксов. Отец со второй русской женой, старший брат Иосиф и сёстры Эмилии Артуровны переехали. Она с остальными братьями остались, предупредив отца, что переезжать не собираются. Братья ездили к отцу в гости и согласились с мнением осевшего там Иосифа, что в Германии «хорошо старикам и детям, кошкам и собакам, а российских немцев там не жалуют». В Саровке улицу, на которой живёт Эмилия Артуровна, раньше называли «немецкой», потому что основное население составляли сосланные из Поволжья немцы, говорившие на особом диалекте. После снятия в 1956 г. с учёта в комендатуре значительная их часть разъехалась.

Эмилия Артуровна и две её дочери, Наталья и Елена, приняли православную веру, хотя родители были лютеранами. Они свою веру особенно не афишировали. Эмилия Артуровна помнит лишь, как читала Библию её бабушка. Сегодня в доме Шевченко одна комната отведена под «домовую церковь». В ней висят иконы, каждое воскресенье проводится коллективная молитва, на которую приходят православные со всего села, около 20 человек. Дважды в год службу в доме Эмилии Артуровны проводит епископ Колпашевский и Стржевской Силуан. Когда приезжает владыка, в доме Эмилии Артуровны собирается до 40 человек. Один раз в месяц прихожан окормляет батюшка – отец Алексей из Тогурской церкви. Благодаря активности православных верующих глава сельского поселения поставил вопрос о строительстве в Саровке церкви. Дочери Наталья и Елена – не просто глубоко верующие прихожане, они – матушки, связавшие свою судьбу с православными священниками. У Эмилии Артуровны семеро внуков: Николай, Сергей, Иван, Настя, Анна, Мария и Христина.

Сегодня в Саровке лютеран практически не осталось. Молодые немцы становятся либо католиками, либо православными. Между этими тремя вероисповеданиями Эмилия Артуровна не видит принципиального расхождения: католики «отпали» от православных, а лютеране – от католиков. Истинной же верой она считает право-

славную. По её словам, активизируются в Саровке и другие «протестантские церкви», например община «Краеугольный камень». В неё входит главным образом молодёжь. Община прикрывается реабилитационным центром, хотя действительно большое внимание уделяет физическому воспитанию, организует игры на волейбольной площадке. Последователи общины молятся на восходе солнца, прыгая и громко крича и таким образом «прорываясь в Космос».

Наказ матери Эмилия Артуровна выполнила лишь частично: она не забыла своих немецких кровей, помнят о них и её дочери, хотя считают себя всё же больше русскими, чем немцами. Не ощущала она к себе и неприязни со стороны односельчан, даже в детских воспоминаниях этого не отразилось. Вместе с тем понимает, что родителям в годы войны «досталось» за то, что они – немцы. Вспоминает и о некоторых обидных «инцидентах». Её брат Владимир, будучи курсантом, погиб на Дальнем Востоке, на острове Русский. Ему в Саровке поставили памятник, что вызвало неудовольствие одного из жителей. Правда, комментируя произошедшее, мудро делает поправку на то, что люди – разные.

В.В. Шмидт

ЖИЗНЬ, ВРАЩАЮЩАЯСЯ ВОКРУГ ЛЕСОЗАГОТОВКИ

(о Быковской (Магер) Елене Петровне)

Елену Петровну Магер девчонки звали не Леной, а «Магерёнок», кричали: «Магерёнок, пошли гулять!». Родилась она в 1940 г. в селе Ремлер (ныне Михайловка) Маркштадтского района Саратовской области. Мама – Мария Ивановна Реккер, 1917 г. рождения, отец – Петр Иванович Магер, о нём Елена Петровна ничего не знает. Бабушка по линии мамы – Анна Зауэр. В Кафтанчикове живёт тётя – Виктория Александровна Зауэр.

Ещё до депортации родители Елены Петровны вместе с ней оказались под Красноярском. Почему и как это произошло, она не знает. Помнит лишь, что мама работала там в колхозе. Поселок был русскоязычный, мама говорила по-русски и Лена тоже, с этим у них проблем не было. С отцом у матери что-то не заладилось, его Елена и не видела. Вроде бы, позднее у него появилось четверо детей, но отец рано умер, в возрасте 52 лет. Лишь на год пережила его мать, так они друг за дружкой и ушли, он – под Красноярском, а она – в Нарымском крае. Со сводными братьями и сестрами Елена Петровна не знакома.

В 1941 г. выслали из Республики немцев Поволжья дедушку, бабушку Елены Петровны, дядю Антона и тётю Викторию. Они оказались в Нарымском крае. Дядя Антон рассказывал, что депортированных возили с места на место: причалят, высадят, люди только начнут обживать, обработают землю под огороды и картошку, а их перебрасывают на новое место. Когда осенью 1942 г. привезли в окрестности Колпашева, тут не стали корчевать лес под огороды, думали, что опять дальше повезут. Однако оставили на месте. Тогда начали корчевать лес, расчищать землю от пней, засаживать сначала небольшие «пяточки», а потом площади всё больше и больше. Жили депортированные по-разному: кто – в землянках, а кто – в бараках. Потом начали строить срубные избышки. Дяде Антону было 14 лет, когда его сюда привезли, он, как взрослый, был сразу отправлен

в лес, на работу. Поселили в какую-то избушку на Плотбище. В эту избушку и приехала Елена Петровна с мамой. В 1947 г. родные вызвали к себе мать с 7-летней дочерью: «Приезжай, что ты там одна с ребенком будешь?». Их переезд отслеживала комендатура. Мать покаялась, что переехала в Нарымский край: там, под Красноярском, хоть хлеба вдоволь было. Здесь в это время и понятия не имели о белом хлебе. Хлеб «колючий» был, потому что мука – колючая. Лишь язвенникам давали муку, из которой пекли белый хлеб. Это уже потом перешли на белый хлеб.

На Плотбище мама вышла замуж за Александра Кондратьевича Макштадта. Некоторое время Елена жила с бабушкой и дядей. Когда мать с отчимом купили избушку, перебралась к ним. Отчим был единственным немцем в бригаде, валившей лес.

Лена пошла на Плотбище в первый класс. На следующий год школу закрыли, и тогда Лена каждый день ходила с Сашей Бауэром в Трехустье-Кальджу: 5 км утром туда и столько же вечером обратно. А когда ударил мороз, им подыскали квартиру. Так Елена прочилась до 4-го класса. В 5-й класс поехала в школу Тискино, туда надо было добираться через реку, которую переплывали на облаках. Там опять квартиру снимали. Жили у бабы Веры Кривошеиной. У неё квартиру снимали 7 человек, а её внучка была восьмая. Дом состоял из двух небольших комнат с железной печкой посередине. Вечером все укладывались спать на полу. За квартиру каждый платил по 10 рублей ежемесячно. Готовили квартиранты сами. Продукты брали из дома – мешок картошки. Деньги Елене давали родители, из них 7 руб. предназначались на хлеб. Булка хлеба стоила 5 руб. и 200 граммов сахара – 3 руб. Из выданной суммы Елене удавалось кое-что экономить, покупая 100 гр. сахара. Когда у неё появлялся свободный рубль, она обязательно покупала ленточку, которую заплетала в косы. Косы у неё были длинные. После 5-го класса Елена решила дальше не учиться, а помогать матери, которая к тому времени начала болеть. Дочь сказала ей: «Ты сиди дома, а я пойду на работу».

С Плотбища семья перебрались в Саровку, где Елена Петровна живёт и по сей день.

Часть её трудовой жизни прошла на лесозаготовках. На Плотбище и в Саровке занимались только лесом. Лес валили, вывозили на лошадях к речке. Когда она разливалась, брёвна сталкивали в неё, потом сплавляли. Делали «плотки», гоняли их на Старицу, где ста-

вили ограждения, чтобы «плотки» в реку Обь не ушли. Потом за ними приходили баржи. Вот тут вся работа и была: то баржи, то погрузка. До 17 лет Елена Петровна работала с «плотками»: крутила прутья, чтобы их вязать. В «плотки» увязывали лес в три ряда. Для этого использовали длинные берёзовые прутья. Их срубали, затем скручивали вокруг столба, который вкапывали в землю и затёсывали. В столб вбивали клин, и крутили вокруг столба прутья. Работала Елена Петровна и на валке леса в одной бригаде с русскими девочками. Срубали сучки, очищали ствол, потом вилами откидывали сучки, делали из них кучу и поджигали. Всё подчищали граблями, чтоб ничего в лесу не оставалось. А сейчас Елена Петровна удивляется, что делают с лесом на лесозаготовках: в её времена за такое лишили бы зарплаты. Мастер приходил каждый вечер и принимал участок. Придёт, пробежит, посмотрит и подпишет, если всё в порядке. Жили в бараках, где стояли топчаны, потом их поменяли на двухъярусные койки. Отопление – печное. Барак был большой, по обе стороны от коридора располагались комнаты для ребят, девчат и семейных, которые тоже были.

Как только на баржи были погружены все «плотки», молодёжь отправляли на покос. Раньше всё возили на лошадях: машин ведь не было. Вот и приходилось много сена заготавливать, так что до осени молодёжь работала и жила на острове, где косили заливные луга. Когда стояла хорошая погода, то о выходных днях даже и не думали. Жили в балаганах. Как только приезжали, ребята рубили молодые деревца и втыкали их в землю. Девушки в это время косили, подсушивали траву и укладывали её внутрь балагана, мастера постели. «Одеялки» брали из дома.

Мама Елены Петровны регулярно отмечалась у коменданта. На Плотбище и в Тискино комендатуры не было, поэтому сюда приезжал комендант. Приедет и всех «отметит под карандаш». Однажды мама с ним поспорила. Она осенью набрала клюквы и ездила из Плотбища в Тискино, чтобы выменять её на продукты или продать. А Тискино – это была уже чужая территория, на которую без разрешения коменданта ходить запрещалось. Когда приехал комендант, ему доложили о самовольстве: «Вот, Мария ходила в Тискино». Он её вызвал и спрашивает: «Мария Ивановна, куда ходили?». А она отчаянно отвечает: «В Тискино ходила, туда увезла клюквы, оттуда мешок муки привезла на санках». Он ей говорит: «Вы уж постарай-

тешь, чтоб Вас не видели», – а она в ответ: «А что я сделала? Я привезла мешок муки, чтобы семью кормить. Вот и всё!».

Со своим мужем, Николаем Петровичем Быковским, поляком, Елена Петровна познакомилась на лесозаготовке. Он с другом вывозил лес на лошадях: накатывал брёвна на «подсанки», вывозил в одно определённое место и скатывал. Проводя параллели с настоящим временем, Елена Петровна рассуждает, смеясь: «Вот, внук своей невесте подарки делает: серёжки, колечки купил. А мне Коля даже билет в кино ни разу не купил! Господи! Какой там! Мы на танцах встретились. Клуб же здесь был. Пошёл, проводил – и все». Порядки в семье были строгие: в 10 часов вечера нужно было быть дома, и никаких отговорок! Тогда все были строгие. Замуж вышла в 18 лет, в 1958 г.

Когда сняли с учёта в комендатуре, немцы стали активно уезжать. У одного из уезжавших Быковские купили дом и поселились в нём. После замужества Елену Петровну на работу в лес уже не посылали. Там молодежь трудилась. Она работала на станках. В Тискине был большой леспромхоз и в нём – лесозавод. Из остатков древесины пилили доски, клёпки, тарную дощечку. В 19 лет у Елены Петровны родилась дочь Люба. С ней водилась свекровь, а мать бегала с завода кормить дочь. Всего в семье Быковских родилось 5 детей: Люба, Оля, Надя, Лена и Наталья.

Бабушка и мама Елены Петровны были католичками. У мамы имелось много книг на немецком языке, в том числе и Библия. Она на немецком и молилась. В семье всегда читали «Кляудер Фатер» (Vater Unser), потом «Herr Gotte kommen hat mich verlohnt vom Himmel gekommen. Man hat es kleu komm Himmel neu jetzt Maria allein». Это выучила и Елена Петровна и до сих пор повторяет перед сном. Мама никуда не ходила, молилась дома. Бабушка Елены Петровны обязательно читала молитву перед едой, а все члены семьи стояли вокруг стола. Лишь по окончании молитвы все садились, и начиналась трапеза. Елену Петровну крестили в детстве, маленькую. Её детей крестила какая-то бабушка на дому. Крестила на русском языке, поскольку сама была русской, но католичкой. Крёстные были. В церковь детей не водили. В настоящее время в Саровке католической общины нет, так как католиков практически не осталось, некому собираться.

Елена Петровна до сих пор отмечает Рождество 25 декабря. Готовит ужин, приходят дети с внуками. При её маме интересней

праздновали, по немецким обычаям. Вечером собирали детей в кучу, они садились вокруг стола. Кто-нибудь из женщин наряжался Крискинди: во всём белом, лицо закрыто. В корзинке у неё лежали подарки. Она спрашивала у детей, умеют ли они молиться: «Kannst du beeta?», – просила спеть или рассказать стихотворение. Мама Лены хорошо пела, исполняла рождественские песни, а девочка ей помогала. Пели «Тумглихе Нахт, хайлиге Нахт» (Stille Nacht, heilige Nacht). Сейчас Елена Петровна сожалеет, что не запомнила эту песню. Крискинди дарила детям подарки. Потом они ложились спать. Взрослые собирались у кого-нибудь в доме и отмечали Рождество. Детей туда не пускали.

На Новый год ходили славить. Елена Петровна давала 25 рублей панню, который первым приходил славить: «Ich wünsch euch ... Gesundheit, Frieden...!». По улице с ружьем ходили, стреляли. Вечером к Елене Петровне заходила соседка Катя, потом шли к Бауэрам, там пели, угощались и шли вместе к другим немцам. В конце концов останавлива у кого-нибудь в доме и праздновали, пели «Es ist nur merk die alte Zeit». Обязательно стряпали «ривелькухе» – обычный пирог, но с посыпкой крошкой вместо варенья. Теперь Елена Петровна делает его по-другому: вниз кладёт варенье, а сверху – крошки. Все ребятишки любят такой пирог.

Праздновали Ostern (Пасху). Варили яйца, накрывали на стол. Мама всегда шила Лене новое платье на Пасху. Стены в доме перед праздником белили, бельё стирали, старались, чтобы всё было белым и чистым, а украшали дом больше на Троицу. На Пасху, заходя в дверь, всегда говорили: «...Chritus!», и то же слышали в ответ. После того как немцы разъехались, всё угагло.

В семье Елены Петровны все разговаривали по-немецки: мать, отчим и она сама. Когда замуж вышла за поляка, стала отходить от родного языка. К тому же работала среди русских, в рабочем окружении была лишь одна немецкая девушка – Катя Шевченко. У тёти Виктории и дяди Антона даже сейчас нередко проскальзывают немецкие слова, хотя столько лет прожили здесь в окружении русских.

В Германию, куда многие потянулись, Елена Петровна уезжать не собирается. Считает, что российских немцев там никто не ждёт: «Слава Богу, что хоть тут прожили. Вроде, как свои. А туда приедем, кто мы такие? Это бы родителям уехать – другое дело. А мы тут выращенные. У меня дети здесь все растут и работают все на месте, и я тоже тут доживать буду».

Т.Е. Вахрушева

**«ПРИЕХАЛ, ПОСМОТРЕЛ, ПОСВАТАЛ»
(о семье Бауэров)**

Родился Александр Иванович в 1939 г. в селе Михайловка Саратовской области Маркштадтского (Подлесновского) района. Через 2 месяца после родов его мать, Шмельцер Агафья Егоровна, умерла, а мальчика взяла на воспитание её сестра Роза. Отец, Шмельцер Иван Петрович, тяжело переживал смерть жены и оставить себе маленького ребенка не решился: боялся, что не справится. Тем более, что у него на руках оставалась старшая дочь Роза, 1936 г. рождения. Отец работал шофёром, дефицитная по тем временам специальность, и домой приезжал только ночевать, так что ему и с дочерью-то было тяжело. Семья тётки Розы была бездетной, и супруги уговорили Ивана Петровича отдать им маленького Сашу. Фамилию ребенку дали свою. Дядя, Фадей Антонович Бауэр, работал в колхозе на разных работах и среди односельчан слыл на все руки мастером: и сапоги мог починить, и кастрюлю залудить.

Когда началась Великая Отечественная война, отца и дядю забрали в трудовую армию. Отца отправили в г. Копейск Челябинской области, на шахты, где он работал электриком всю войну. Дочь, естественно, он забрал с собой. После войны, женившись во второй раз, остался жить на Урале. Семью Бауэров после Указа от 28 августа 1941 г. отправили на поселение в Новосибирскую область, в колхоз, а в 1942 г. – в Колпашевский район, на лесозаготовку. Древесина необходима была для фронта, так и для тыла. Поселили Бауэров, как и десятки других немецких семей, в посёлке Плотбище Саровского леспромхоза. Место было необжитое: два-три дома, бараки да несколько землянок.

Ох, и победствовал Александр Иванович с тёткой, которая в ту пору уже начала побаливать. Работала Роза Егоровна в поселке на разных работах, в основном скотником в подсобном хозяйстве. Денег в семье кое-как хватало лишь на еду, одежда вся изнасилась. Иногда не было даже хлеба и картошки. Жили то в бараке, то в зем-

лянке. В бараке было легче: там у каждой семьи был свой угол, правда, без всяких перегородок и занавесок. Обо всех переездах с места на место Александр Иванович не помнит: маленький был. Но с тех пор, как стал осознанно воспринимать мир, милее этих мест для него нет. В 1945 г. из трудармии вернулся дядя (последний год он работал в Туле на шахте и стал инвалидом) и пошёл работать конюхом. Жить перешли в леспромхозовскую избушку («хомутанку»). Тетя работать не могла – болела, да и дядя-инвалид. Вся надежда возлагалась на Александра.

Окончив в 1953 г. начальную школу в д. Кальджа, Александр Иванович устроился на работу в леспромхоз помощником конюха. Учился он в силу различных обстоятельств 6 лет. Год окончания школы запомнил чётко, потому что на одном из уроков учительница объявила о смерти И. В. Сталина и заплакала. Работа помощника конюха в основном заключалась в уходе за лошадьми и жеребьятами, которых нужно было кормить, поить, чистить. В 1956 г. устроился на работу в леспромхоз помощником вальщика леса. В 1959 г. женился на своей поселковой девчонке Розе Гертнер.

Роза Петровна Гертнер родилась 10 февраля 1940 г. в городе Минске. Её родители, Гертнер Пётр Георгиевич и Амалия Франциевна, работали на торфоразработках недалеко от города. В семье росло 12 детей. Когда началась Великая Отечественная война, семью не эвакуировали, она осталась в Минске, а затем переехала в Польшу. Там, по рассказам, было спокойнее. Немецкие власти, продвигаясь на восток, постепенно переселяли немецкие семьи с оккупированных территорий в Германию, мотивируя это нежеланием оставлять соотечественников без помощи. Семью Гертнеров поселили в маленькой бревенчатой избушке в какой-то немецкой деревеньке – «Але-зале». Мать была дома, а отец и старшие дети работали. Всех переселенных местные немцы откровенно презирали и ненавидели. Для местного населения они были «русскими свиньями». Ещё страшнее стало в последний военный год.

После прихода советский войск в 1945 г. семью Гертнеров как врагов народа отправили на поселение вглубь страны, в Сибирь. Отца, Петра Георгиевича, арестовали и вскоре расстреляли. Двое старших детей, Катя и Егор, остались на работах в Германии. Катя вышла замуж за немца, а Егор, женившись, уехал в Америку. Сын Пётр воевал на фронте, где и погиб в 1941 г. Семью Гертнеров привезли в Колпашевский район Томской области в 1946 г.

Из Германии в Сибирь везли целый год в вагонах для скота, периодически останавливались в лагерях для перемещённых лиц. Там их кормили, отправляли мыться в баню, а если была необходимость, осматривал врач. Осенью 1946 г. вместе с другими немецкими семьями (их было порядка двадцати) Амалия Франциевна с 8 детьми оказалась в Березовском Сиблаге, который славился своей жестокостью.

Выгрузили на пристани в Берёзовке. Через несколько дней отправили за 9 км в деревню Боровое, в колхоз «Путь Ильича». Везли на телегах по грязи и болотам. В бричках ехали маленькие дети и старики. Остальные шли пешком. По приезде всех разместили в клубе, спали рядами на полу, кто – на чём в течение целого месяца. Затем Гертнерам выделили от колхоза избушку, в ней и жили до 1956 г. В деревне находилась начальная школа, где учились младшие дети: Роза, Ира (Эрика), Серёжа (Зигфрид) и Амалия. Мать и старшие сёстры работали в колхозе: Амалия Франциевна – разнорабочей, а дочери Маруся и Дина – сначала доярками, а позднее – свинарками. Сыновья Павел (Паулюс) и Виктор (Бенидикт) пошли работать в колхозную рыболовецкую бригаду. Недалеко, в деревне Петропавловка, находился небольшой рыбзавод, в засолочный цех которого все рыбаки сдавали рыбу.

Русский язык в семье не знали, учили по ходу дела. Питания не хватало, и Амалия Франциевна меняла на продукты одежду, которую привезли с собой из Германии. Сами ходили в ботинках на деревянной подошве, с брезентовым верхом. Одежду младшие донашивали за старшими. Так и жили. Младшие дети зимой учились, а летом работали в колхозе. Роза Петровна, например, ходила на покос, гребла сено, возила на быках копны. Весной на этих же быках боронила. Шла сзади и подгоняла. Бывало, улягутся быки и лежат. Поднимают их дети и плачут, а иногда и сами уснут рядом. После окончания начальной школы Розу отправили учиться в деревню Круглое, за 7 км от дома, где была средняя школа. Определили на квартиру к старикам Крайсманам. Проучившись один год, девочка попросила у матери разрешения работать: голодно было в Круглом. Всё время хотелось есть. На уроках думала только о еде, учёба в голову не шла. Пришлось пойти на работу в колхоз. На трудодни в колхозе вместо муки давали отруби, их смешивали с картошкой и пекли хлеб. По приезде в Боровое Гертнеры в первый же год зарабо-

тали под огород большой участок земли. Сажали картофель, овощи. За огородом в основном ухаживали младшие дети.

Старшая сестра Дина вышла замуж за местного жителя – «чалдона» Бориса Анисимова. Жили они в Проточной, недалеко от Тогура. В их семье было 6 детей. В 1957 г. Гертнеры переехали в село Тогур, поближе к старшей дочери. Семье дали от колхоза избушку по улице Рабочая. Роза Петровна устроилась на работу в колхоз дояркой, а в 1959 г. вышла замуж за Александра Ивановича Бауэра.

Историю своего сватовства вспоминает с иронией – посоветовали, приехал, посмотрел, посватал. Переехав к мужу на Плотбище, работала в подсобном хозяйстве, затем – дояркой. После свадьбы молодые поселились вместе с родителями в недавно купленном домике. В этом же году молодого Бауэра отправили на четырёхмесячные курсы трактористов в Тюменскую область. В марте 1960 г. умерла тётя, Роза Егоровна, через год – дядя. После смерти тёти семья Бауэров переезжает в посёлок Саровка, где купила небольшой дом и обзавелась хозяйством.

Добросовестно трудились на производстве. На какой только технике ни работал за свой немалый трудовой стаж в леспромхозе Александр Иванович! Даже бульдозер пришлось освоить. За добросовестный труд награждён многими государствами наградами, в том числе орденом Трудовой Славы 3-й степени.

Роза Петровна и Александр Иванович воспитали четырёх дочерей. У них восемь внуков и три правнука Старшая дочь Екатерина, 1960 г. рождения, проживает в г. Новоуральске Свердловской области. Работала мастером производственного обучения. Её муж, Владимир Петрович Ставров, работал на Уральском химкомбинате. В семье двое детей: дочь Женя и сын Александр. Дочь Мария, 1961 г. рождения, после окончания школы и профучилища № 9 работала на хлебокомбинате. Её муж, Николай Викторович Чернецкий, – железнодорожник. Живут в г. Томске. Имеют дочь Надежду и сына Николая. Третья дочь, Ольга, 1966 г. рождения, живёт в посёлке Комсомольский Первомайского района Томской области. Её муж, Владимир Константинович Пантелеев, после окончания Томского лесотехнического техникума работал в коопзверопромхозе. У них тоже двое детей: Екатерина и Анастасия. Дочь Надежда замужем за Владимиром Геннадьевичем Шатруковым, проживает в г. Колпашево, работает в торговой организации. Имеет дочь Ксению и сына Евгения.

Сестра Александра Ивановича, Роза Ивановна, в настоящее время проживает в посёлке Каргасок Томской области у дочери Ирины, ей 80 лет. У дочери трое детей. Сыновья Розы Ивановны, Петр и Александр, живут в г. Тольятти. Оба работали на автозаводе.

Достоинo пройдя нелёгкий трудовой путь, Александр Иванович и Роза Петровна оставили в наследство дочерям, внукам и правнукам не только славное имя, но и добрую память о себе как о верных супругах, любящих матери и отце.

БЕЛОЯРОВКА

Г.Р. Малахова

ТРУДНЫЙ ПУТЬ СЕМЬИ БАТЦ

По бесконечным просекам тянулся суровых дедов наших
скорбный путь.

Качает ветер лапы сонных елей.

Мерцают по болотам огоньки...

А деды наши выстоять сумели совсем не за идею – вопреки.

А. Луговской

Без знания прошлого нет настоящего. На долю наших родителей выпало много трудностей. Сейчас сложно понять и представить, как они пережили холод, голод, нищету, тяжёлый труд. Подростками на работе выполняли норму взрослого человека. Им было трудно не только физически, но и морально, ведь они были ссыльными немцами. И порой их пытались за это унижить, оскорбить, наделяя обидными эпитетами. После высылки из родных мест в Сибирь, в Нарымский край, их прикрепили к леспромхозу, и под угрозой уголовного преследования им запрещалось без разрешения коменданта покидать места проживания. Ограниченные в правах – паспорта они получили только после отмены системы спецкомендатур МВД, – преодолев все трудности, они выстояли и не потеряли интереса к жизни, не растеряли человеколюбие и доброту, веру в себя и людей. Хотелось, чтобы последующие поколения российских немцев помнили о своих корнях.

Пишу статью на основе воспоминаний моего отца, Кабанова (Батца) Романа (Рейнгольда) Карловича, и его сестёр – Агаты (Агафьи, Агани) и Ангелины. После регистрации брака отец взял фамилию жены – Кабанов, чтобы дети не попали под комендатуру, не были ущемлены в правах. При выдаче документов, последовавшей после упразднения спецкомендатур, у всех членов его семьи из фамилии Батц выпала буква «т».

Наши корни. Из воспоминаний Агаты (Агафьи) Карловны Батц.

Родилась, согласно паспорту, 22 января 1928 г. в селе Давыдово-Орловка (Малоорловка) «Орджоникидзевского» района Донецкой области. В свидетельстве записано иное место рождения: колхоз

Герке Бошевского района Сталинской области. Мать: Батц Франциза (Франциска) Михайловна (16.08.1894 – 25.06.1974), немка, в девичестве Рожинская. Отец: Батц Карл Карлович (1894 (1895?) – 25.02.1933).

Бабушка по линии матери – Казимир Екатерина Ивановна (Иоанновна), немка, (1874–1963), по мужу Рожинская. Дедушка – Михаил Рожинский, немец, он был первым мужем бабушки, умер от тяжёлой работы. У дедушки браку с бабушкой предшествовали ещё два. В первом родились два сына, Михаил и Феликс. От второго брака с Моникой родились две дочки.

Прадед Казимир был, очевидно, поляком. По крайней мере, бабушка Екатерина Ивановна немного знала по-польски. Фамилии соседей в деревне: Маевски, Герлински, Луканевски, Зелевски, Боярски также напоминают польские.

Свойственницы – Лида Порш и Маруся Казимир – были замужем за братьями Казимир, которых репрессировали и которые не вернулись.

Вторым мужем бабушки Екатерины Ивановны стал Адам Герлински. Когда они сошлись, у Адама уже был сын Амелян (Емельян). У Екатерины Ивановны и Адама Герлински родилось семеро детей, все считали себя немцами.

1. Бригита Адамовна Герлински, в замужестве Ивченко. Муж, Павел Ивченко, украинец. Павла и Бригиту, хотя она была в положении, из г. Орджоникидзе (в 1937 в 1941 г., когда уже шла Великая Отечественная война, взяли в трудармию. Оба попали в плен. Бригита родила девочку. Но судьба оказалась к ним благосклонна и свела где-то на просторах Великобритании или Германии. Они остались жить за границей, родив ещё одну дочь. О том, что они остались живы, и об их дальнейшей жизни узнали от брата Бригиты – Герлински Петра Адамовича, который после окончания войны тоже остался жить в Германии.

2. Петр Адамович Герлински до 1941 г. года жил с женой Цицилией (немка, в девичестве Малиновская) в г. Орджоникидзе Сталинской области. Работал на шахте. Имел сыновей, Виктора и Альберта. В 1941 г. Пётр был направлен в трудармию, а Цицилию вместе с детьми выслали в Новосибирскую область, где она осталась жить на станции Промышленная. В эшелоне с сосланными в Сибирь встретилась со своей свекровью Катериной Ивановной и её семьёй, тоже высланной в сентябре 1941 г. От Петра долго не было известий.

Лишь после войны Пётр сделал запрос из Германии о месте нахождения своей семьи, отправил через посредника посылку и письмо. Из письма узнали, что Пётр жив и после плена остался жить в Германии, побоялся вернуться домой. Там обзавёлся другой семьёй. Эту весть сообщили его матери – Екатерине Ивановне. Однако об этом старались никому не рассказывать, так как весть могла плохо отразиться на всей семье. Цицилия сильно обиделась на Петра, ведь она надеялась, что он живой и вернётся к ней и детям. Сын Виктор так и остался жить в Сибири, а сын Альберт позже выехал в Германию по вызову отца.

3. Герлински Ленгард (Леонид) Адамович жил в Ново-Орловке, работал в колхозе. В 1941 г. был взят в трудовую армию. Работал на стройке в г. Краснотуринске Свердловской области, где и остался жить после окончания войны. Жена Полина вместе с пятью детьми была выслана в Новосибирскую область, где её поддерживала семья свекрови – Катерины Ивановны. После войны Ленгард разыскал жену и детей, забрал к себе в Краснотуринск.

4. Герлински Александр Адамович в 1941 г. был отправлен из Ново-Орловки в трудовую армию. Жену Наталью Яковлевну с тремя детьми – Ирмой, Марией и Иосифом – выслали в Сибирь. По окончании войны Александр разыскал свою семью, проживавшую на станции Курундус Тогучинского района Новосибирской области.

5. Герлински Героним Адамович в 1941 г. тоже был взят в трудовую армию, работал на заводе в г. Рязани. Жена Берта с сыном Романом после выселения с Украины оказалась на станции Курундус Новосибирской области, работала в колхозе. После войны Героним остался в Рязани, но жена почему-то не переехала к нему и проживала в Сибири.

6. Герлински Иосиф Адамович, его 5 июня 1941 г. забрали в армию. Когда началась война, он попал на фронт. Последнее письмо в Ново-Орловку пришло из Смоленска в августе 1941 г.: «Бои идут день и ночь. Я остался один из друзей. Идём по колёно в крови...». Это письмо принёс сродный брат Катерины Ивановны – Яков Кизимир, работавший почтальоном. Читали всей семьёй. На этом связь с Иосифом прервалась. Его жену вместе с детьми, Марией и младшим Иосифом, как и всех членов большого клана Казимир–Герлински, выслали с Украины в Сибирь. Младший Иосиф умер в дороге, похоронили его на промежуточной станции. Хоронили не родственники, а кто-то, так как эшелон со ссыльными двинулся

дальше. После войны на запрос пришел ответ, что Иосиф Адамович пропал без вести.

7. Герлински Карл Адамович был самым младшим в семье. В 1940 г. пошёл служить в армию, стал пограничником. В письме со службы писал: «Дали собаку, стою на посту, охраняю границу. Через речку – Германия. На той стороне границы – много немецких солдат, с которыми даже переговаривались». Во время войны приходила ещё одна весточка, в которой Карл сообщал, что воюет. Больше о нём ничего не было слышно. Позже пришла бумага о том, что Герлински Карл Адамович пропал без вести.

Таким образом, семья Казимир – Герлински перед войной была большая. Адам Герлински был объявлен врагом народа, арестован и не вышел из тюрьмы. Большую семью Екатерины Ивановны разбросала Великая Отечественная война. Утешало лишь то, что семьи дочери и сыновей сослали кучно. По дороге в неизвестность они поддерживали друг друга. Часть из них осталась в Новосибирской области. А те семьи, в которых не было маленьких детей, отправили в Нарымский округ, на территорию нынешнего Колпашевского района Томской области, на лесоразработки.

Возвращаюсь к моей бабушке – Франциске (Францизе) Михайловне Батц – матери моего отца, Рейнгольда Карловича Батца, и его сестёр – Агаты и Ангелины.

Отца её мужа, Батца Карла Карловича (1895–1933), тоже звали Батцем Карлом Карловичем. Он был немец, приехал с Волги, работал учителем. Считалось, что он принадлежал к другой вере (или лютеранской, или православной, или католической – тётя не знает). Известно лишь, что венчание проходило под «ружьём», т.е. сопровождалось выстрелами из ружья, как того требовала религиозная традиция: «чтобы дети были в «нашу веру». Жених давал клятву.

У Франциски Михайловны и Карла Карловича родилось четверо детей: Ангелина (5.10.1924 (1925?) – 20.08.2009), Карл (1.02.1926 (1927?) – 12.08.1962), Агата (Агафья, Аганя) (22.01.1928 г.р.), Рейнгольд (Роман) (01.04.1930 – 21.12.2005). Местом рождения всех детей стал колхоз «Герке» Бошевского района Сталинской области. Франциска и Карл познакомились, когда были в работниках, затем поженились. Заработали на лошадь, корову. Жили в большом доме на двух хозяев, который выстроил Карл вместе со своими братьями, Алексеем и Фёдором. Имели свою землю, на которой сеяли рожь, пшеницу, овёс, картошку, кукурузу. Объединившись, на соседской

мельнице перемалывали зерно в муку. Держали много домашнего скота – коров, лошадей. Сами работали от зари до зари, но, когда не справлялись с работой, приходилось нанимать работников. Несмотря на большое хозяйство, хлеб пекли из кукурузной муки, так как председатель Брехт последнюю крошку выгребал у колхозников: хотел выслужиться.

Но и его в 1930-х гг. не пощадили: арестовали вместе с другими мужчинами. Никто не вернулся, кроме Ивана Штебла, все погибли. Иван рассказывал, что ему пришлось часть пути тащить Брехта на себе во время этапирования арестованных в лагерь. У Брехта расстроился живот, так как во время перехода все хватали валяющуюся мёрзлую картошку и ели. Когда Брехт совсем уже не мог идти, его, как и других, пристрелили охранники.

Зимой 1931 г. начали раскулачивать зажиточных крестьян. Сыновой бабушки Екатерины Ивановны не тронули, так как они вступили в партию. В число раскулаченных попали и семьи братьев Батц. Отобрали дома, людей сначала перевезли через речку, высадили на голом месте с топором и лопатой. Выкопав землянки, выселенцы прожили в них до весны. Потом всех раскулаченных мужчин собрали и отправили в Свердловскую область. Братья Батц оказались порознь. Вслед за ними выслали их семьи. Францизу Михайловну вместе с двумя детьми, Ангелиной и Карлом, отправили за Урал. А самых маленьких, Аганю и Романа, по совету коменданта оставили дома, так как они могли погибнуть в дороге. Аганя помнит, что после отъезда матери она сильно плакала, когда её несла на руках тётя Моника Рожинская. Романа чуть живого везли в коляске, не надеялись, что он выживет. Когда Моника положила его в низкую качалку, Агафья залезла к нему в ноги и стала причитать: «Где моя мама, где мой папа?». Дети жили у тёти Моника, пока за ними не приехала бабушка Катя. Она жила в другой деревне, удалённой на 70 км. Увидев её, дети сразу потянулись к ней. Аганя осталась с бабушкой, Екатериной Казимир-Герлински, в Давыдово (Ново)-Орловке Рыковского района Донецкой области. Романа взял к себе его дядя, Петр Адамович Герлински, в г. Рыков Донецкой области. И Роман выжил.

Жизнь в ссылке. Из воспоминаний Ангелины Карловны Батц.

«Мы с Карлом уцепились за юбку матери, ревели в два голоса, что не останемся без неё. Так и поехали в г. Ворошиловск Свердловской области на поселение. Жили отдельно, занимая небольшую комнату в доме, в котором расположили 4 семьи. Отец Карл весной

работал на сплаве, а зимой – на валке леса. Жил отдельно от семьи, в 30 км, вместе с другими ссыльными мужчинами. Работал хорошо, был стахановцем. Мать Франциза выполняла разные работы, разгружала кирпичи, таскала их с баржи в гору. Весной засадили маленький огород, где всё росло. Дети ходили в лес за ягодой. Жизнь стала налаживаться. Ангелина пошла в школу. Отец говорил, что возвращаться не будут: «Обратно не поедет, раз выслали. Построим большой дом, привезём Аганию и Романа. Климат неплохой. Будем здесь жить». Уже и место подобрал под строительство дома, но не суждено было этим мечтам сбыться. Отец заболел. Пока ходил в больницу, его обокрали. Из фанерного чемоданчика украли все продукты, которые выдавались работникам лесоучастка на 10 дней. И отец, голодный, продолжал работать, выполнять норму, не имея никакой еды. Пришел в контору, где и умер 25 февраля 1933 г. от истощения, непосильной работы. В свидетельстве записана причина смерти: «От упадка сердечной деятельности». Ему исполнилось всего 38 лет. Обо всём этом Францизе Михайловне рассказали жившие с отцом в бараке дед и бабушка, когда она пришла хоронить своего Карла.

Вскоре от тяжёлой работы заболела и сама Франциза. Её перевели на лёгкий труд – убирать у коменданта. Вскоре она попала в больницу, где пролежала очень долго, 8 месяцев. Карл и Ангелина остались одни. Помогали им жена коменданта и бабушка – немецкая женщина преклонного возраста. Так как для отопления комнаты надо было много дров, то бабушка-немка забрала детей к себе. Карл с Ангелиной рубили дрова, а бабушка варила и кормила их. Дети занимались на работу к соседям: помогут капусту срубить, и им дадут по кочану. Люди говорили, что мать их бросила, но комендант успокоил, сообщив, что она в больнице. После больницы Франциза сильно ослабела. Ей трудно было работать. Комендант подсказал, как оформить документы, чтобы вернуться домой. И в 1935 г., согласно справке НКВД по Свердловской области, «трудпоселенцы Батц Франциска Михайловна, 40 лет, дети Ангелина и Карл, высланные из Донбасса, Бошевского района, колхоз Герке, из спецссылки Ворошиловского района Свердловской области освобождены по нетрудоспособности и переданы под поручительство на иждивение гр. Герлински Петра Адамовича, проживающего в Донбасской области, гор. Рыкове».

Возвращение из ссылки. После возвращения из Сибири жили сначала у дяди Пети Герлински в г. Рыкове, затем переехали к бабе Кате в Давыдово (Ново)-Орловку. Брат Роман (Рейнгольд), который уже звал дядю Петю папой, признал в приехавшей Францизе свою мать и тоже уехал со всеми в деревню. Бабушка жила в большом каменном доме, низ которого был сделан из кирпича. Камень возили из карьера на лошадях. В доме все поместились – 15 человек. Франциза устроилась работать поваром. Летом варила в пионерском лагере. Роман помогал брату Карлу пасти скот. Агания до обеда помогала дяде Карлу (в каждом поколении родственников сыновей называли Карлами), сыну бабы Кати, пасти животных. После обеда она бежала в школу одна, так как другие дети уже ушли. Она вспоминает, что дядя Петя, который всегда помогал, подарил ей красивые туфельки, которые она берегла и надевала только в школе. Ангелина работала в огородной бригаде в колхозе: полола, лук дёргала, снопы связывала. В своих огородах выращивали овощи, картофель, кукурузу, которую дома варили в больших кастрюлях, откуда она, растрескиваясь, с шумом вылетала.

Осенью дети пошли в школу. Обучение шло на русском языке, но изучали ещё два, украинский и немецкий. До 4-го класса учились в Давыдово (Ново)-Орловке, а с 5-го класса дети ходили учиться в другую деревню, расположенную в 3 км от дома.

Все взрослые и дети работали в колхозе, получали за трудодень «палочку», а под Новый год их подсчитывали и выдавали муку, зерно, семечки, подсолнечное масло. Толпой шелушили колхозники подсолнухи, а вечером чистили кукурузу. Во время работы пели песни, не уйдут домой, пока не выполнят всю работу. В колхозе выращивали шелковицу, с которой собирали лист и кормили червей – шелкопряд. Затем коконы увозили в город, где производили качественный шёлк. Население было в основном немецкой национальности. Все, в том числе и дома, говорили по-немецки.

Бабушка Катя научила внуков молиться по-немецки, креститься «полной рукой на грудь, а не на пуп». Когда ложились спать, то молились у кровати сначала стоя, а потом опускались на колени. У бабушки имелись молитвенная книжка, иконка, распятие, которые впоследствии прятали. По пятницам постились, и бабушка весь день никому не давала есть, а вечером размешивала в воде немного варёной картошки, и этим всех кормила. Раньше ходили в немецкую церковь, священнику которой нельзя было жениться. Позднее в зда-

нии церкви разместили клуб. У бабушки имелась молитвенная книжка, а также иконка, распятие. Распятие висело в доме на видном месте, и один из уполномоченных в деревне приказал снять его, но бабушка ответила, что оно хлеба не просит, и оставила распятие на прежнем месте. Вскоре этот же уполномоченный пришёл к бабушке с просьбой заговорить ему «сибирку», похожую на рожистое заболевание. От «сибирки» умирали, а баба Катя лечила некоторые болезни заговорами и молитвой. Она сказала, что без веры лечить нельзя, но тем не менее не отказала в просьбе и вылечила уполномоченного, а так бы он умер. Впоследствии пришлось прятать все священные предметы.

Ангелина вынуждена была бросить школу с 5-го класса, так как была старшей в семье и должно было помогать матери кормить братьев и сестру. Завели своё подсобное хозяйство, посадили сад. Жизнь постепенно входила в нормальное русло, но война 1941–1945 гг. внесла свои коррективы.

Путь в неизвестность. По воспоминаниям Ангелины, Агафьи (Агаты, Агани), Романа (Рейнгольда).

По радио объявили, что 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. В 18 км от деревни располагался завод, который постоянно бомбили. Над деревней тоже летали немецкие самолёты. Взрослые учили детей различать гул своих и чужих самолётов, прятаться в кустах и кукурузе во время бомбёжек. Погибало много людей. Далеко видно было, как горела на речке нефть. Уже бомбили г. Орджоникидзе (после 1943-го г. Енакиево), слышны были взрывы, видны пожары. Деревня стояла тёмная, с заклеенными крест-накрест окнами. 29 (30) сентября 1941 г. учитель объявил в школе об отмене занятий и отправил всех готовиться к срочной эвакуации. Приехавшие военные объявили о том, что всех проживающих в деревне немцев выселяют за Урал, на сборы дали одни сутки. С собой разрешалось взять всего 20 кг вещей на одного человека (по другим данным – 200 кг на семью). Взрослые щипали и варили куриц в дорогу. Остальных животных дети выгнали в кукурузу. Повсюду стоял плач людей, рёв животных, вой собак, чувствующих, что их оставляют на произвол судьбы. Роману жалко было голубей и кроликов, которых он тоже вынужден был выпустить на волю. В дорогу брали самое необходимое. Баба Катя взяла рабочую верхнюю часть ножной швейной машинки «Зингер», завернула в тряпки и поручила братьям Карлу и Роману нести её, сказав: «Это жизнь. Она может выручить

в трудное время». И братья берегли её. Машинка не раз потом спасала семью от голода. На подводы грузились в сумерках, люди плакали. Долго ждали отправки у сельсовета, где раньше был графский сад с шелковицей. Только люди садились на подводы, как в связи с появлением немецких самолётов военные давали команду: «Отставить!». Военные просили людей вести себя тише, чтобы меньше привлекать внимание с воздуха.

Со станции Дебальцево эшелон с грузовыми вагонами, куда поместили немецкие семьи, из-за бомбёжек никак не мог отправиться. Затем всё-таки поехали, но никто не знал, куда. Жизнь покатилась в неизвестность. Ехали мимо фронта, где шли боевые действия, попадали под бомбёжки. Держались семьями. Спали одетыми, чтобы в любой момент выскочить из вагона. Военные, охраняющие эшелон, не разрешали громко разговаривать. Всех предупредили, что если отстанут от поезда, то придётся самим догонять, иначе накажут. Случалось, что отставали, но догоняли. Брат бабы Кати, Казимир, был грамотным, по имеющейся у него карте и станциям определял, куда идёт поезд. Днём, когда стояли, набирали воды, покупали хлеб. Когда закончились домашние припасы, всем стали выдавать небольшой паёк: суп, кашу, по 2 кусочка хлеба. Но дети всегда просили поесть, а матери успокаивали их тем, что поедят вдоволь, как приедут. В вагоне находились старший и его помощник из числа военных, которые следили, чтобы никого не обманывали при раздаче продуктов. В них не видели врагов, они сочувствовали переселенцам. Ночью движение продолжалось. Рядом шли вагоны с ранеными. Однажды на глазах переселенцев разбомбили соседний эшелон. Военные потребовали закрыть двери и окна. Однако все успели заметить страшную картину, которая навсегда врезалась им в память. Выжившим повезло.

Эшелоны пришли в Казахстан, но их развернули и отправили в Новосибирск, так как ссыльных некуда было размещать. Доехали до станции Подунская в Кемеровской области, здесь всех посадили на подводы и развезли по колхозам. Местные подходили к немцам, смотрели, трогали, восклицая при этом: «Где ж у них рога? Да они такие же, как мы...». Семья Батц попала в колхоз «Красный боец» (или «Красный партизан») Титовского района. Сначала снимали углы, потом отремонтировали старую конюшню, где и перезимовали. Работая в колхозе, переселенцы дополнительно нанимались к людям на разные работы, за что получали картофель. Весной удобрили, ис-

пользуя навоз из конюшни, заведённый огород, посадили картошку. Бабушка Катя уже стала подкапывать клубни для еды. Радовались, что скоро будет много картошки.

Но в конце июля 1942 года приехал военный уполномоченный и сообщил, что семьи, у которых нет маленьких детей, должны поехать в Нарымский край. Зачитал список, в котором значились и Батцы. Регину, одну из снох бабушки Кати, с маленьким ребёнком оставили в колхозе. Пароход «Тихонов» привез переселенцев на пристань в г. Колпашево. Всем пришлось заночевать здесь и жить ещё неделю, так как на рыбокомбинате, куда определили привезённых, работали уже другие ссыльные. Пока жили на берегу, Романа заинтересовал ловивший рыбу мужчина. Он разузнал у него всё о лове, потом выпросил у бабушки денег из «НЗ», купил крючки и, наладив удочку, стал ловить ершей, ельцов, окуней, чебаков. Тут же варили уху, ели рыбу, утоляя голод, угощали и других. Так Роман пристрастился к рыбалке, которая стала большим подспорьем в голодные годы. Учитель Биллер постоянно ходил в горисполком узнавать, когда их отправят. Наконец, всех на том же пароходе «Тихонов» привезли сначала в с. Коломино, а потом на подводах – в колхоз «8 Марта». Работали также в колхозе «Сергушино», включавшем близко расположенные села Абрамкинское сельского совета: Ново-Херсонка, Абрамкино, Старо-Абрамкино, Ново-Абрамкино, Малиновка.

Батцев поселили сначала на квартире у Овчинниковых. Потом купили у местного жителя Богомолова маленький домик, в логу у ручья. Починили его, замазали. Жило в нём 8 человек (4 детей, мать, бабушка и бабушкина сноха с ребёнком). В колхозе выполняли разную работу, какую только поручали: косили, вязали снопы, молотили, пасли скот, собирали дикоросы. В огородах у местных жителей зреет урожай, а у переселенцев ничего нет, поэтому нанимались копать картошку, рубить капусту, косить и убирать сено, получая за работу продукты. Роман научился плести корзинки, обменивал их на картошку. Какого объёма корзинка, столько и картошки давали. Жители относились к переселенцам в основном с сочувствием, так как многие тоже были из ссыльных.

В декабре 1942 года вновь пришлось собираться в дорогу, так как семья Батцев опять стояла в списке тех, кого отправляли на лесоразработки. Фронту нужен был лес. С этого момента вся дальнейшая жизнь семьи была связана с лесоразработками. Когда заехали в тайгу, Роман увидел большие сосны и восхищенно воскликнул:

«Так вот где растут телеграфные столбы!» Не знал он ещё, что будет не раз плакать горькими детскими слезами от этих непосильных для подростка деревьев.

На лесоповале. Стоял сильный мороз. Старая одежда изнашивалась. Все тряпки и сено накинули на заработанную картошку, чтобы её сберечь. Однако почти всю заморозили. По пути следования на 32-й квартал Чалковского леспромпхоза на пунктах ночёвки заносили и варили уже замороженную картошку. Местные жители сочувствовали. Запомнилась семья Рубейко на Глухаринном. Они наварили приезжим картошки, поставили на стол капусту. 15 декабря 1942 г. ссыльных привезли на 32-й квартал, где стояло два домика, в которых жили высланные ранее «кулаки»: Ждановы, Плеснивые Пётр Васильевич и тётя Полина, их сын Пётр Петрович с женой Марией (Комлевой). В бараке поселили семьи Батц, Маевских (бабушку Мальвину с сыновьями Михаилом и Иосифом, дочерью Лидой), Набунских, Брехт, а утром уже все должны были выйти на работу. Начальник участка Борис Ефимович Бескупских ознакомил прибывших с фронтом работ и условиями. Двенадцатилетнего Романа и четырнадцатилетнюю Агафью определили заготовливать дрова, которых требовалось в большом количестве для отопления сушилки, жилых барачков, пекарни, магазина, столовой, бани, хомуталки, где хранилась упряжь для лошадей, «пилоправки». Агафья с Романом валили лес ручными пилами: лучковой, когда один пилишь, или поперечной, когда вдвоём. Вытаскивали деревья на лошадях, а то и на себе, когда колхозники, тоже работавшие зимой на валке леса, вводили лошадей в колхоз. Затем привезённый лес распиливали, обрубали сучки, раскалывали. Ещё надо было увезти дрова за 8 км на Белую речку.

Работали подростки от темна до темна, выбиваясь из сил, так как необходимо было выполнить доведённую им норму, за что давали 500 г хлеба. Если норму не выполняли – то всего 200 г. Порой, выбившись из сил, Роман всё бросал со словами: «Не могу больше!» Агания уговаривала его продолжать работу, иначе дадут мало хлеба. Когда заготовливали дрова на Белой речке, то пекарь Пётр Васильевич Плеснивый всегда давал Роману булку хлеба за то, что он мелко колот дрова для пекарни. Агания (Агата) сначала заругалась, думая, что он украл, но разобравшись, успокоилась. В перерывах между работой они съедали этот хлеб. Подростки росли, работали на тяжёлой работе, а еды не хватало. Донимал и холод. Роман был обут

в старые шахтёрские ботинки, оба на одну ногу. Замерзнув, брат и сестра ненадолго бегали греться в избушку, где жили во время работы. Они сделали в избушке нары, запасли дров. Натопят – и сухо, и тепло.

Восемнадцатилетнюю Ангелину и шестнадцатилетнего Карла отправили на валку леса. Норма на валке для мужчин зимой составляла 8 кубометров, летом – 12, а для женщин зимой – 6 кубометров, летом – 8. За выполнение нормы вальщикам давали 800 г хлеба, а тем, кто работал на подсобных работах – 600 г. Если первый раз норму не выполнишь, могут простить, а если второй – не уйдёшь с деляны, пока не выполнишь своё задание. Иждивенцам давали хлеба наполовину меньше (250–300 г). Норму старались выполнить через силу, чтобы получить свою пайку хлеба. Позже стали давать 200 г масла, немного соли, сахара, пшена. Лес валили вдвоём поперечной пилой, или в одиночку лучковой пилой, сучки обрубали, бревно распиливали на части длиной по 5–6 м.

Мастерами на участке были Анатолий Васильевич Шмаков, Алексей Иванович Шегорин, Николай Иванович Хряпов.

Весной 1943 г. работали на береговой валке. Валили лес в 20 м от берега, катали до берега, затем сваливали в речку. Летом подтаскивали оставшийся лес в кучи величиной не менее 1 кубометра, шкурлили его, чтобы короед не заводился, деревья сохли и не гнили, не тонули при сплаве. В июне 1943 года всех отправили на вторичный сплав леса – на «муль», когда реки после разлива входили в свои берега. По берегу на расстоянии километра ставили людей, которые отвечали за свой участок, следили, чтобы плывущий лес не образовывал заторы. Если лес вставал, то его необходимо было растащить баграми, при этом надо было ещё успеть спрыгнуть на берег и не утонуть, так как брёвна под ногами крутились и могли затянуть под себя. Часто срывались, намокали, а переодеться было не во что. Одежда и обувь поизносились, порой работали босиком или в лаптях. Агафья и Ангелина работали наравне с мужчинами. Чудом остались живыми. Агафья вспоминает: «Работаешь целый день, как заводная. Однажды «муль» остановился в омуте. Страшно, но работу выполнять надо. Перебежала босиком по тоненьким брёвнам, растащила их, со страха не помня, как. Успела спрыгнуть на другой берег, где и просидела всю ночь. Лес больше не останавливался, перейти назад было нельзя». Анисим Лопатин сказал начальнику, что у Агафьи паёк только на 500 г хлеба, а работает она наравне со взрос-

лыми мужиками. После этого ей добавили ещё 400 г хлеба. В магазине каждый вечер выдавали по карточкам паёк – хлеб, а продавец магазина Николай Соломка обманывал людей, недовешивал даже и эти пайковые 500 г.

После месяца работы на сплаве Батцев отправили на покос. Копны Агания возила с Романом. Начальник лесопункта Старков, увидев, что Роман ходит за конями босиком, привез ему галоши. Всем работавшим на лесоповале выдавали лыковые лапти, а зимой в них вставляли ватные бурки. В 1944 г. привезли «гуманитарную помощь» – валенки, которых не хватало на зиму. Зимой Роман носил на голове старый будёновский шлем, простёженный бабой Катей для тепла. Но и он износился. Чтобы Роману выдали шапку, пришедший с фронта Петр Петрович Плеснивый, работавший лесником, предложил Роману пострелять из ружья, а в качестве мишени поставил его шлем. Желание научиться стрелять превысило жалость к шлему, в результате он оказался весь в дырках. А вечером, по требованию Петра Петровича, вызвали Романа в контору и дали записку для продавца. Домна Ивановна Шмакова, согласно записке, вручила ему новую шапку и вязаные варежки.

И с этого времени охота, как и рыбалка, стали его любимыми занятиями. Ружьё Роману подарил дядя Гриша Сомов, с которым он огораживал место под огород. Дядя Гриша был болен туберкулёзом, и Роман его подкармливал рыбой. Бабушка, положив рыбу в чашку, говорила: «Неси, милый. Пусть сварит и похлебает ушицы». Как-то приехал на коне участковый фельдшер Коваленко, послушал дядю Гришу и дал задание увезти его в Чалково, чтобы отправить затем в г. Томск. Дядя Гриша же чувствовал, что больше не вернётся. Позвал Романа в лес и подарил ему своё старенькое ружьишко, но наказал никому его не показывать, так как отберут, да ещё и накажут. Роман поохотится, завернёт ружьё в тряпку, выберет хорошую колдину (лежавшее старое дерево с дуплом) и спрячет. Дядя Петя Плеснивый знал о ружье, но никому не говорил, а учил и помогал патроны заряжать.

Роман, Ангелина и Агафья вспоминали, что всегда хотелось есть. Баба Катя с их матерью Францизой пешком в апреле ходили в Могочино, на другой лесоучасток – Бугор (за 50 км), где обменяли костюм дяди Иосифа, предпоследнего сына бабушки Кати, на мешок картошки. Укрыв всякими тряпками, везли картошку днём, когда становилось теплее, боялись заморозить. Переночевали на плотбище

Заломное, относившемся к лесозаготовительному участку, расположенному в 22–24 км от 32-го квартала. Довезли картошку в сохранности. И хотя есть было нечего, баба Катя не давала эту картошку, сказав, что она предназначена для посадки.

Весна 1943 г. была голодной, поэтому, когда пошли грибы сморчки, люди обрадовались, стали собирать их и варить, но не знали, как правильно готовить. Многие отравились, в том числе и баба Катя, мать Франциза и Агафья. Дело было так. Агафья с Лидой Парейшиной, Ниной Лаптевой, Иосифом Маевским шкурили на Белой речке тонкий лес (тонкомер), вершинки и обнаружили много грибов сморчков. Набрали их и стали варить дома. Агафья рассказывала, что когда попробовала воду, то она показалась ей вкуснее, чем куриный бульон, как будто молоком заправлена. Но что-то удержало её, и она съела немного грибов. Спасло родственников то, что Роман ловил рыбу, щук и окуней, обменивал их на молоко у Парейшиных, Крапивинных и отпаивал молоком и кормил ухой своих отравившихся родственников и знакомых, в том числе и тётю Марусю Казимир. Они выжили, но много людей умерло. Из семьи Бош тёти Веры, например, в живых осталась только одна бабушка.

Роман научился плести ловушки, силки, которыми ловил глухарей, косачей, копылух. Плетёные корзинки обменивал вместе с рыбой или без неё на хлеб и молоко. Летом собирали ягоду, чернику и бруснику. Бруснику заготавливали впрок, хранили в деревянных ящиках, в берестяных кузовах и набирках, которые научились делать. Всё это было большим подспорьем в условиях выживания. Бруснику даже сдавали по 20 коп, а орех – по 40 коп. Бабушка Катя заставила корчевать землю под огород, таскать на носилках навоз из конюшни, где стояли лошади. Вскопали целину и посадили картошку, привезённую с Бугра и сохранённую бабой Катей. Выковыривали глазки с росточками и сажали. Люди смеялись: «Сами с голоду пухнут, а последнюю картошку в корни и песок толкают». Но урожаем на целине оказался хорошим. Позже стали выращивать привезенные из колхоза семена огурцов, помидоров. На огороде летом работали баба Катя и мать Франциза. Пололи, носили воду для полива из протекающей в 30 м от огорода речки. По их примеру в 1944 г. начальство леспромхоза привезло людей с других участков, не задействованных на лесоразработках, для корчёвки, удобрения земли и посадки картофеля на казённом огороде. Собранный урожай использовали для приготовления обедов в столовой.

32-й и 39-й кварталы, Белая речка, Заломное, Белый Яр, Бугор, Глухариное, Нарзок – лесозаготовительные участки, входившие в Чалковский леспромхоз, расположенный близ реки Корта. Чалковский леспромхоз находился при впадении реки Корта в Обь. Слияние рек было важным для сплава заготовленного леса. О заготовках и выполнении плана ежедневно собирались сведения, а так как никакой связи не было, то эти сводки доставляли нарочные. В этой роли побывали почти все немцы, в том числе и Агафья, Роман, Ангелина, Карл. Приходилось где пешком по болотам, где на лыжах преодолевать расстояния от 20 до более 60 км туда и потом столько же обратно. Роман вспоминал: «31 декабря 1943 г. погода стояла холодная, с изморозью. Лыжи катились плохо, поэтому запоздал на Заломное для передачи документов, как эстафетной палочки, другому нарочному. Бухгалтер Болислав Борейшин сказал, что другой нарочный уже ушёл. Боясь не сдать вовремя документы, я не остался ночевать, а в ночь отправился дальше. Устал и замёрз, так как фуфайчонка была тоненькой. Весь покрылся куржаком. Решил отогреться и отдохнуть в стогу сена. Съел спряятанный за пазухой кусочек хлеба, и так захотелось спать, что зазвенело в ушах. Стал засыпать, но что-то остановило. Умылся снегом, взбодрился и побежал дальше. Документы доставил вовремя. Утром зашёл по дороге к Васильевым, дяде Семёну и тётке Наташе, они покормили, напоили горячим чаем. Немного отдохнув, побежал назад». Так он встретил новый 1944-й год.

Не зря Роман с Карлом таскали в эвакуации швейную машинку. Тася, жена начальника Бескупского, узнала, что баба Катя умеет шить, и попросила её смастерить для мужа брюки-галифе. Баба Катя сначала отказывалась, но потом согласилась. Перелицевав старый, сделала новый костюм, который очень понравился начальнику. И ей стали делать заказы даже из Колпашева. Бабушка сначала отказывалась: вдруг не понравится, но потом согласилась. Стала шить вещи на заказ, получая за это отрезки тканей, небольшие деньги. На них мать Франциза покупала на базаре в д. Могочино, в 50–60 км от 32-го квартала, чёрную муку для оладий, жир, иногда свиное мясо. Везла продукты на саночках через Белый Яр, Глухариное. Ходила на базар вместе с тётей Мальвиной Маевской, семья которой была немецкой и тоже сосланной.

Весной 1944 г. Карла, Ангелину, Лиду Набунскую вместе с другими немцами отправили на Тогурский Рейд сплавливать и отгружать

лес, пилить дрова. Жили в общежитии. Там же работали и на огороде: сажали и пололи картошку, морковь, капусту, свёклу. Всё это шло в столовую леспромхоза, и им доставалось покушать. За работу уже платили, пусть и небольшие, деньги. Как-то сытнее стало.

Роман научился маркировать лес, вместе с десятниками его принимал, возил. Мастер участка на 32-м квартале Шегорин выделил ему бракованную лошадь по кличке «Герой», на которой Роман вместе с Петром Петровичем Пановым работали на береговой валке, трелевали лес. «Герой» был очень капризным, но Роман нашёл к нему подход. Позднее ему доверили других лошадей, назначили «зав. конобозом».

Всю войну Роман, Агафья, Карл и Ангелина проработали на лесозаготовках. Лес валили, сучки обрубали, шкурили, таборили, пилили, дома строили. Работали и на первичном сплаве: во время разлива рек водили плоты вниз по течению. Зачищали «ледянку» – ледяную дорожку, по которой возили лес, гружёный по 25 кубометров. Это было на 32-м, 39-м кварталах, Глухаринном, Нарзоке, Белой Речке, в Белом Яре, Заломном. Раскорчёвывали земли под личные и общественные огороды, выращивали картошку, помидоры, огурцы, собирали дикоросы. Было тяжело, холодно, голодно. Трудились порой без сна и отдыха. Но выдержали всё. И очень радовались окончанию войны.

Однако всех немцев ждало разочарование. Открепили от комендатуры «кулаков», а их с 1947 г. прикрепили к комендатуре. Заставили всех расписаться. Это означало, что они должны были регулярно проходить более 60 км и отмечаться в Чалково у коменданта, не имели права отлучаться и передвигаться без его разрешения. Коменданты встречались хорошие и плохие. Кто-то, например Чабанов, злобствовал, унижал и самих немцев, и членов их семей. Кто-то, например Алексей Яковлевич Макаров, Пётр Алексеевич Комаров, сочувствовал. Коменданты сами приезжали с проверкой, отмечали всех членов семьи. Открепили от комендатуры 2 февраля 1956 года. Несмотря на ограничение в передвижении, все жили дружно, трудились, радовались жизни, пели песни, любили, заводили семьи, рожали детей.

Жить стало чуть легче, так как ежемесячно выдавали аванс и зарплату. Семья Батц купила корову у «пекарихи» Макаровой на Заломном. Обзавелась другими домашними животными. Их везли на широких лодках, вели по кочкам, по гати (уложенным доскам «с перекидом»), по слани (уложенным брёвнам) из Заломного, с Бугра. Хлеба выделяли уже по 1 кг (по булке) на человека ежедневно. При-

обретя опыт, работали умело, выполняли на валке полторы-две нормы. Стремались заработать. За хорошую работу давали по 6 м белой ткани – миримистина. Когда в лесу работаешь, то «каждый сучок просит клочок». Агафья вспоминает, что, греясь у костра, сожгла две фуфайки. Когда работали на Заломном, то Бескупский привёз 4 кашемировых платья: 2 красных и 2 зелёных, а девчат было пятеро. Дал сначала примерить Агафьи и Ангелине, как самым лучшим работникам. Им достались зелёные платья. А пятой девушке Бескупский привёз из Колпашева платье в следующий раз.

За ходом работы постоянно наблюдало начальство, ходило днём по полянам, а вечером подводило итоги и разбирало, кто как работает. Через деляну от Агани работала другая немка – Ирма, у которой не получалось выполнять норму. Обнаружив это, Ирму сильно отругал начальник Бочкарёв, сменивший Бескупского. Обзывал нецензурной бранью, на которую был мастак. Агания же выполняла норму на 150 %. Как-то ей попалась «кудрявая» сосна, которую она никак не могла свалить. Подпилила, как положено, раскачивала 5-метровой вилкой, толкала с помощью плечеупора-стяга. Но сосна не поддавалась. От усталости села на снег, но услышала, как Виталий Иванович Матушак сказал, чтобы не сидела на снегу. Оглянувшись назад, увидела Матушак, Бочкарёва, специалистов по технике безопасности. Четыре мужика молча стояли и наблюдали, как девушка мучилась, но так и не помогли, пошли дальше. Однако Агафья справилась. Пока свалила, обрубил сучки, стаскала их в кучу, распилила, перевернула, домой пришла уже в 10 часов вечера. До 1949 г. Агафья работала на валке. От тяжёлой работы даже «скинула» своего первенца. Позже женщинам запретили работать одним, они стали валить вместе с мужчинами.

Роман продолжал рыбачить, охотился, сдавал пушнину, за которую получил кусок хрома, а сапожник Евтушенко на Бугре сшил ему сапоги. В Могочино на базаре купил себе костюм. В 1948 г. получил разрешение на поездку в Колпашево, где приобрёл первый велосипед, потом гармонь. Ангелине купили лёгкие кожаные сапожки, Агафье – ботинки с опушкой, Карлу – хромовые сапоги. Из отрезков ткани баба Катя шила кофточки, платья, рубашки.

В 1946 г. женится Карл. Он взял в жены Валентину Семёновну Плеснивую с двумя детьми, Александром и Николаем. Её муж Василий погиб на фронте. Их семья была сослана как кулаки. Вскоре у Карла и Валентины родился общий ребенок – Виктор

(25.12.1947–28.12.2008), затем родились ещё сын Леонид (28.05.1951) и дочь Галина (31.03.1954).

В 1947 г., отработав на валке день, все с 39-го и 32-го кварталов шли пешком более 30 км в ночь, в Заломное, чтобы в воскресенье проголосовать. Только бабушку Катю и мать Францизу везли на лошади. Проголосовав, возвращались домой пешком, а утром в понедельник снова вышли на работу.

В 1947 г. Ангелина вышла замуж за Ивана Евстигнеевича Федянина. Его семья была из ссыльных с Алтая, из «кулаков». В 1941 г. Иван ушёл добровольцем на фронт из Чалковского леспромхоза. В боях за границу был ранен в ногу и попал в плен. Через два года после окончания войны вернулся домой, работал мастером на сплаве. Во время сплава и познакомился с Ангелиной. Свекровь подарила тёлку, купили на Бугре поросят, которых перевели по болоту на 32-й квартал. У супругов родился сын Александр (16.08.1948 – 06.2006). Принимала его бабушка Катя, так как медика не было. Лишь изредка фельдшеры Фёдор Ермолаевич Юдин из Чалково и Лаврентий Павлович Коваленко из Белой Речки приходили лечить людей.

Агафья на 32-м квартале познакомилась с красивым гармонистом Иваном Кондратьевичем Клеустером, который жил в Чалкове. Жизнь его была похожа, как отражение в зеркале, на её судьбу. Родился он 7 июня 1930 г. в пос. Мариенбург Зельмановского района Саратовской области. В конце сентября 1941 г. всю его семью, как немцев, выслали сначала в Казахстан, потом в Сибирь. Работал в колхозах сначала в д. Старопокровка Ижморского района Кемеровской области, а с конца июля – в д. Новокороткино Колпашевского района, где, как и все колхозники, выполнял разную крестьянскую работу. В конце декабря семью отправили на лесозаготовки в Чалковский леспромхоз Колпашевского района. Здесь Иван Кондратьевич, как все ссыльные немцы, заготавливал лес, бегал нарочным. Летом и осенью работал на сплаве. Сплавлили лес по реке Корта первичным сплавом, когда она разливается. Не доходя 40 км до пос. Чалково, ставили перетяжку, чтобы лес не уплывал. Когда р. Корта входила в свои берега, то начинался вторичный сплав «мулём». Водили плоты из шпальника, т.е. леса для изготовления шпал, на Тогурский, Нарымский, Копыловский шпалозаводы. Отправляли в Могочино пиловочник, готовили для пароходов «цигары», т.е. пучки леса до 40 куб. м, сцепленные по 40–45 штук друг за другом. Делали зачистки – собирали по берегам рек оставшийся лес. Все эти

работы были трудоёмкими, порой непосильными и для здорового мужика, а их приходилось выполнять подросткам. Кажется, что ни рук, ни ног не чувствовали после работы, да ещё преследовало постоянное чувство голода.

Но как только в руках оказывалась гармонь, сил как будто прибавлялось. Молодые же были! Вечерами отдыхали, песни пели у костра. Своей гармошкой гармонист и приворожил Агафью. Когда в 1949 году поженились, их отправили на 39-й квартал заготовливать лес. Карла и Ангелину тоже. Они построили избушку, но проработали на месте всего год. Близко растущий лес закончился, поэтому снова всех вернули на 32-й квартал. 26 мая 1951 г. у Агафьи и Ивана родился первенец Виктор (26.05.1951–09.03.2008), затем сын Петр (30.11.1953), 19 сентября 1955 г. – дочь Агафья, 9 июля 1958 г. – сын Иван.

Ангальджа. В 1949 году вырубил лес рядом с 32-м кварталом, поэтому в 1949–1950 гг. на берегу речки Ангальджа стали строить мастерский участок Ангальджа. Река Ангальджа впадала в реку Корта у с. Бугор, расположенного в 12 км от Чалково. Корта, в свою очередь, впадала в Обь. Удобный вариант для сплава леса. Часть ссыльных немцев, в том числе и Романа с Карлом, перевели сюда работать с 32-го квартала во главе с мастером Виталием Ивановичем Матушаком. Жили сначала в шалашах и двух палатках. Спасались от комаров и мошки куском марли, пропитанной дёгтем и рыбьим жиром. Дёготь выдавали. Работа была тяжёлой, но знакомой: лес валить, обрубать сучки, шкурить, пилить, вытаскивать на лошадях к реке, таборить, готовить для первичного сплава и «мулём», сплавливать, водить плоты в Нарым, Тогур, Могочино. Снабжали страну лесом для разных нужд, в том числе для изготовления шпал для железных дорог. Зимой делали дорогу-ледянку, чтобы было легче возить лес. Её постоянно зачищали для гладкости. Позже от леса до речки построили «декавилку» – железную узкоколейку, по которой летом лошади тянули вагонетки (вагончики) с лесом, порой погружаясь в песок наполовину.

Одновременно с заготовкой леса начали строить Ангальджу. Первым строением стала баня, где на полке и спали работники, так как здесь было тепло. Затем построили контору, барак. В бараке за ситцевыми перегородками жили и одиночки, и семейные. Посреди помещения стояла металлическая сборно-разборная печь ярусами, возле которой обогрелись и сушили одежду. Вскоре, в 1950 г.,

разросшаяся семья Батц собралась в Ангальдже. Женщины наравне с мужчинами выполняли все работы. Агафья, хотя и была беременной, но от валки сначала не освобождалась: должна была заготавливать хотя бы 1 кубометр. Потом её отправили на лёгкий труд: топить сушилку, работала и в ночную смену.

Так как основную работу выполняли с помощью лошадей, то назначались ответственные за них. Конюхами работали Кузьма Иванович Раченко, Фрол Михайлович Медведев. Основная часть лошадей использовалась на подвозке леса. Подсобная группа привозила фураж из Чалково, куда он доставлялся пароходом из Колпашевского района. В Чалково фураж хранился до зимы, а по зимней дороге его перевозили в Ангальджу. С 1955–1956 гг. овёс стали привозить из Коломино. Рельсы для «декавилки», продукты, кирпич перевозили летом по реке на больших лодках-десятитонках, на вёслах которых сидели 6 человек. Кирпич делали вручную на участках Заломное и Глухариное, глину месили лошадьми, обжигали в ямах. Старшим на кирпичном мини-заводе был Александр Сушков. Там работала тётя Маруся Казимир. Роман в 1956 г. был назначен «зав. конобозом». Построили кузницу, где работали приезжавшие из Чалково кузнецы Фёдор Тимофеевич и Архип Тимофеевич Красноуховы. Десятники Василий Григорьевич Жданов и Владимир Иванович Мухин контролировали процесс валки и заготовки леса.

Когда началось строительство Ангальджи, то основную контору из Чалково в 1949–1950 гг. перевели в Заломное. Здесь начальником работал Александр Иванович Алексеев, бухгалтерами – Евгения Кондратьевна, Чебаевский. Счетоводом-кассиром была Надежда Бреус. Отсюда развозили заработанную плату по лесоучасткам, в том числе и в Ангальджу. Паёк уже не давали, а платили за работу деньгами, их выдавали два раза в месяц: аванс и зарплату. Больных принимали сначала в конторе, где их лечил приезжающий из Белой Речки медик Лаврентий Карпович Коваленко, обслуживавший Заломное, Белый Яр, 32-й квартал. Приезжала из Чалковской больницы и врач Вера Борисовна Суховерко. В 1951 г. был построен медпункт, где с августа уже работала фельдшером выпускница Шуйской фельдшерско-акушерской школы Валентина Михайловна Кабанова, направленная сюда по распределению. За стенкой медпункта организовали столовую, где поваром работала Маша Чемоданова. Медпункт должен был обслуживать несколько лесозаготовительных участков, находившихся на довольно значительном расстоянии друг от

друга. Добираться туда фельдшеру приходилось вместе с санитарками Таисьей Молоковой, Агафьей и Ангелиной пешком, на лошадях и даже на быках, верхом или в санях. Быки использовались как тягловая сила. На Подсобном стояло два домика, конюшня, где держали лошадей и быков для обозов и куда ходили работники с Бугра ухаживать за скотом, делать сани.

Население росло. По оргнабору привезли 150 добровольцев. Среди них были русские, белорусы, украинцы и представители других национальностей. Построили склад для продуктов, которые поставлял Тогурский ОРС, магазин, за стенкой – пекарню. Заведовала магазином Мария Дмитриевна Ворогушина, направленная из Тогурского ОРСа. Вскоре она вышла замуж за немца – Михаила Михайловича Маевского. Продавцом работал Беседин. Вкусный хлеб в пекарне пекли Дуся Терещенко и Тамара Чабанова (Рубаник). По-прежнему необходимо было передавать данные о лесозаготовках. Снова пришлось всем ссыльным немцам, в том числе и женщинам, поработать нарочными. Носили сведения за 40 км до Чалково. Затем установили рацию на батареях, на ней работали Михайловы, Петр Яковлевич со своей женой Тamarой, а также Анна Карнаухова (Плеснивая). Радиозузел был связан с Тогуром. В определённые часы утром, после обеда и вечером передавали сводки об объёмах проделанной работы. Люди жили, трудились, любили. Контингент в основном был молодой, и многие нашли свои половинки, завели семьи. Построили собственные дома, пусть и небольшие. Некоторые были размером 4,5 x 5 м. Стали рождаться и подрастать дети, и их надо было учить. А кто-то приезжал уже с детьми. Молодёжь перевозила на быках здание школы из Заломного. И зазвучали в ней детские звонкие голоса, которые проходили курс наук под руководством учителей Елизаветы Матвеевны Зайцевой и Зинаиды Ивановны Широковой.

Жители, среди них и члены семьи Батц, раскорчевывали землю, выращивали картофель, огурцы, морковь и другие овощи. Завели коров, свиней и другую живность, привозимую и переводимую с 32-го квартала, из Заломного, Белого Яра, Бугра, Чалкова. Владельцы домашнего скота обязаны были сдавать государству определённое количество мяса, масла, свиную шкуру. Принимал уполномоченный, приезжавший из д. Тайзаково и увозивший всё собранное в Колпашево. Без нужды не разрешали колоть скотину. Мужчины охотились на лосей, белок, тетеревов, глухарей. Пушнину сдавали по категори-

ям заготовителям Шадрину, Медведеву, приехавшим из д. Даниловка, расположенной выше Кузурова. За пушнину получали деньги, на которые закупали капсулы, патроны, дробь. Патроны заряжали сами. Дичи в лесу водилось много. Она была большим подспорьем в обеспечении семьи мясом. Белок сдавали: шкурки 1-й категории – по 5 руб, 2-й категории – по 4,50 руб. Роман с Карлом сдавали до 320 штук белок. Собирали грибы, орехи, ягоды как для собственного употребления, так и для сдачи. Рыбачили, ловили в озере шук, карасей.

Немцы, находившиеся на спецучете, регулярно ходили отмечаться в Чалково: Роман и Карл Батцы, Михаил Маевский, Роман Кауцц, Иван Клеустер, Егор Клестер (Клеустер), Иосиф Набунский и др. Коменданты Алексей Яковлевич Макаров, Пётр Алексеевич Комаров, Чабанов ездили раз в месяц сами по участкам и отмечали других членов семей. Но несмотря ни на что, немцы-переселенцы, любили жизнь. Отмечали советские праздники, их справляли всей деревней. За день могли обойти 3 дома и не выпить. Все были трезвенниками. Могли и пошалить. Был в деревне бык по кличке «Ванька», который жевал всякое бельё, которое женщины вывешивали сушиться на верёвках на улице. Мужчины напоили его водкой, бык проспался и перестал с того времени жевать вещи. А как молодые красивые парни развернут в клубе меха своих гармоней, тут уж ни одна девушка не могла устоять от соблазна попеть и поплясать. Да и сами гармонисты любили петь и русские, и украинские, и белорусские песни. И в песнях звучали радость и печаль. Женщины в свободное от работы время любили шить, вязать, вышивать, выбивать на машинке красивые воротнички, занавески, подзоры, постельное бельё и много другое, хотя освещением служили лучина, керосиновые лампы.

Здесь, на Ангальдже, Роман и женился. Первый брак оказался неудачным, и он распался. От него остался сын Володя (родился 2 сентября 1952 г). В семье Владимира родились две дочери, Ирина и Юлия, и сын Сергей. Растёт внучка Полина. Второй раз Роман женился в 1953 г. на фельдшере Валентине Михайловне Кабановой, приехавшей работать по направлению из Ивановской области. В браке родились две дочери, Галина (16.08.1954) и Ирина (15.03.1959). После регистрации брака в 1955 году Роман взял фамилию жены, чтобы она и дети не были ущемлены в правах и не поставлены на учёт в комендатуре. Но Валентина не раз испытала на себе унижения и оскорбления от коменданта Чабанова. Он людей не

уважал, обращался к ним: «Эй, ты...». В 1953 г. Романа за хорошую работу отправляли на слёт передовиков в г. Томск, но комендант Чабанов не отдал ему приглашение.

В 1954 г. Роман вместе с женой Валентиной задумали съездить к её родителям в г. Южу Ивановской области, так как Роман ещё не видел их. Но всё тот же комендант Чабанов не дал ему разрешение даже на поездку в Колпашево. Тогда Роман взял у заведующего Чалковской больницей, фельдшера Фёдора Ермолаевича Юдина, направление в Колпашевскую больницу. А сам пошёл в комендатуру Колпашево, где комендант дал ему разрешение съездить в г. Томск. Приехав в Томск, он добился встречи с полковником. Тот отнёсся со вниманием: расспросил, как дела, зачем едут. Роман сказал, что скоро должен ребёнок родиться, и он хочет повстречаться с тестем и тётшей. Полковник разрешил выезд, но только через г. Горький по северной дороге, так как через Москву ездить было ещё нельзя: вдруг задержат, будет много неприятностей. Но Роман очень хотел посмотреть Москву. Быть рядом и не побывать? Поэтому всё же взял билеты Томск – Москва и съездил в гости через столицу. Никто и нигде не остановил их. Вернувшись обратно в Томск, доложил полковнику о своём приезде и о маршруте, каким ездил. Полковник поругал его, ведь «если при проверках он попал бы в органы, то беды не обошлись бы».

Жизнь после снятия комендатуры. 2 февраля 1956 г. была отменена комендатура. Эту весть принёс в Ангальджу комендант Александр Терентьев. Часть спецпереселенцев, снявшись с учёта, выехали в другие области, а также в Чалково, в Тогур, Колпашево.

Карл Батц с семьёй уехал в совхоз Чингисы Новосибирской области, где трагически погиб 20 августа 1962 г. Валентина с детьми уехала в Дальнее Колпашевского р-на. Так как там была только начальная школа, то сыновей Лёшу и Виктора забрала к себе Ангелина, сначала в Чалково, а потом в Куржино. В 9–10 классах Леонид учился в Копыловке, жил на квартире. Два года, в 1969–1971 гг., служил в армии в Северске. Окончив в 1972 г. Томскую лесотехшколу, работал в Куржино мастером на верхнем, где готовили деловую древесину, и нижнем, где кряжевали, готовили лес для сплава, складах. В 1973 г. женился на Татьяне Агеевой (5.05.1955). В 1990-е гг. был директором малого предприятия, которое занималось заготовкой леса, дикоросов. Работал в сельском

совете. У него два сына, Алексей (4.03.1974) и Сергей (15.02.1976), и дочь Алёна (25.11.79).

Парни живут с семьями тоже в Куржино. Работали на вахтах, в настоящее время Сергей трудится старшим администратором сельского поселения, Алексей – рабочим в школе. Алёнка – парикмахер, имеет троих детей: Настя (26.03.1996), Ксения (30.05.1999), Дмитрий (19.03.2003). У Сергея тоже растут трое детей: Антон (4.11.1995), Маша (28.02.1998), Варвара (27.06.2013). У Алексея – сын Артём (5.06.1995) и дочь Маргарита (17.09.1992). Таким образом, у Леонида и жены Татьяны 3 внука и 5 внучек. Есть уже и правнук Кирилл (18.05.2012), сын Маргариты, юриста по образованию.

Виктор, окончив Тогурскую среднюю школу, поступил в Томское культпросветучилище по классу «баян». Заведовал клубом сначала в Дальнем, потом в Куржино. Избирался председателем сельского совета. В 1990-е годы организовал в Куржино свое предприятие по заготовке, переработке и реализации дикоросов: ягод, грибов, ореха. Дело его продолжили сын Игорь (20.03.1971) и дочь Татьяна (6.01.1974) с мужем Николаем. Игорь перебрался в г. Колпашево. У него сын Денис (3.11.1994), который служит в армии в Красноярском крае. Дочери Настя (7.10.1996) и Ирина (10.06.2001) ещё учатся. Татьяна переехала в г. Новосибирск. У неё растут дочь Виктория (6.12.1993) и сын Егор (23.01.2007). Но летом, когда наступает сезон сбора дикорастущих, Игорь и Татьяна с семьями приезжают в Куржино работать. Галина, окончив Колпашевское медучилище, работала по профессии. Дочь Оксана (23.10.75) окончила Российский государственный социальный университет по специальности «работа с населением», трудится в Молодёжном центре педагогом-организатором. Анна (16.05.1991) после окончания Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники работает в Администрации Колпашевского района специалистом по молодёжной политике и туризму. Оксанина дочь Екатерина (21.06.1997) учится в колледже при Томском государственном архитектурно-строительном университете по специальности «земельно-имущественные отношения».

Агафья с мужем Иваном Клеустером и детьми переехали в «Завьяловский» зерносовхоз Тогучинского района Новосибирской области. Агафья работала дояркой, а Иван выучился и стал механизатором. Однако рыбалка и охота, к которым пристрастился Иван Кондратьевич во время войны, так и манили его. Они вернулись

вновь к лесному производству. Переехали в Куржинский лесозаготовительный пункт (ЛЗП) Песчанинского леспромхоза, что находится в Колпашевском районе, где уже жили семьи Романа и Ангелины. Иван Кондратьевич работал трактористом, шофёром на лесовозе, на автобусе. Агафья трудилась санитаркой в медпункте. Одно время решили пожить в тёплых краях и уехали в Ташкент, однако там только погостили: Сибирь не хотела их отпускать. И в 1969 г. они вернулись в Колпашевский район, в Белояровский ЛЗП, где начальником был Роман (Рейнгольд) Батц. На лесозаготовительном пункте не только заготавливали лес, но и строили посёлок для лесозаготовителей. Куржинский, Белояровский, Пиковский (Дальненский) лесопункты входили в Тогурский лесопромышленный комплекс.

Дети Агафьи и Ивана, получившие среднее специальное образование, тоже связали свою жизнь с Белояровским ЛЗП. Сыновья Пётр и Иван, окончившие Томский лесотехникум, работали водителями на лесовозах. Иван Иванович прошёл в лесопункте путь от шофёра до начальника. Коллективы транспортного комплекса, верхнего склада, возглавляемые Иваном Ивановичем Клеустер, неоднократно признавались лучшими, а Петру и Ивану присваивалось звание победителя соцсоревнования. У Ивана «маленького» сыновья Ваня и Саша (близнецы 24.11.1986) работают механизаторами. Дочь Инна (5.05.1980) – продавец. Два внука, Данила (23.03.1998) и Леонид (23.05.2008), учатся в школе. Пётр в 1980-е гг. уехал в Красноярский край и до пенсии работал там на железной дороге. Сейчас живёт в Красноярске, там же, где и семья его сына Жени (19.09.1978) с внучкой Настей и внуком Владом. Женя, как и отец, работает на железной дороге.

Дочь Агания, окончив Колпашевское педучилище, работала заведующей детским садом, позже заведовала кадрами на Новосёловской лыжной фабрике Тогурского ЛПК. Её дочери, Света (28.10.1974) и Наташа (7.04.1977), выйдя замуж, так и остались жить в с. Новосёлово. Наталья работает продавцом, Света – специалистом в сбербанке г. Колпашево. У Агании «маленькой» три внучки: Соня (3.12.1993), Наташа (26.09.1996) и Катерина (20.11.1996). Все учатся в высших учебных заведениях г. Томска. Сейчас Агафья Карловна и Иван Кондратьевич живут в с. Тогур Колпашевского района, у них 3 внука, 3 внучки, 4 правнучки и 2 правнука. Здесь же – семьи «маленьких» Агании и Ивана, его сына Александра. Семьи внуков Ивана Кондратьевича, Вани и Инны, живут в г. Колпашево. Все рядышком.

Роман поддался уговорам жены и в августе 1956 г. уехал к её родителям в Ивановскую область, но только погостил у них, так как не смог там прижиться, и супруги вернулись через месяц назад. Роману нужен был простор, лес, река. В Ангальдже Роман и Валентина прожили вплоть до её закрытия в 1960 г. Стало невозможно заготавливать лес далеко от участка: местность болотистая, много речек, да и прикреплённые работники уехали. Участок закрыли, а рабочих перевели в Куржинский (Песчанинский) ЛЗП. Часть их разъехалась. Романа в Куржино назначили сначала завхозом, а в 1962 г. – мастером сплава. Здесь состоялась ещё одна встреча с бывшим комендантом Чабановым, который приехал устраиваться на работу. Начальник Фёдор Васильевич Желтоножко, узнав о том, как он издевался над ссыльными, предложил ему отомстить и поставить на низкооплачиваемую работу, но Роман не стал мстить. Прожив тяжёлую жизнь сам, он никогда не оставался глухим к чужой беде. Как мог, помогал всем. Не имея ни законченного общего, ни специального образования, прошёл путь от рабочего до начальника Пиковского ЛЗП (1966–1970 гг.), Белояровского ЛЗП (1970–1979 гг.) Колпашевского леспрмхоза, реорганизованного в Тогурский ЛПК. Работал старшим лесоводом Ёлтыревского лесничества, прорабом, мастером отдела капстроительства. Будучи на пенсии, он по просьбе не раз выходил на работу начальником Белояровского ЛЗП, чтобы передать свой опыт молодым специалистам. За добросовестный труд был награждён различными грамотами, медалью «Ветеран труда». Вырастил двоих дочерей, Галину и Ирину. Дал им высшее образование.

Младшая дочь Ирина окончила Омскую высшую школу милиции. Проработала более 30 лет заместителем начальника по воспитательной работе и кадрам в следственном изоляторе г. Колпашево. Ушла на пенсию в звании подполковника. Награждена медалями «За отличие в службе», серебряной медалью «За укрепление уголовно-исполнительной системы», «Ветеран труда». Две её дочери, Надежда и Любовь, близнецы (7.10.1979.), пошли по стопам мамы, имеют звания «капитан внутренней службы». Получив высшее юридическое образование, работают в той же системе, где и Ирина. У неё три внуки: Юлия (30.10.1998), Алина (6.07.2005), Анжела (12.12.2007) и один внук – Максим (18.11.2013).

Старшая дочь Галина, автор данной статьи, после окончания исторического факультета Томского государственного университета

более 30 лет учила детей, около 20 лет работала директором Бело-ярской школы. За добросовестный труд награждена грамотой Министерства образования, ей присвоено звание «Ветеран труда». Она вырастила дочь и сына. Дочь Елена (14.05.1972) окончила Томский государственный университет, экономист, банковский работник. Сын Роман (2.03.1975–16.06.2004), получив профессию бурильщика, работал помощником бурильщика на буровой. Внучка Настя (28.01.1994) получает высшее экономическое образование в Томском государственном педагогическом университете. Внук Алексей (18.07.1995) тоже стал бурильщиком. Сейчас служит в сапёрных войсках Российской Армии.

Натруженное сердце Романа Карловича перестало биться 21 декабря 2005 г. Но память о нём как о хорошем человеке и друге живёт до сих пор в тех, кто его знал. Похоронен он в г. Колпашево рядом с внуком Романом.

Ангелина после отмены спецучета в апреле 1956 г. перешла работать санитаркой в медпункт, где и трудилась до закрытия Ангальджи в 1960 г. Затем она вместе с матерью Францюзой, бабушкой Катей и со своей семьёй переехала в Чалково, переведя туда же домашних животных. Устроилась работать помощником пекаря. Приобретя опыт работы, стала пекарем. Трудилась вместе с Тамарой Рубаник. Пекарня стояла почти на берегу, поэтому, когда приходили пароходы, выбегали смотреть на них. Пароход подавал сигналы, а люди махали, что-то кричали вслед. Иногда весной из-за плывущих льдин пароход не мог пристать к берегу. Муж Ангелины, Иван Евстигнеевич Федянин, работал мастером на сплаве, а зимой на заготовке леса. Сын Александр ходил в среднюю школу вместе с двоюродными братьями Лёшей и Витей Батц, которые тоже жили в семье Ангелины после смерти своего отца Карла. Похоронив в мае 1963 г. бабу Катю по немецкому обычаю, т.е. поставив крест в голове усопшей, Ангелина и Иван решили перебраться поближе к брату и сестре, в Куржино. Муж Иван, как и прежде, работал в лесопункте на валке, на сплаве, а Ангелина – сторожем, няней в детском саду. С марта 1974-го она работала уборщицей-истопником в небольшом здании местного аэропорта: в Куржино летали небольшие самолёты, прилетали вертолёты. Здесь она отработала двадцать лет.

Сын Александр, окончив среднюю школу в Копыловке, учился в Томске на сварщика. Служил в армии, службу проходил в Герма-

нии. Вернулся в Куржино, где работал мастером на лесозаготовках. Избирался председателем сельского совета и проработал на этой должности около 10 лет. Женился на фельдшере – татарочке Розе (Равзе Сирогодиновне). У него подрастали трое детей, чтобы не отдавать их в школу-интернат, Александр выстроил дом в Колпашево и перевёз туда семью.

Сын Андрей (18.02.1971), получив рабочую профессию, тоже связал себя с лесной отраслью. У него две дочери: Валерия (14.09.2003) и Елизавета (25.05.2008). Дочь Александра, Елена (10.06.1972), окончив Томский политехнический университет, осталась работать там преподавателем. Вышла замуж, родила двоих сыновей: Александра (30.07.1992) и Максима (4.09.1999). Стала уже и бабушкой: у сына Александра 11 ноября 2013 года родилась дочь Алиса. Младшая дочь Александра, Ольга, юрист по образованию, окончила Новосибирский государственный аграрный университет, тоже живёт и работает в Томске. У неё растут сын Дима (9.04.2000) и дочь Виктория (23.12.2010).

Ангелина, похоронив в 1978 г. мужа Ивана, а в 1979 г. – мать Францизу, жила ещё какое-то время в Куржино, а потом переехала к сыну Александру в Колпашево, где и ушла из жизни. Похоронена в пос. Тогур рядом с сыном Александром.

Управлением внутренних дел г. Томска пересмотрены материалы по обвинению членов семьи Батц как лиц немецкой национальности, выселенных в 1941 г. из Сталинской области в Томскую, снятых с учёта спецпоселения 2 февраля 1956 г. Все они реабилитированы на основе Закона РСФСР «О реабилитации жертв политический репрессий» от 18 октября 1991 года, согласно ст. 3 п. «В». За добросовестный труд в невероятно тяжёлых условиях в период Великой Отечественной войны Ангелина, Карл, Роман, Агафья награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Им присвоено звание «Ветеран войны», а за труд в мирное время – «Ветеран труда». Привычка трудиться с детских лет не позволяла им сидеть сложа руки. Уйдя на пенсию, они продолжали вести домашнее хозяйство, косить сено, работать в огороде, выращивать овощи. По жизни они шли скромными «трудоголиками». Когда же собирались вместе по праздникам, Иван Кондратьевич брал в руки гармонь, и все распевали разные песни.

Попав не по своей воле в Сибирь, члены семьи Батц связали с ней всю свою дальнейшую жизнь. Пробовали поменять место жительства, но все вернулись в Колпашевский район. Сибирь не отпускала их. Здесь обрели свои семьи сами, их дети и внуки. И все приросли корнями к этой студёной земле. Найдя своё предназначение, работают в разных областях. И хочется, чтобы все они помнили о тех испытаниях, что перенесли их родители, бабушки и дедушки, ту тягу к жизни, благодаря которой не растеряли своих лучших качеств, ту доброту и уважение к человеку, которые не измеряются деньгами.

Г.Р. Малахова

ЧУДЕС НА СВЕТЕ НЕ БЫВАЕТ, И ЮНОСТЬ НЕ ВЕРНУТЬ НАЗАД

**(о семье Романа Васильевича (Рейнгольда Вильгельмовича)
Каутца)**

Из воспоминаний Рейнгольда и Аделины Каутц. 16 марта 2016 г. Роман Васильевич (Рейнгольд Вильгельмович) Каутц отметил бы свой 84-й год рождения. Этот праздник он отмечал дважды. Год рождения по паспорту – 1933-й, фактически же он родился 16 марта 1932 г. В тяжёлые военные годы его мама исправила дату рождения. Родился он в селе Ново-Орловка Орджоникидзевского района Сталинской (Донецкой области) в дружной и крепкой семье.

Мать – Каутц Берга (Вера) Эммануиловна (11.05.1902 – 08.1978/1979).

Отец – Каутц Вильгельм (Василий) Христя(иа)нович (14.09.1894/1895) – 1938).

Сын – Каутц Вильгельм (Василий) Вильгельмович (21.12.1925/1926 – 18.10.1953).

Дочь – Каутц Аделина (Нина) (10.01.1930/1931– 02.10.2002).

Сын – Каутц Роман (Рейнгольд) Вильгельмович – (16.03.1932/1933) – 17.12.2014).

Рейнгольд рано привык к труду, так как родители держали большое хозяйство: две коровы, свиньи, овцы, куры, голуби. Мать к свадьбе получила корову, а отец – кобылу. Коров кормили кукурузой, соломой. Початками кукурузы и сами любили лакомиться. Свиней кормили тыквой, зерном, яблоками, так как картошки было мало. После забоя скота из мяса делали домашнюю колбасу. Дедушка был мастером по её приготовлению. Для доведения до готовности колбасы развешивали на крыше в трубе.

Взрослые работали в колхозе «Имени Молотова», в который вступили в 1930 г. В колхозе была водяная мельница. Дети помогали и дома, и в колхозе. В свободное время играли в мячик, чижика, салки. Зимой катались на коньках – деревянных болванках, подбитых железными полосками по длине конька. Санки были тоже деревянными.

Обувь – самодельная. Бурки детям шили из старых пальто и надевали на них калоши. Валенки покупали тем мужчинам, которые ездили за углём для отопления. Топили печи соломой, стеблями подсолнухов, их выращивали много. Огонь не тушили, а поддерживали углём. Лес не разрешали рубить, так как его было мало. Зато, по воспоминаниям сестры Аделины (Нины), имелся большой сад, где росли груши, абрикосы, вишни, сливы, крыжовник, яблоки (летние – краснощёкие, а зимние – зелёные, крупные). И сюда не раз бегали ребяташки. Ходили в 7-летнюю школу-интернат. С 5-го класса изучали украинский, русский, немецкий, латинский языки. Летом дети отдыхали в пионерском лагере, помещения для девочек и мальчиков были отдельными. Под горой, под навесом дети ели, а играли на цементированной площадке. Утром делали зарядку. Чай заваривали из собранных трав, а кофе готовили из ячменя, который обжаривали.

Дома разговаривали по-немецки, многие буквы не договаривали. Все артикли были одинаковыми – *de*. Родители имели каменный дом под крышей, крытой железом, во дворе находился колодец. Кроме каменных домов, в деревне стояли и саманные, сделанные из глины, соломы и навоза. Жили бедно: деревянные кровати и шкаф для одежды, диван, на кухне висел деревянный шкаф для посуды. Праздновали Новый год по немецким и русским традициям, а Рождество – по-католически. Ставили на стол прутья, которые наряжали деревянными, стеклянными, бумажными игрушками. Вероисповедание было лютеранским. На стене висело распятие. Когда ложились спать, руки складывали «в замок» и трижды читали молитвы. До 1930 г. в деревне, в которой жили одни немцы, была церковь, но впоследствии в ней открыли клуб. Новорождённых крестили в церкви, а когда её закрыли, то детей бабушки стали «погружать», что символизировало крещение. В соседних деревнях тоже жили немцы, их называли «швабами». Соседи по деревням не понимали друг друга, так как разговаривали на разных диалектах. В соседних русских деревнях на ткацких станках ткали ткань, которую немцы покупали и шили из неё одежду. меховой зимней одежды не было. В холодную погоду надевали покупное пальто, большие шерстяные платки, пропуская под руками, завязывали узлом сзади, а маленькие платки – узлом спереди.

В начале 1937 г. отца, Вильгельма Христиановича Каутца, уроженца и жителя колонии Ново-Орловка Мало-Орловского сельского совета Чистяковского района Донецкой области, забрали и посадили

в тюрьму как «кулака», но вскоре выпустили. Однако 18 декабря 1937 г. отец, работавший в колхозе конюхом, был снова арестован по необоснованному обвинению в проведении среди населения фашистской повстанческой пропаганды. Он был расстрелян 15 января 1938 г., а Определением № 1045н66 судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда УССР от 03.01.1967 реабилитирован. Вместе с ним были арестованы и другие немцы, в том числе и брат матери Романа – Эммануил Эммануилович Каутц, который тоже погиб, но «похоронки», т.е. свидетельства о его смерти, не было. Места их захоронений не известны.

Роман вместе со своей сестрой Аделиной работали в колхозе, на волокуше возили солому. Аделина подведёт коня к волокуше, женщины запрягут его, а Роман подвозил солому к скирде. В 1940 г. была сильная засуха, хлеб не уродился. Продавали масло, яйца, но хлеб не покупали, пекли сами из того, что было в доме.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. круто изменила жизнь немецких семей. Уже бомбили Орджоникидзе (после 1943 г. Енакиеве Донецкой обл.), который был в 18 км от их деревни. Приходилось заклеивать окна бумагой крест на крест, чтобы не вылетали и не трескались стёкла от сильных бомбовых ударов. Все белёные хаты заставили замазать сажей.

30 сентября 1941 г. пришли представители милиции и сообщили об эвакуации всех немцев из деревни в Казахстан. Сказали, чтоб собирали вещи, не более 20 кг на человека, а утром обещали увезти всех к поезду. Через несколько дней посадили на подводы и повезли в Казахстан. Вместе с семьёй Романа были эвакуированы родственники: родные сёстры матери Берты с детьми и внуками, а также дети и внуки её расстрелянного в 1938 г. брата Эммануила.

Сестра Ольга Эммануиловна Дубгорн (в девичестве Каутц, 1910 г. рождения) до 1980 года проживала в г. Белово Кемеровской области, затем выехала в Германию, где и умерла в 1980 (1982?) г. Сестра Лина Эммануиловна Литке (Каутц) отправилась в дорогу вместе с четырьмя детьми и внуками. Дочь Лена (по мужу Пузанова), поехала вместе с пятерыми детьми: Антоном, Сашей, Надей, Леной, Володей. Её муж Вильгельм (Василий) был взят в трудармию, где и погиб. Дочь Мирта (Вера) Вульф была выслана с тремя детьми: Розой, Андреем и Василием. Дочь Лилия, 1938 года рождения, умерла от голода в 1941 г. Сын Артур (1934 г. р.) также отправился с родственниками в Казахстан.

Племянник Иоганес (Иван) Каутц в 1941 г. был взят в трудармию, но в июле (августе) оказался сначала в Новосибирской области, а потом – в Колпашевском районе. Его дети: Лида, Николай, Саша были высланы вместе с семьёй матери Романа – Берты Каутц. Вместе с племянником Вильгельмом (Василием) Эммануиловичем Каутцем были сосланы шестеро его детей, двое из них погибли. Память родственников сохранила имена только двоих из оставшихся в живых детей – Яков и Елена. У племянницы Розы Эммануиловны Каутц (1928 г. р.) дети родились уже на поселении: Лилия (1950 г. р.), Владимир (1954 г. р.), который работал кузнецом. Дети так и остались жить в Колпашевском районе. У Лилии родились дочери Света и Елена, а у Владимира – сын Алексей и дочь. Племянник Гука Эммануилович Каутц имел 6 или 7 детей. Сослал и племянницу Фриду Эммануиловну Каутц (1930 г. р.).

В 1990-е годы Иоганес Эммануилович, Вильгельм Эммануилович, Гука Эммануилович, Фрида Эммануиловна и Ольга Эммануиловна выехали из Сибири на жительство в Германию.

Брата Романа, в августе 1941 г. забрали в трудармию. Там он сильно заболел, и его отправили к семье, на лесоразработки в Колпашевский район.

Из воспоминаний Аделины (Нины) Каутц. В телячьих вагонах привезли в Казахстан, но так как туда уже прибыло много высланных немцев и размещать всех было некуда, эшелон отправили в Новосибирск. Поезд остановился на станции «Промышленная». Три дня жили на вокзале. Питались тем, что взяли из дома, иногда в столовой давали похлёбку. Затем всех расселили по колхозам. Местные жители говорили: «немцев везут». Вся большая семья Каутц вместе с родственниками попала в д. Титово Титовского района (колхоз «Боец» или «Красное Знамя»). Поселили в квартире, разделённой на две части. В одной половине жили хозяева, в другой – они. Хозяйка отнеслась хорошо, делилась с постояльцами тем, что и сама ела. Аделина вспоминает, как с удовольствием ела сладкую брюкву, которой её угостила хозяйская дочь, говорила маме, что она похожа на белую свеклу. Так зиму и прожили. Потом переселились в «кулацкий» дом, где 5 семей жили в одной комнате, так как была большая проблема с дровами. Затем всей кучей переселились в другой дом. Кто мог, работал в колхозе: и взрослые, и дети. Зиму прожили. Весной выделили землю, на ней посадили картошку, которую выменяли на привезённые с собой вещи. С нетерпением ждали урожая.

Но в июле 1942 г. семьям, в которых были взрослые дети, способные работать, вновь было приказано собираться для отправки на лесозаготовки, дальше в Сибирь. Привезли в Колпашево. Три дня прожили на речном вокзале. Затем распределили в деревню Херсонка, колхоз «Старо-Абрамкино». Расселили по квартирам. Семья Каутцев попала к Жуковым. Люди были хорошие. Хозяйка работала телятницей. С её легкой руки Аделину, сестру Романа, стали звать Ниной. Нина помогала хозяйке носить молоко через мост на стоянку, за что получала баночку молока. Осенью занимались копать картошку к местным жителям, получая её же в качестве оплаты. В декабре 1942 г. вновь приказали семье Берты Каутц с детьми, Романом, Василием и Ниной, собраться и повезли в Заломное Чалковского леспромхоза (Кузуровского сельского совета) валить лес. Остальные родственники Каутц остались в Херсонке.

На Заломном рыбачили, корчевали лес, расчищали землю под огород, сажали картошку, собирали ягоду. В январе 1943 г. Аделину забрала к себе оставшаяся в колхозе «Старо-Абрамкино» тётка Ольга, которая работала пастухом в «Заготскоте». Летом они вместе пасли телят. Осенью тётя пешком гнала телят, свиней в Колпашево, чтобы гуртом сдать на мясокомбинат. Когда приходили в Колпашево, то приходилось ждать 1–2 месяца, пока не примут животных. По пути останавливались через каждые 15 км на отдых. Животных пересчитывали и загоняли в какой-нибудь сарай или загон. Утром снова их пересчитали и отправлялись дальше. Шли через деревни Старо-Абрамкино – Сугот – Сергушино – Чажемто – Могильный Мыс – через речку перебирилась в Озёрное. Однажды в 1945 г. в пути сбегало 6 свиней. Не трогались, искали их, а они паслись на лугах. Незнакомый мужчина их обнаружил, но отдал только четырёх свиней. Ольге пришлось возместить потерю своим свиньями, но она всё-таки была осуждена за «халатность» и посажена в тюрьму на 1,5 года. Отбывала срок в Белово Кемеровской области.

Аделина осталась одна, пасла скот вместо тёти. Ходила в школу в д. Тайзаково, которая находилась в 3 км от Заготскота и в 15 км от Абрамкино. Рядом располагались деревни Новосондрово, Старосондрово, Карагасово. Через речку – Новоильинка, Чугунка, Селекционная. По зимнику возвращались из Колпашева через Новоильинку – Карагасово – Тискино – Старосондрово – Новосондрово – Заготскот. За Ангелиной пришла мама Берта, хотела забрать её, но заведующая «Заготскотом» Екатерина Власова уговорила её оставить

дочь, так как здесь было сытнее, чем на лесопункте. Обещала присматривать за девочкой. Так и жила Нина одна и пасла скот с 1945 по 1951 г.

Находилась на учете в комендатуре, как и другие немцы, ежемесежно отмечалась у коменданта Михаила Комарова. Он настоял, чтобы Аделина переехала к своей семье. В мае 1951 г. она купила обласок, села в него и поплыла одна сначала по старице, потом по реке Обь до Чалково. На одном из поворотов навстречу вышел пароход. Поднялась большая волна, которая чуть не захлестнула обласок. Пришлось повернуть к берегу. Когда река успокоилась, Аделина поплыла дальше. Прибыв в Чалково, хотела плыть по реке Корта дальше, но её не пустили знакомые, у которых она и переночевала. Утром вновь поплыла по реке Корта до дер. Камень, где прожила 3 дня, так как на речке поднялась сильная волна. Из Камня на обласке доплыла до Глухариного. Ночевала у тёти Груни, у которой в 1942 г. работала нянькой. Так доплыла до Белого Яра, где оставила обласок. Потом шла пешком 10 км с Нюрой Шмаковой и Нюрой Рубейко до Заломного. Наконец, попала к своим. Кто знает, что такое обласок, тот может представить себе путь Нины на нём.

Немного отдохнула и пошла работать на кирпичный завод. Накидывала глину, месила её, гоняя коня по кругу. А с середины июля отправили на покос за дер. Камень, где жили до октября. Там косили, прессовали траву и крутили из неё тюки по 25 кг. Потом эти тюки в большой лодке перевозили в Ангальджу. Там, где нельзя было плыть на лодках, тащили их «бечевой» по воде, а сами шли по берегу, как бурлаки. При этом не унывали, пели песни, которые помогали в трудные минуты. Приехали в Ангальджу, да здесь и остались, так как это был новый лесоучасток, куда переехали жители с закрытых лесоучастков: Заломного, 32-го квартала и Белой Речки. Сплавучасток Белый Яр тоже закрыли и перевели в Чалково.

В Ангальдже Аделина прожила с 1951 по 1959 г. Работала на валке леса. Валила лес поперечной, лучковой пилами, позже маркировала брёвна (измеряла диаметр бревна и стамеской выбивала его с торца бревна). С 1954 г. запретили использовать женский труд на валке леса. В производстве стали применять электропилу: устанавливали станцию, растягивали кабель по лесу, и мужчины валили лес. Работали также и приезжающие зимой из Чалково колхозники. Женщины обрубали сучья, отгребали зимой снег от лесин. Позднее валили лес появившейся пилой «Дружба». Заготовленный лес увози-

ли на лошадях на сплот-станок. Здесь лес маркировали по диаметру, лебедкой пучковали, пучки отправляли по реке, затем развязывали и пускали на сортировку. Бревно плывёт, а его по маркировке подразделяют на категории: дрова, шпалы, крепёж – и отправляют в разные «кошельки»-карманы. Затем в этих кошельках лес связывали в «цигары» (в пучки, друг за другом). Приходил по реке Корта буксир и вводил эти «цигары» на Рейд, Шпальную, в пос. Тогур Колпашевского района, до с. Могочино, где стояли лесозаводы. На сплаве работали до осени.

Семейная жизнь Аделины не задалась, но 1 декабря (в метриках записано 4 декабря) 1954 г. в Ангальдже родилась дочь Надежда. В 1959 г. Аделина с дочерью уехала в совхоз под Новосибирском, затем в Ленинск-Кузнецкий, где работала на строительстве железных дорог, на укладке рельсов и шпал. Однако через два месяца вернулась в Чалково, а в 1961 г. переехала в Куржино, где проработала до 1981 г. Работала на огрѣбке леса, отгребала снег от лесин, передвигаясь на лыжах от дерева к дереву, а то и пешком, по пояс в глубоком снегу. Вечером выходили из леса все мокрые. Ехали домой на открытой машине. Замерзали так, что зуб на зуб не попадал. Кое-как отогревались у печек в столовой. К тому же Аделина всю жизнь держала своё хозяйство, поэтому приходилось и с ним управляться. Несмотря на усталость, молодость всё же брала своё: и одинокие, и семейные ходили в кино, на танцы. Сами устраивали концерты. Праздники отмечали компаниями. Отпусков не знали.

Дочь Аделины, Надежда Викторовна, после окончания Колпашевского медучилища уехала в г. Томск, где работала по специальности. Там же вышла замуж и родила двоих детей: Романа (25.01.1980) и Елену (5.07.1983). Оба имеют высшее образование. Роман окончил спортивный факультет Томского государственного педагогического университета. Работает в охранном предприятии. Елена, получив юридическое образование, трудится в правоохранительных органах, работает с подростками. У Романа две дочки: Соня (08.08.2008) и Злата (10.04.2016). У Елены два сына: Егор (03.03.2002) и Влад (20.02.2016). Все работают и живут в городе Томске.

Когда Аделина заболела и не могла уже передвигаться, дочь Надежда забрала её из дер. Куржино к себе в город. Умерла и похоронена Аделина в Томске.

Из воспоминаний Романа (Рейнгольда) Каутца. После того, как в 1942 г. его с семьёй отправили из Новосибирска в колхоз «Старо-Абрамкино» (дер. Херсонка, рядом с которой, через лог, находилась дер. Малиновка), вместе с другими подростками выполнял в колхозе посильную работу. В сентябре пошёл в школу. Но в декабре его и семью (мать, сестру и брата) отправили на лошадях на лесозаготовительный участок Заломное Чалковского леспромхоза (Кузуровский сельский совет). С 1951 г. жили на участке Ангальджа до его закрытия в 1961 г.

Устраивали жизнь, как все ссыльные немцы. Было трудно, голодно и холодно после тёплых краёв, но нужно было мириться и приспособливаться к местным условиям. Научились ловить рыбу, собирали ягоды, орехи, лесной чеснок – колбу. Периодически ходили отмечаться у коменданта в Чалково. Роману и Аделине приходилось бегать нарочными с 32-го участка, Заломного, Ангальджи, где занимались лесозаготовками, передавать сведения о выполненных нормах. Зимой работали на заготовке леса, весной его сплавляли. На верхнем складе лес валили, обрубали сучья и возили на лошадях на нижний склад (на берег), где древесину готовили для сплава. Плавил мулём по р. Корга на Рейд, расположенный в 15 км от Чалково. При сплаве стояли в пикетах и следили, чтобы не образовывался затор. А если лес вставал, то его растаскивали, что было очень опасно. На Рейде вязали маленькие плоты, по 10 кубометров, и выводили их мотолодками Л-3 и Л-6 в устье Корты и далее в Чалково. Там брёвнам давали обсохнуть, развязывали их, сортировали: пиловочник, шпальник, крепёж, дрова, делали из них большие пучки по 15–20 кубометров, которые забирал пароход. Он вёл эти плоты по реке Обь в Тогур, Могочино, Нарым.

В Ангальдже в 1953 г. брат Романа, Вильгельм (Василий), ушёл в лес с ружьём охотиться, но так и не вернулся. Он передвигался с трудом, так как одна нога была парализована. Искали его всем участком несколько дней, но так и не нашли. Пропал где-то в лесу.

В Ангальдже Роман женился, в жены взял Александру (8.12.1936–25.10.1987) с сынишкой Иваном, а 30 ноября 1958 г. у супругов родилась дочь Валентина. После закрытия Ангальджи переехали в Чалково, где Роман работал на сплавушке. Здесь 6 ноября 1960 года родилась ещё одна дочь – Люба. После закрытия Чалковского леспромхоза Романа перевели на лесоучасток в Куржино, относившийся к Песчанинскому лесозаготовительному пункту

(ЛЗП). Здесь он работал на нижнем складе. В Куржино 17 мая 1963 г. родилась ещё одна дочь – Ольга (умерла 19.05.2008). Живя в Куржино и зная, что теперь никто не может держать его в Сибири, Роман мечтал о том, чтобы его дети жили в тёплых краях и вдоволь ели фруктов, как он сам в детстве. И он решил исполнить свою мечту: вместе с семьёй уехал в Узбекистан. Но Сибирь как будто привязала его к себе. Вернулся к друзьям, но уже в Белояровский лесопункт Тогурского лесопромышленного комбината (ЛПК), где начальником работал его земляк Роман Карлович Кабанов (Рейнгольд Карлович Батц). Сначала работал на обрубке сучьев, затем ремонтировал цепи для электропил, предназначенных для валки леса. Вышел на пенсию. Постоянно с женой Александрой держал своё хозяйство, которое требовало большой отдачи сил. Помогали подросшие дети. К сожалению, жена рано умерла от сахарного диабета, в возрасте чуть более 50 лет. Роман больше не женился. Пока была жива младшая дочь Ольга, жил с ней.

Дочери тоже остались жить в Белояровке, где и вышли замуж. Валентина, окончив Томский педагогический институт, трудилась в Белояровской основной школе сначала воспитателем в интернате, потом вела уроки математики и географии, а с 1990 по 2015 г. работала учителем начальных классов. Ольга работала продавцом, Люба трудилась в Доме культуры. Единственная дочь Валентины, Майя Романовна (25.07.1982), получив после окончания Колпашевского медучилища профессию фельдшера-акушера, работает заведующей фельдшерским пунктом в с. Рассвет Томского района, что недалеко от Томска. Вышла замуж, родила сына Назара (10.01.2010). У Любы – две дочери и сын. Старшая дочь Катерина (26.01.1983) после окончания Томского колледжа культуры работает в центральной библиотеке г. Колпашево. У неё растут дочь Ольга (25.04.2002) и сын Фёдор (23.06.2014). Младшая дочь Любы, Александра (06.03.1991), после окончания фельдшерско-акушерского факультета Колпашевского медучилища работает медсестрой в хирургическом отделении Колпашевской горбольницы. Родила дочь Варвару (31.07.2012). Сын Андрей, окончив Колпашевское училище № 29 по профессии «тяжёлая техника», работает на вездеходе. Таким образом, род Романа Васильевича продолжают три внучки, внук, два правнука и две правнучки. Все три внучки замужем, воспитывают своих детей. Дед Роман очень любил своих детей, внуков и правнуков. Постоянно с кем-нибудь гулял, играл, ходил на рыбалку. Пока

ноги передвигались, он постоянно рыбачил. Но в последний год жизни из-за проблем с позвоночником ноги перестали его слушаться. Тогда деда Романа забрала к себе его дочь Валентина. Он так и не смог встать. Похоронен в Белояровке.

Пройдя все испытания, выпавшие на их долю, Роман и Аделина не потеряли чувства человеческого достоинства. Они любили, дружили, радовались малому и большому, помогали друг другу и честно работали. Их реабилитировали, а за добросовестный труд в годы Великой Отечественной войны Роман (Рейнгольд) Вильгельмович и Аделина (Нина) Вильгельмовна награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Им обоим присвоено звание «Ветеран войны», а за труд в мирное время – «Ветеран труда».

НОВОСЕЛОВО

О.М. Рындина

УРОЖЕНКА НЕМЕЦКОЙ СЛОБОДЫ*

(о Коноваловой (Райс) Марии Давыдовне)

Мария Давыдовна родилась в 1956 г. в селе Тогур, а её родители родом из Поволжья. Мать, Виктория Михайловна Райс (Карп), родилась в 1923 г. в селе Зельман Зельманского района Саратовской области. Её родители жили не богато, но в достатке: имели одноэтажный дом, большое хозяйство, сад, бахчу. Много выращивали арбузов и солили их на зиму. Виктория окончила 5 классов, училась хорошо, особенно по математике. В школе преподавали по-немецки, и русского языка девочка совсем не знала. Когда ей исполнилось 12 лет, умер отец, Михаил Иванович Карп, и Виктория стала главной помощницей матери, так как была старшей среди детей. Пришлось бросить школу и пойти в няньки. Мать работала в колхозе.

В 1941 г. её с тремя детьми, Викторией, Марией и Иваном, насильно переселили в Сибирь. Привезли в Томск, откуда переправили в Нарым. В 1945 г. мать с дочерьми переселили в Тогур. Один или два года работали на рыбокомбинате, а затем были переведены на лесопромышленный комбинат. Здесь Виктория работала мотористом бревнотаски на складе сырья. Подружилась с Дорой Райс, а через неё – с её братом Давыдом, который сопровождал и разбирал плоты, т. е. работал расшлаговщиком на том же комбинате.

Родители Давыда, Иван Кондратьевич и Екатерина Кондратьевна Райс, родились в одном и том же селе – Беккердорф Марксштадтского района Саратовской области – соответственно в 1896 и 1886 гг. Очевидно, семья Райс жила зажиточно, по крайней мере Мария Давыдовна помнит, как дедушка хвалился, что его семья жила лучше, чем семья Карп. У Райсов их росло двенадцать детей, но девять из них умерли в Поволжье, и в Сибирь с матерью отправили троих. Привезли в Томск, откуда направили в Тогур. Сына Давыда забрали в тру-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

дармию, и к родным он приехал после освобождения из неё. Так семья Райс оказалась в Тогуре.

Здесь немцев-переселенцев селили в барак, который прозвали «Берлином». Часть из них работала в колхозе имени «8 Марта», часть – в лесной, часть – в рыбной отрасли. Со временем сами переселенцы начали строить дома на улице Шпальной, где и сформировалась своеобразная «немецкая слобода». Часть этих домов сохранилась и по сей день. Здесь жили немецкие семьи с фамилиями Шнайдер, Райс, Фурман, Вайс, Бредер, Рау. На праздники и дни рождения обязательно ходили друг к другу в гости, поздравляли. Ребятишки, играя на улице, общались друг с другом, как и дома, на немецком языке. В семье Райс говорили на Hochdeutsch, т.е. на верхненемецком диалекте. Отправляясь в школу, дети практически не знали русского языка. На Шпальной, как в культурном заповеднике, лучше сохранялись этнические традиции, вкрапленные в детские воспоминания Марии Давыдовны. После снятия с учета спецкомендатуры многие уехали, главным образом в Казахстан.

В семье Райс были строгие нравы: к родителям обращались на «Вы», при появлении гостей дети уходили в другую комнату, сидеть за столом со взрослыми им не полагалось, гулять на улице разрешалось строго до определённого времени: тем, кто помладше, – до 8–9 часов вечера, постарше – до 10 часов. Вставать приходилось рано, в 5 часов утра, поскольку нужно было помогать управляться со скотом: мать работала в третью смену. В трудовые обязанности входила и работа на больших, размером до 10 соток, огородах, которые копали вручную, пололи. Тех, кто постарше, летом обязательно отправляли на покосы, лов рыбы. Обязательно рукодельничали: мальчики что-либо мастерили из дерева своими руками, помогая взрослым, а девочки шили.

Сохранялась и праздничная культура. На Рождество, 25 декабря, «прилетал ангел», т.е. приходила женщина, одетая в белое, с прутиком. Боясь прутика, ребятишки прятались под стол, кровать, но им «угощали» лишь тех, кто не слушался родителей в течение года, а послушным раздавали подарки. На Новый год ходили славить и благопожелания произносили только на немецком языке. Перед Пасхой дети клали у порога шапки, чтобы зайчик положил в них подарки – конфеты, яйца.

Семейное меню включало блюда немецкой кухни. «Strembes» – тушёная с мясом капуста, поверх которой на пару готовили ломтики

рулета, скрученного из теста, замешанного на простокваше. Подавали на стол отдельно капусту и ломтики рулета, облив их маслом с пережаренным на нём луком. «Kraut und Prei» – тушёная с подсолёнными свиными рёбрышками и чесноком капуста, которую клали поверх картофельного пюре. Часто варили «Krautsupp» из квашеной капусты, по возможности добавляя немного свежей, на мясном бульоне, с картошкой. «Riewelsupp» варили с «затиркой» из теста, добавляя картошку. Стряпали «Kuche» – пироги с ягодой и «Riewelkuche» – с посыпкой из мучной крошки и яблоками. После того как родители Давыда Ивановича переехали в Казахстан, они постоянно слали посылки со свежими яблоками и с сухофруктами.

Виктория и Давыд поженились в 1948 г. На Шпальной появилась ещё одна немецкая семья, а в ней – дети: Иван (1949 г. рождения), Давыд (1951), Эльвира (1954) и Мария (1956). Свадьбы в конце 1940-х гг. не справляли: время было тяжёлое, и всё сводилось к скромному застолью с родителями и близкими знакомыми. В начале 1950-х гг., судя по фотографиям, празднование свадьбы возобновилось, причём с немецкими элементами. Так, на свадьбе сестры Давыда Ивановича, Доры, голову невесты украшал пышный венок из «бумажных» цветов, т.е. изготовленных из ватных удлинённых шариков, обработанных воском, а к костюму жениха (по фамилии Дик) был прикреплён букетик цветов и бант с длинными лентами.

Давыд Иванович, окончивший 7 классов, любил читать, в том числе и на немецком языке. После войны он покупал книги на родном языке, а впоследствии в семье обязательно выписывали две газеты – «Красное знамя» и «Neues Leben». С особым интересом читал всё, что касалось жизни на Волге, вырезал такие заметки. Страсть к чтению передалась и сыну Ивану, а дочь Мария, пойдя в школу, обнаружила способность к изучению языков. Учитель немецкого языка, Андрей Карлович Флеминг, советовал ей поступать на факультет иностранных языков в педагогический институт, но категорически против выступил отец, Давыд Иванович. Отношение к родному языку у самой Марии было неоднозначным и менялось со временем. В начальной школе смеялись над немецкими детьми, их акцентом, сложностями с русским языком, обзывали их «фашистами», поэтому Мария решила, что не будет иметь никакого отношения к немецкому языку и выйдет замуж непременно за русского. Вне семьи старалась не говорить на немецком языке. Хотя в паспорте она значилась немкой, нигде не афишировала этого, а если спраши-

вали, то отвечала, что она – «русская немка». Отношение к языку и национальности изменилось после отъезда родственников в Германию. Мария Давыдовна признала права немецкого как родного языка. «Какой есть язык – такой и есть», – считает она. Более того, она 16 лет преподавала немецкий язык в Тогурской школе, где примерно до 2007 г. ему обучали с 5-го по 11-й классы, а после – со 2-го по 11-й. И хотя дети и внуки Марии Давыдовны не хотели и не хотят изучать немецкий, поскольку молодёжь обнаруживает тягу к английскому, всё же из этого правила есть и исключение. Внука Александра в школе учила немецкому бабушка, Мария Давыдовна.

Закончив школу в Тогуре, Мария Давыдовна продолжила обучение в Колпашевском педучилище. По окончании его стала преподавателем математики и была направлена по распределению в деревню Мохово, что находится недалеко от Белояровки. Ещё в Тогуре познакомилась с Владимиром Александровичем Коноваловым (1953 г. рождения), уроженцем Мохова, потомком русских сибирских старожилов – «чалдонов». Он преподавал в школе труд. Молодые люди приглянулись друг другу, и в 1975 г. сыграли свадьбу. Их дальнейшая совместная жизнь проходила в Новосёлово, где они живут и по сей день. Мария Давыдовна 16 лет проработала в средней школе и 17 лет – в детском саду.

В семье Коноваловых выросли две дочери: Наталья (1976 г. рождения), которая живёт в селе Маракса, что недалеко от Колпашева, и Мария (1978 г. рождения), которая трудится медсестрой в известном санатории Чажемто. Мужья у обеих – русские, русскими считают себя и их дети – Саша, Дима и Катя. Имя «Мария» прошло через несколько поколений близких родственников в семье Райс: так звали прабабушку, бабушку и зовут дочь и саму Марию Давыдовну.

Религиозная ситуация в семье Райс складывалась неоднозначно, хотя никаких разногласий на этой почве не существовало. Родители матери принадлежали к католической вере, а отца – к лютеранской. Мать, Виктория Михайловна, переехавшая в Германию, по праздникам ходит там в костёл, читает католические книги. Отец, Давыд Иванович, слыл человеком неверующим. Мария Давыдовна, обе её дочери и внуки крещены по православному обряду в Тогурской церкви. Раз в неделю из Тогура в Новосёлово приезжает священник и проводит коллективное богослужение. Для этой цели в администрации сельского поселения выделили комнату. На коллективную

молитву собирается до 20–30 человек, иногда до 10 человек принимает таинство крещения.

Семью Райс разбросало во времени и пространстве. В начале 2000-х гг. в Германию переехала мать, Виктория Михайловна, её сестра Мария с двумя внуками и дочь Эльвира с тремя сыновьями. Эльвира Давыдовна долгое время представлялась русской в официальных данных и в общении, в школе демонстративно учила французский язык, чтобы избежать настороженного отношения к себе. Перед отъездом она резко поменяла своё самосознание и стала отождествлять себя с немцами. Все трудоспособные родственники Марии Давыдовны в Германии устроились на работу, живут хорошо. Молодые люди женились на немках из Казахстана. Родственники разбросаны по разным городам – Кёльн, Дюссельдорф, Дортмунд, Эссен, Гельдерн. В Германии хорошо налажена служба ухода за престарелыми людьми: к Виктории Михайловне регулярно приходят для того, чтобы замерить давление и снять другие медицинские показания. Ей сделали операцию на глазах, и она стала видеть «лучше прежнего».

Давыд Иванович Райс после снятия учета комендатуры уезжал в Казахстан, Якутию, но упокоился на тогурской земле. Сюда ежегодно из Германии приезжает Виктория Михайловна, чтобы посетить могилы мужа и младшего брата, умершего в 25-летнем возрасте от воспаления лёгких. Она привозит с собой священную воду из костёла и кропит могилы родственников, но не мужа, поскольку его родители являлись лютеранами. Мария Давыдовна не собирается переезжать в Германию: здесь живут дети и внуки. И они создают ту связь с Нарымским краем, которую она разорвать не в силах.

О.М. Рындина

**«ОЧЕНЬ ТРУДНО, КОГДА ТВОЯ РОДИНА
ТЕБЯ НЕ ПРИЗНАЁТ» ***

(о Татарниковой (Классен) Елене Генриховне)

Елена Генриховна родилась в 1937 г. в Колпашеве. В истории её семьи пересеклись две линии: по матери – Безе и по отцу – Классен.

Дед, Иван Давыдович Безе (1886 г. рождения), родился на Украине, в селе «Лацкое» Запорожской области Молоканского района. Был женат на Елене Ивановне (1888 г. рождения) – уроженке того же села. Хозяйство имели средней зажиточности, занимались хлебопашеством. У деда была красивая лошадь и большой дом, поскольку в семье росло 9 детей. Их рано приучали к труду, рабочий день начинался в 4 часа утра. Дочь Елена, которой шёл 11-й год, помнит, как отец привязывал её к лошади, чтобы она, сонная, не упала, когда утром отправлялись на поля. В 1930-е гг. семья попала под раскулачивание. Приехали описывать имущество, а взять-то особенно и нечего было. Дом забрали под контору. Ивана Давыдовича арестовали и выслали в Сибирь, жена с детьми последовала за ним. В телячьих вагонах привезли в Томск. В городе в это время свирепствовали корь и дифтерия. Трое дочерей: 4-летняя Анна, полуторагодовалая Мария и шестимесячная Агнесса умерли в течение недели. Родственникам не разрешили их похоронить, завернули в покрывало и увезли на телеге. Где они похоронены – не известно. В больницу положили трёх других дочерей: Елену, которой шёл 17-й год, 14-летнюю Агату и 12-летнюю Маргариту. Они выздоровели.

Из Томска Ивана Давыдовича, Елену Ивановну и трёх дочерей, Елену, Агату и Маргариту, на барже отправили до Колпашева. Привезли поздней осенью и высадили на берег. Река уже начала покрываться льдом. Весной 1934 г. отправили в Верхнекетский район, где определили на раскорчёвку леса. Лес возили на быках. Поселили в опустевших домах. Раньше в эту деревню привезли «алтайцев» из

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

Горного Алтая. Они почти все умерли, так как привыкли к мясной пище, а дома остались. Выжил лишь один человек. Он пел, когда мимо него кто-либо проходил или проезжал. Принудительные переселения семьи Безе на новые места продолжались: их отправили в исчезнувшую ныне деревню Городецк, а позднее – в Клюквинку. Здесь мать работала на пекарне, пекла хлеб для школьников, которых привозили из окрестных деревень, поскольку школа на всю округу была только в Клюквинке. Возможно, переселения продолжились бы, но в 1936 г. с Украины приехал односельчанин Классен.

Генрих Абрамович Классен (1911 г. рождения) был хорошо знаком с дочерью Еленой. Когда он служил в армии, молодые люди переписывались. Вернувшись из армии и не застав в родном селе девушку, он отправился за ней в Сибирь. Как «вольному», не сосланному человеку ему разрешили взять на иждивение всю семью Безе и перевезти её в Колпашево. Здесь в 1936 г. сыграли свадьбу, а в следующем году родилась дочь Елена. Генрих Абрамович работал ветеринаром в ветеринарной лечебнице, а Елена Ивановна – рабочей в артели «Объединение». По всей округе в 1937 г. проходили аресты, во многих семьях не спали ночами: ждали, придут или не придут. В феврале 1937 г. арестовали Ивана Давыдовича Безе. Летом и Генриха Абрамовича главный врач предупреждал о возможном аресте, а 27 июня его ночью забрали. Он ушёл со словами: «Я скоро вернусь! Никакой вины за мной нет!». Обоих расстреляли на Колпашевском яру: дедушку – в мае, отца – в сентябре или октябре. В 1992 г. обоих реабилитировали.

Елену Ивановну Безе с дочерьми Агатой Ивановной, Маргаритой Ивановной и Еленой Ивановной Классен и с внучкой Еленой Классен выслали в Новосёлово. Здесь, в 1938 г., уже после ареста мужа, у Елены Ивановны Классен родился сын – Генрих Генрихович Классен. В селе располагалась комендатура и жило много сосланных в ходе кампаний по раскулачиванию, борьбе с «врагами», а позднее – и депортированных. Доля у всех этих женщин оказалась тяжёлой. Они затемно уходили на работу и затемно возвращались. Домашним хозяйством занимались при свете луны, выполняя и мужскую, и женскую работу. К тому же к ним приклеились обидные и незаслуженные прозвища «жена врага народа» и «дочь врага народа». Некоторые односельчане даже дверь в магазин перед ними закрывали. Правда, те, кто был умнее, так не поступали. С началом Великой Отечественной войны прибавилось ещё обидное слово «фашисты». Обязательным для разных категорий со-

сланных было регулярно отмечаться в комендатуре и получать разрешение коменданта на любое перемещение, даже в близлежащее Колпашево. С учёта в комендатуре сосланных русских сняли в 1948 г., немцев, сосланных в 1930-е гг., – в 1954 г., депортированных немцев – в 1956–1958 гг.

В годы войны питались в основном крапивой, лебедой и картошкой. Сажали скороспелый сорт картофеля, который выродился, и клубни стали мелкими. По этой причине засевали большие площади, до 30 соток. Отварной картофель секли сечкой, добавляя отвар. Из редьки и брюквы в русской печке томили «парёнки». Из лебеды и крапивы варили супы, добавляя в них по возможности картошку. Весной и летом Елена с Генрихом на удочки ловили рыбу, которую варила бабушка. Первую булку белого хлеба Елена попробовала в 1948 г., её на праздник 7 Ноября подарила тётя Агата. С 1949 г. хлеб стал появляться на столе регулярно. В послевоенные годы практически все продукты, получаемые от скота на личном подворье: молоко, масло, яйцо – сдавали государству. На домашнем столе они не появлялись, вместо молока пили обрат. По-прежнему основными продуктами питания оставались картошка, редька и брюква. Те, кто держал овец, должен был сдавать полторы шкуры с головы скота с учётом будущего приплода. Ситуация понемногу стала изменяться лишь с 1960-х гг.: в рацион питания начали входить молоко, творог, мясо.

Сурово прошла война и по семье Классен, жившей на Украине, в селе «Лацкое». Отец Генриха Абрамовича, Абрам Давыдович Классен, был главой большой семьи, в которой было 10 детей. Его самого и сыновей, Петра и Григория, забрали в трудармию. Абрам Давыдович умер в пути, судьба Петра до сих пор не известна, а Григорий оказался на Урале, под Соликамском, где строил железную дорогу. Сказался непосильный труд, и его списали по состоянию здоровья. Он уехал в Казахстан, куда выслали много депортированных немцев, обосновался там, и к нему переехали братья Яков и Эрих и сестра Анна. Позднее Григорий и Эрих уехали в Германию и закончили там свой жизненный путь, а Эрих и Анна похоронены в Казахстане. Корней и Лидия попали под оккупацию, затем были вывезены в Германию, а оттуда принудительно репатриированы. Советских немцев обещали вернуть в родные места, но обещание обернулось очередной ссылкой. Брат и сестра оказались в Архангельской области. Будучи человеком рослым, Корней Абрамович страдал от недоедания и при тяжёлой работе умер от истощения.

Лидия Абрамовна выжила, и в настоящее время она – единственный представитель некогда большой семьи Абрама Давыдовича Классена, живёт в Германии.

Елена Генриховна Классен в Новосёлово окончила 7 классов, а 10-летку – в Тогуре. Глубокий след в памяти школьницы оставило необоснованное недоверие к немецкой молодёжи. Знакомого паренька-отличника из Мараксы, у которого отец был немцем, а мать – латышкой, приняли в комсомол, долго сомневаясь. Решающим доводом для принятия стала национальность матери: если бы и она была немкой – не разрешили бы вступить в комсомол. Позднее, когда Елена учила в педучилище, ей тоже предложили вступить в комсомол, но она отказалась, заявив: «Честной я могу быть и без комсомола». Рана и обида остались на всю жизнь.

По окончании средней школы, в 1955 г., Елена поступила в двухгодичный учительский институт в Колпашеве, выдержав конкурс 4 человека на место, но институт закрыли. Всем поступившим предложили учиться в Колпашевском педучилище. В нём Елена училась в 1955–1956 гг., а затем училище перевели в Томск, на место закрытого татарского педучилища, расположенного на улице Крылова. Педучилище Елена Генриховна окончила в Томске в 1957 гг., став учителем начальных классов. По специальности работала в сёлах Колпашевского района: год в Родионовке, 2 года в Типсине, остальной трудовой стаж пришёлся на Новосёлово. Здесь Елена Генриховна год работала в школе и 26 лет в детском садике.

В Родионовке познакомилась с будущим мужем – Юрием Ивановичем Татарниковым, который работал бухгалтером в колхозе. Свадьба свелась к скромному застолью, на котором присутствовали матери невесты и жениха. Обе с пониманием отнеслись к выбору детей, хотя отец Юрия Ивановича сражался в рядах Красной Армии на фронте и пропал без вести под Курском.

В семье Татарниковых родилось три сына. Валерий (1958 г. рождения) по профессии слесарь-сборщик летательных аппаратов, живёт в Ростове, работал в литейном цехе Россельмаша, имеет двоих дочерей, Ирину и Марину. Геннадий (1960 г. рождения) живёт в Новосёлово, тракторист, имеет троих сыновей, Юрия, Павла и Тимофея, и двух дочерей, Любовь и Марину. Андрей (1976 г. рождения) обосновался в Колпашево, воспитал двоих дочерей, Маргариту и Марию. В настоящее время у Елены Генриховны 3 правнука и 3 правнучки. Внуки и внучки считают себя больше русскими, чем немцами.

Этому в немалой степени способствует языковая и конфессиональная ситуация. Елена Генриховна до 7-го класса хорошо говорила по-немецки, поскольку это был язык семейного общения. При этом говорили не на литературном языке, а на диалекте – Plattdeutsch. Бабушка даже утверждала, что Безе – это голландцы. Поскольку словарный запас после переселения в Россию практически не изменился, диалект сильно отличался от голландского и немецкого языков, и в детстве Елена Генриховна не понимала литературный немецкий. Впоследствии научилась понимать и литературный вариант языка. Со своими детьми она разговаривала только по-русски, и с немецким языком они познакомились в школе. В Новосёловской школе немецкий преподавали со 2-го класса, и все желающие могли его изучать. Правда, в последнее время таких желающих становится всё меньше, включая и внуков Елены Генриховны.

По вероисповеданию семья Безе принадлежала к меннонитам. «Строгая вера», – так её охарактеризовала Елена Генриховна. Мать и бабушка постоянно молились, а бабушка учила меннонитским молитвам и внуков. Повзрослев, Елена Генриховна стала симпатизировать евангельским христианам-баптистам и в 56-летнем возрасте приняла крещение по их обряду. Она состоит в колпашевской общине, по воскресеньям старается побывать на коллективной молитве в Колпашеве, где собирается до 30 человек. Община организует для молодёжи христианские лагеря, создала детский и молодёжный хоры. По мнению Елены Генриховны, вера баптистов близка менонитской: нет поклонения иконам, молитва каждого обращена непосредственно и напрямую к живому Богу. Дети и внуки Елены Генриховны прошли обряд крещения по православному обряду.

Подытоживая ситуацию с размыванием этнического самосознания российских немцев, Елена Генриховна с горечью привела высказывание своего брата, Генриха Генриховича Классена, по поводу смерти матери, Елены Ивановны: «Ну, всё. Осталась только вывеска, что мы – немцы».

О.М. Рындина

ПАРЕНЁК ИЗ ДЕТДОМА*
(о Вальдере Александре Николаевиче)

Нарымский округ был выделен как административно-территориальная единица с целью размещения различных категорий сосланного населения – «раскулаченных», «врагов народа», депортированных, репатриированных. Среди сосланных из Алтайского края «кулаков» оказалась и семья Богдановых, которую сначала увезли в Верхнекетский район, а затем, примерно в 1935 г., отправили в Белояровку. Здесь в 1937 г. родилась дочь – Антонина Никифоровна Богданова. Белояровка делилась на два конца: в «нижней» жили спецпереселенцы, работавшие в леспромхозе, на Елтыревском лесоучастке, а в «верхней» – колхозники, местные жители. Антонина Никифоровна помнит, как обитатели двух концов дрались друг с другом, дразнили друг друга: «чалдоны жёлтопупые» и «посельга – солёные уши». В Белояровке имелись больница, школа, клуб, пекарня.

В Нарымском округе в 1941 г. оказался и Александр Николаевич Вальдер. Он родился в 1937 г. в семье военного. Отца, Николая Трофимовича, арестовали, а мать, Веру Васильевну, с маленьким сыном отправили из Саратова в Сибирь. Она была рыжеволосая, с длинной косой. Однажды она ушла в лес и не вернулась. Александр остался без родителей, и его определили в Новиковский детский дом. Затем перевели в Кругловский детдом, а из него – в Новосёловский. Из Новиковского детдома мальчик неоднократно сбежал. Саша окончил 5 классов, дальше учиться не захотел, сбежал в Белояровку к бакенщикам и работал с ними.

Впервые Антонина увидела Александра на вечерке. Хулиганистый парень Герман, которого молодёжь не уважала, решил проявить себя и порезал Антонине и другим девушкам пиджаки. Чтобы купить их, девушки после учёбы работали, копили деньги, поэтому пиджаки были им дороги. Девушки решили побить Германа, а парни обещали не заступаться за него. Герман привёл с собой для подмоги

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

«парнишку в коротких штанах и красной клетчатой рубаше». Вникнув в дело, парень не стал заступаться за хулигана. Парнем оказался Саша Вальдер. Через некоторое время состоялось знакомство. Антонина узнала от одной девушки, что с ней дружит Александр и каждый вечер приносит ей конфеты. Антонина решила: «Он будет мой!». Она пела в хоре, ездила с концертами по деревням. После концертов устраивали танцы. Во время танцев на 7 Ноября её и пригласил Александр. Затем последовали знаки внимания – броски снежками во время гуляний на улице и письмо с прямым вопросом: «Будешь со мной дружить?». Антонина ответила уклончиво: «Не знаю». Она закончила 7 классов, собиралась ехать учиться на швею, но устроилась на работу почтальоном, так как должна была сама заботиться о себе: в 1944 г. умерла мать, и девочка жила с дедами. Мать возила лес вместе с отцом, её укусил клещ, и она умерла в томской больнице от энцефалита. Александр помогал девушке, носил почтальонскую сумку. Антонину собирались «подучить» и отправить в соседнее село Типсино начальником почты. Она отказалась, чтобы не расставаться с Александром. Осенью он обещал посвататься и слово сдержал. Отец Антонины дал согласие на её брак.

Молодые поженились в 1955 г. в Белояровке, а зарегистрировали брак в Типсино, где находился сельский совет. Накануне Антонина уговорила Александра поменять его фамилию Вальдер на её фамилию – Богданов. Секретарь сельского совета отсоветовала делать это, ведь у Александра такая красивая немецкая фамилия. Так возникла новая семья – Вальдер. В 1955 г. Александр Николаевич устроился разнорабочим в леспромхоз, возил зимой сено на лошадях, лес. За хорошую работу его отправили в Томск на полугодичную учёбу на тракториста. Получив новую профессию, год проработал трактористом, но леспромхоз в Белояровке закрыли и перевели в Песчаное. Значительная часть населения Белояровки осталась без работы.

В 1963 г. семья Вальдер переехала в Новосёлово. Там нужен был лесничий, им и устроился Александр Николаевич. Весной возле леса, на отшибе, построил себе дом, окна которого смотрели на деревню. Жене объяснил свой выбор: «На этом месте стоял детдом». Сам постоянно пребывал в разъездах, дома почти не находился. По этой причине, когда создали совхоз, Антонина Никифоровна посоветовала мужу устроиться туда на работу. Александр Николаевич внял её совету и стал работать на «дизеле», т. е. дизель-генераторе, который

снабжал электричеством село. Затем его перевели на должность механика, а позднее – управляющего Новосёловским совхозом, и с этой должности в 1993 г. он ушёл на пенсию. За ответственный и добросовестный труд награждался почётными грамотами, трудовыми знаками, медалью «Ветеран труда». Избирался депутатом сельского совета, как депутат курировал строительство дороги в селе.

Перед замужеством сельский милиционер с укоризной говорил Антонине: «За кого ты замуж выходишь? Ты знаешь, что он немец?!» Девушку это ничуть не смущало. Она не побоялась связать свою судьбу с немецким пареньком из детдома, и он не обманул её ожиданий. Они прожили вместе 42 года и, оглядываясь сегодня на прожитые годы, Антонина Никифоровна считает, что прожили хорошо. Александр Николаевич относился к ней уважительно, называл только «Тоней» и никогда «Тонькой», заботился о сыновьях, был хорошим семьянином и хозяином, любил рыбачить, ходить на охоту, питал слабость к лошадям и одну постоянно держал у себя на подворье.

В 1979 г. семья Вальдер перебралась в новый дом. Его купили, но внушительный ряд хозяйственных построек возвёл Александр Николаевич с сыновьями. Сначала пристроили крыльцо и сени с верандой, чтобы вход в дом не задувало зимой снегом. Затем возвели ряд Г-образно примыкающих к дому построек: летней кухни, бани, дровяника, пригона для скота, где держали не менее 20 овец, сеновала, стайки. Чуть поодаль, с другой стороны от дома, построили два гаража, один из которых рассчитан на трактор и машины. Дому около века, и, несмотря на то, что уже 19 лет как нет хозяина, он до сих пор выглядит внушительно и впечатляет своими хозяйственными постройками.

Сыновьям, по словам Антонины Никифоровны, передались лучшие черты отца: аккуратность, мастеровитость, уравновешенность. Сын Николай живёт в Мараксе, работает шофёром в налоговой службе, имеет троих детей – Александра, Елену, Яну. Второй сын, Александр, служит в полиции, как и его сын Евгений, а Вениамин работает в службе исполнения наказаний. У Антонины Никифоровны 6 правнуков. Она и её сыновья крещены по православному обряду, сыновья считают себя русскими. В доме над дверями висит крестик из Иерусалима, привезённый снохой. Младший сын одно время собирался уезжать на жительство в Германию, но остался и уже отстроил себе дом в Новосёлово.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вахрушева Татьяна Евгеньевна – окончила Томский политехнический институт, инженер-геофизик, до 1992 г. работала в Томском геофизическом тресте, затем – в сфере образования, руководит музеем в общеобразовательной школе № 4 г. Колпашево, занимается историей родного края.

Галактионова Елизавета Анатольевна – студентка 1-го курса кафедры музеологии, природного и культурного наследия института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета.

Дементьев Александр Денисович – студент 1-го курса кафедры музеологии, природного и культурного наследия института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета.

Малахова Галина Романовна – окончила исторический факультет Томского государственного университета, директор и преподаватель основной Белоярской школы, занимается краеведением.

Рындина Ольга Михайловна – доктор исторических наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета.

Ситников Всеволод Алексеевич – студент 2-го курса кафедры музеологии, природного и культурного наследия института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета.

Сысоева Мария Сергеевна – студентка 1-го курса кафедры музеологии, природного и культурного наследия института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета.

Шмидт Виталий Владимирович – окончил исторический факультет Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, заместитель директора по учебной работе средней общеобразовательной с углубленным изучением отдельных предметов № 16 г. Томска, учитель I категории, председатель Совета общины Местной религиозной организации «Евангелическо-лютеранской общины г. Томска».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Вахрушева Т.Е.</i> Российские немцы на колпашевской земле	6
<i>Рындина О.М.</i> Жили, трудились, любили: о российских немцах Колпашевского района	11
<i>Шмидт В.В.</i> Религиозная идентичность	30
Колпашево	
<i>Сысоева М.С., Рындина О.М.</i> Две «мясорубки» (о семье Баймлер)	34
<i>Ситников В.А.</i> Всё, как положено (о Ганикеле Крале Христиановиче)	43
<i>Ситников В.А.</i> Вспоминать даже не хочу (о Гриценко Гилейне Омельяновне)	46
<i>Дементьев А.Д.</i> Мы – здешние, российские немцы (о Дейи Марии Яковлевне)	49
<i>Ситников В.А., Галактионова Е.А.</i> Мука, облитая керосином (о Фабере Иване Ивановиче)	53
<i>Дементьев А.Д.</i> Молось за здоровье всех своих родных (о Готмане Тоедоре Генриховиче)	59
Тогур	
<i>Сысоева М.С.</i> Ни на что свой Тогур не променяю (об Ушаковой (Райман) Лилии Рейнгольдовне)	63
<i>Галактионова Е.А.</i> Соединил Тогур (о Чичигиной (Кильман) Фриде Георгиевне)	70
<i>Галактионова Е.А.</i> Из семейного архива (о Бредере Владимире Петровиче)	73
<i>Сысоева М.С.</i> Никуда я из Сибири не поеду (о Горн (Фейлер) Лидии Германовне)	77
<i>Ситников В.А.</i> Лесозавод, вместивший почти всю жизнь (о Фурмане Эрихе Ивановиче)	83
<i>Вахрушева Т.Е.</i> Скитания семьи Фрибус (о Фрибусе Константине (Христиане) Яковлевиче)	85
Саровка	
<i>Вахрушева Т.Е.</i> История семьи Макштадт	87
<i>Рындина О.М.</i> Родовое поместье (о Зауэре Антоне Антоновиче)	90
<i>Рындина О.М.</i> Наказ матери (о Шевченко (Маркс) Эмилии Артуровне)	96
<i>Шмидт В.В.</i> Жизнь, вращающаяся вокруг лесозаготовки (о Быковской (Магер) Елене Петровне)	100
<i>Вахрушева Т.Е.</i> «Приехал, посмотрел, посватал» (о семье Бауэров)	105
Белояровка	
<i>Малахова Г.Р.</i> Трудный путь семьи Батц	110
<i>Малахова Г.Р.</i> Чудес на свете не бывает, и юность не вернуть назад (о семье Романа Васильевича (Рейнгольда Вильгельмовича) Каутца)	139
Новосёлово	
<i>Рындина О.М.</i> Уроженка немецкой слободы (о Коноваловой (Райс) Марии Давыдовне)	149
<i>Рындина О.</i> . «Очень трудно, когда твоя Родина тебя не признаёт» (о Татарниковой (Классен) Елене Генриховне)	154
<i>Рындина О.</i> . Паренёк из детдома (о Вальдере Александре Николаевиче)	159
Сведения об авторах	162

Научное издание

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ
В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПАЛИТРЕ
ТОМСКОГО СЕВЕРА:
КОЛПАШЕВСКИЙ РАЙОН

Обложка Е.А. Домрачева
Редактор В.С. Сумарокова
Компьютерная верстка Т.В. Дьяковой

Подписано в печать 20.10.2016.

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Печ. л. 10,25 +3 вкл.; усл. печ. л. 9,54+3 вкл.; уч.-изд. л.10,45. Тираж 300. Заказ

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ЧП Завгородний Е.А., 634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28.